

Библ. Моск. ун-та. Физико-матем. ф-т.

Ө. ПАВЛОВЪ.

(Ө. П.)

За десять лѣтъ практики.

*(Отрывки воспоминаній, впечатлѣній и наблю-
деній изъ фабричной жизни).*

О О Д Е Р Ж А Н І Е.

Заработка.—Директоръ.—Въ свободное время.—Несчастіе.—Въ лѣсу.—
По кубу на челоѵка.—Въ больницѣ.—Праздничная скука.—Коневская
гута.—Инспекторская ревизія: а) по фабрицѣ, б) въ директорскомъ
кабинетѣ.—Ткачи по-шумѣли.—

На французскомъ судостроительномъ заводѣ.
Лионъ и его шелковое производство.

ИЗДАНИЕ

С. Дороватовскаго и А. Чарушникава.

МОСКВА.

Типо-литографія В. Рихтеръ Тверская, Мамоновскій пер., с. д.
1901.

ОТЪ АВТОРА.

Несмотря на тотъ живой интересъ ко многимъ вопросамъ, связаннымъ съ фабричною промышленностью, который проявился за послѣдній десятокъ лѣтъ въ русскомъ обществѣ, слабое знакомство съ характеромъ и особенностями нашей фабричной жизни представляется довольно обычнымъ явленіемъ. Именно послѣднее обстоятельство навело автора этихъ строкъ на мысль, быть можетъ слишкомъ смѣлую, о томъ, что нѣкоторые изъ наблюдений и воспоминаний, накопившихся у него въ продолженіи десятилѣтней работы, вызывавшей постоянное соприкосновеніе съ фабричною средой нашего центрального района, могутъ представить кое-какой интересъ для извѣстнаго, хотя бы и ограниченаго, круга читателей. Это соображеніе послужило исходной точкой при составленіи очерковъ „За десять лѣтъ практики“, появившихся первоначально въ видѣ фельетоновъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“; оно же оправдываетъ въ глазахъ автора и настоящее ихъ изданіе.

Было бы слишкомъ долго объяснять тѣ причины, вслѣдствіе которыхъ очеркамъ придана полубеллетристическая форма; но, принявъ ее, авторъ стремился, насколько то допускалъ способъ изложенія, воспроизводить только дѣйствительные, реальные, по большей части лично ему извѣстные, факты. Наблюдавъ ихъ въ разныхъ пунктахъ и на многихъ фабрикахъ, онъ позволилъ себѣ лишь приурочить ихъ къ одному мѣсту дѣйствія, за которое принята крупная, благоустроенная мануфактура.

Два очерка, касающіеся французскихъ фабрикъ, представляютъ собою простое описаніе того, что видѣлъ авторъ во время заграничной поѣздки въ 1897 году. Быть можетъ они не окажутся совсѣмъ лишними рядомъ съ замѣтками о русскихъ фабрикахъ.

6 января
1901 года.

Ө. П.

Въ центральномъ районѣ.

1. Заработка.

Да, да! вотъ сейчасъ я видѣлъ что-то радостное, хорошее; я стоялъ въ какой-то огромной, свѣтлой залѣ, гдѣ было столько славныхъ молодыхъ лицъ. Я долженъ сейчасъ же опять туда вернуться, всѣхъ увидеть, всѣмъ сказать... непременно, непременно долженъ! но что-то мѣшаетъ! И что это такое? Точно шмель гудитъ и гудитъ надъ самымъ ухомъ. Гудитъ долго, протяжно, уныло. Чѣмъ дальше, тѣмъ назойливѣе и сильнѣе этотъ звукъ.—Мнѣ надо досмотрѣть что-то, но это что-то уходитъ, расплывается туманомъ, заслоняется чѣмъ-то другимъ, скучнымъ, неопредѣленнымъ и огромнымъ, что неумолчно и безжалостно терзаетъ мой слухъ одною и той же неумолкающей нотой...

Нѣсколько легкихъ ударовъ въ дверь съ обыкновеннымъ окрикомъ: „Баринъ, вставать пора“, пробуждаютъ меня окончательно, прежде чѣмъ прекращается ревъ фабричнаго гудка. Я поворачиваюсь, привычнымъ жестомъ беру спички, зажигаю свѣчу, быстро скидываю одѣяло и, ежась отъ холода, начинаю спѣшно одѣваться.

Черезъ 10 минутъ, торопясь на-ходу застѣгнуть потертое „фабричное“ пальто, я спускаюсь съ крыльца и попадаю сразу въ атмосферу холодной, сырой ноябрьской ночи. Тяжелый туманъ заволакиваетъ весь фабричный дворъ; я вижу

колеблющіеся огни нѣсколькихъ газовыхъ рожковъ (электрическое освѣщеніе мы надѣмся установить еще только въ будущемъ году), но тусклый свѣтъ газа помогаетъ мало. Я знаю дорогу, а потому, автоматически сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, легко нахожу калитку тощаго, обнаженнаго палисадника и почти натыкаюсь на цѣлую партію рабочихъ, которые спѣшной, дѣловой походкой не-то идутъ, не-то бѣгутъ внизъ по дорогѣ къ огромному фабричному корпусу. Гигантскіе размѣры этого зданія теперь нельзя точно опредѣлить глазомъ, а можно лишь угадать по какимъ-то смутнымъ очертаніямъ и по неясно пробивающемуся сквозь мглу тумана свѣту оконъ. Къ фабрику съ трехъ сторонъ стекаются непрерывныя вереницы людей, и распахнутыя двери точно втягиваютъ въ себя эти живые потоки. По широкой каменной лѣстницѣ поднимаются мужскія и женскія фигуры въ верхніе этажи, а входящіе снаружи быстро снимаютъ верхнюю одежду; старики крестятся, молодежь зѣваетъ; всѣ спѣшатъ къ своимъ станкамъ. Лица озабоченныя, сумрачныя; говора не слышно. Сегодня понедѣльникъ — заработки, т. е. начало работъ послѣ праздничнаго перерыва, — тутъ не до смѣха.

Сторожъ Пахомъ, лѣтъ 20 стоящій у этихъ самыхъ дверей и преданный всей душой интересамъ фабрики и хозяевъ, внимательнымъ, пытливымъ старческимъ взглядомъ окидываетъ cadaго входящаго и особенно пристально, какъ-бы съ выраженіемъ какого-то предубѣжденія, осматриваетъ хорошо ему извѣстныхъ любителей выпивки. Онъ боится, что послѣ праздника пронесутъ въ корпусъ водку, а проносъ водки воспрещается правилами и строго преслѣдуется директоромъ. Фабричные знаютъ зоркій глазъ Пахома и попадаютъ рѣдко, хотя въ темныхъ закоулкахъ фабрики зачастую къ вечеру оказываются опорожненныя сороковушки: пустую бутылку вынести изъ корпуса обратно труднѣе, чѣмъ полную внести, такъ какъ при выходѣ рабочихъ обшариваютъ для огражденія фабрики отъ покражъ.

Рабочіе прибываютъ непрерывно: въ теченіе 10—12-ти минутъ приблизительно двѣ тысячи челоувѣкъ уже распредѣлились около станковъ и аппаратовъ, которые занимаютъ огромное, въ шестьдесятъ слишкомъ сажень длины, пятиэтажное зданіе. Я поднимаюсь во второй этажъ, въ одно изъ

отдѣленій ткацкой, гдѣ въ продолженіе воскреснаго перерыва въ работѣ слесаря должны кое-что ремонтировать. Это огромная зала въ 19 сажень ширины, въ 25 длины, потолок которой поддерживается нѣсколькими рядами чугунныхъ колоннъ. Несмотря на порядочные размѣры оконъ, посрединѣ зала днемъ темна благодаря большой ширинѣ. Она тѣмъ же заставлена рядами станковъ, а подъ потолкомъ подвѣшена цѣлая система желѣзныхъ валовъ со шкивами, и съ каждой шкива къ каждому станку спускается безконечный ремень. Желѣзные валы и ремни опутываютъ все помѣщеніе какъ бы гигантской черной сѣтью. Деревянный полъ залы грязенъ и выбитъ. Побѣленные стѣны давно стали темными рядами отъ пыли и копоти. Въ проходѣ между стѣной и станками я сталкиваюсь со старшимъ слесаремъ. Онъ очевидно идетъ съ жѣсткой починкой.

— Готово, Ирасновъ?

— Слава Богу, успѣли! Все въ исправности.

Онъ прижимается спиной къ стѣнѣ, чтобы дать мнѣ дорогу. Я поневолѣ встрѣчаюсь взглядомъ съ его глазами на очень близкомъ разстояніи. Эти вдумчивые, свѣтло-голубые, но неясные, какъ-бы потускнѣвшіе глаза рѣзко выдѣляются и кажутся особенно большими на фонѣ землисто-сѣраго отъ копоти и мезалической пыли лица. Меня, какъ всегда, поражаетъ выраженіе какой-то хронической усталости, неизмѣнно присутствующее поблекшему, хотя и нестарому облику этого добросовѣстнаго и толковаго, но не рѣзкаго здоровьема, рабника.

— Давно ли здѣсь?

— Съ полночи. Николай вчера загулялъ, такъ я замѣсто его работалъ.

— Да вѣдь тебѣ сегодня весь день дежурить!

— Ничего, не впервой!

И, утомленно улынувшись однимъ губами, онъ встряхиваетъ головой и проходитъ мимо.

Два молодыхъ слесаря съ переносною лѣстницей на плечахъ и съ инструментами въ рукахъ быстро проходятъ мимо меня.

— Павелъ Сидорычъ, просить одинъ изъ нихъ идущаго навстрѣчу табельщика, — я двѣ ночи работалъ, отмытые по-

жадуиста, чтобы разговору какого не вышло, какъ прошлый разъ.

— Иди, кому надо, за утком! — кричить подмастерье.

— Посмотри, Петровичъ, что-то у меня батанъ не ходитъ; — просить его молодая, только-что поступившая, обучающаяся работница ткачиха.

На заработкахъ не слышно болтовни и смѣха; всѣ сумрачны и заняты дѣломъ. Послѣ краткаго воскреснаго отдыха, спрессовокъ, однообразная, остывлѣвшая работа кажется еще скучнѣе, чѣмъ обыкновенно; но, хочешь-не-хочешь, приниматься за нее надо, надо осмотрѣть станокъ, заправить челнокъ и т. д. Почти всѣ уже на своихъ мѣстахъ, но пока мѣстъ чувствуется отсутствие жизни: паровая еще не пошла.

Огромное цѣлое, колоссальный организмъ, именуемый фабричнымъ корпусомъ, имѣетъ свой жизненный центръ, свое сердце — паровую машину. Это сердце, составляющее, какъ и подобаетъ, предметъ особой заботливости и хозяевъ, и директора, помѣщено въ особой просторной пристройкѣ. Въ противоположность всей остальной фабрикѣ здѣсь все блестяетъ необычайной чистотой. Начиная отъ крупныхъ частей этого стального сердца, отъ 4-хъ-саженнаго маховаго колеса, отъ главнаго вала толщиной чуть не въ человѣческое туловище, вплоть до маленькихъ вентиляхъ въ масленкахъ, все какъ жаръ горитъ. Полъ выложенъ замысловатымъ мозаичнымъ узоромъ изъ разноцвѣтныхъ цементныхъ плитокъ и ежедневно протирается мокрыми швабрами. Стѣны покрашены свѣтлой масляною краской; лѣстницы и лѣсенки снабжены затѣйливыми перильцами.

Теперь это стальное чудовище, мощь котораго измѣряется тысячами лошадиныхъ силъ, молчитъ и не шелухнется; спокойно повисли стальные канаты, связывающіе его маховикъ съ главными валами каждаго этажа зданія, и вся фабрика стоитъ недвижима. Но вотъ по воѣмъ мастерскимъ раздаются сигнальные звонки, предупреждающіе о томъ, что паровая сейчасъ будетъ пущена входить. Проходить одна — двѣ минуты; слышенъ второй звонокъ, и вслѣдъ за нимъ, вмѣстѣ съ первымъ поворотомъ маховаго колеса, главный валъ нашей ткацкой приходитъ въ движеніе. Ткачи переводятъ приводные ремни съ холостыхъ шкивовъ на рабочіе, и, какъ — бы

по мановенію волшебнаго жезла, огромная зала, вмѣщающая болѣе 300 станковъ съ двумя сотнями рабочихъ, загудѣла и ожила. Неумолчное, рѣзкое хлопанье „погонялокъ“, перекидывающихъ челноки съ уткомъ съ одной стороны основы на другую со скоростью 120—150 разъ и болѣе въ минуту, мягкій стукъ батановъ, лязгъ различныхъ металлическихъ частей, — все это сливается въ какой-то неопредѣленный, но очень сильный, непрерывный, трескъ. Разговоръ дѣлается невозможнымъ; ткачи понимаютъ другъ друга по губамъ, но и, плохо постигшіи это искусство, должны нагибаться къ уху и кричать полнымъ голосомъ, когда мнѣ приходится кому-нибудь сказать слово. Самое ужасное свойство этого своеобразнаго шума ткацкихъ мастерскихъ — его перерывность. Во всякой другой мастерской, гдѣ работаетъ пять—шесть—десятокъ стучащихъ и гремящихъ станковъ, бываютъ минуты, когда шумъ замолкаетъ, или, по крайней мѣрѣ, ослабѣваетъ и даетъ отдыхъ измученному уху; но ткацкіе станки помѣщаются въ одной залѣ въ такомъ количествѣ, что остановка десятка — другого изъ нихъ не уменьшаетъ замѣтно общей массы звуковъ. Ослабленіе слуха и даже значительная степень глухоты — не рѣдкость между ткачами. Этотъ шумъ кромѣ того несомнѣнно расшатываетъ нервы и долженъ вообще разрушительно дѣйствовать на здоровье; но младенческое положеніе нашей фабрично-санитарной статистики не выразило еще этого вліянія ткацкой работы въ формѣ осязательныхъ цифръ.

Итакъ наша машина пошла на 18 часовъ. При восемнадцатичасовой работѣ двумя смѣнами законъ дозволяетъ женщинамъ работать съ четырехъ часовъ утра и до десяти часовъ вечера, при другомъ же расписаніи работа женщинъ и 15-ти—17-ти-лѣтнихъ подростковъ разрѣшена лишь между пятью часами утра и девятью часами вечера. Да и малолѣтнимъ разрѣшается работать въ первомъ случаѣ по девяти часовъ въ сутки вмѣсто 8. И вотъ, стремясь возможно полнѣе утилизировать дешевый женскій и дѣтскій трудъ, хозяева фабрики ввели въ одномъ изъ корпусовъ восемнадцатичасовое расписаніе съ полной остановкой на ночь, т. е. отъ 10-ти часовъ вечера до 4-хъ часовъ утра. Для ткачей и ткачихъ это — недурное распредѣленіе времени, такъ какъ

въ день они имѣютъ всего 9 рабочихъ часовъ, но для нашего брата-техника оно трудно. Двойнаго количества ученыхъ мастеровъ, конечно, фабрика не имѣетъ. Прежде, при работѣ круглыя сутки (дѣло было до введенія закона 1897 г., слѣдовательно, до законодательнаго сокращенія рабочаго времени), мы дежурили на фабрикѣ 12 дневныхъ часовъ, а послѣ 7-ми часовъ вечера являлось туда новое лицо — „ночной директоръ“, а насъ тревожили только въ исключительныхъ случаяхъ; теперь же зачастую приходится являться ранѣе 6-ти часовъ утра и уходить въ 8 — 9 час. вечера. Вотъ и сегодня. По установившейся традиціи, на заработки выходить всѣ техники. Директоръ считаетъ, что только полная аккуратность высшаго персонала можетъ принудить къ аккуратности и рабочихъ, что только этимъ способомъ можно до нѣкоторой степени уменьшить тѣ убытки, которые приносятъ фабрикѣ понеждѣльные прогулы и опозданія. А убытки эти, по расчету хозяевъ, не малы. Если стоимость построекъ и машинъ оцѣнить даже крайне низко — въ три милліона руб. — и принять, что въ году бываетъ 280 рабочихъ дней, то проценты съ этого капитала съ необходимыми отчисленіями на амортизацію и съ расходами по содержанію постоянныхъ служащихъ составятъ свыше 1,400 р. въ день, или болѣе 60 р. въ часъ; но вѣдь кромѣ покрытія расходовъ, фабрика даетъ же хозяину доходъ; (и какой еще!) этого дохода онъ тоже лишается при каждомъ простѣ. Конечно, всѣ эти дѣйствительныя или мнимыя потери съ избыткомъ покрываются прибылями, которыя получаютъ съ фабрики въ рабочее время. Но извѣстно, что „аппетитъ разыгрывается за обѣдомъ“, *appetit vient en mangeant*. Получая большіе барыши, не хочется имѣть маленькихъ убытковъ. Отсюда эта погоня за каждымъ лишнимъ рабочимъ часомъ или даже за нѣсколькими минутами работы машины. Здѣсь кроется причина упорнаго нежеланія отказать отъ тяжелой и невысокой по качеству ночной работы... Англійскія машины выписываютъ англичанамъ „подражаютъ“, уворятъ я мысленно хозяевъ фабрики, „а не могутъ отъ англичанъ хорошаго обычая перенять: работать на фабрикѣ только днемъ, да и то по десяти часовъ въ сутки! Убытки свои считаютъ, говорятъ, что ночной простой товаръ

удорожаетъ! А какже иностранцы, работая на своихъ фабрикахъ по часамъ чуть ли не въ полтора раза меньше нашего, ухитряются такъ дешево миткаль производить, что онъ нашъ товаръ повсюду бы вытѣснилъ, если бы мы отъ него огромными таможенными пошлинами не оградились бы?..“

Озлобленное настроеніе духа невыспавшагося человѣка какъ нельзя болѣе гармонировало съ подобными, горькими для русскаго техника вопросами, и въ далеко невеселомъ настроеніи, еле сдерживая судорожную зѣвоту и нервно подрагивая въ охолодѣвшей за праздникъ фабрикѣ, обходилъ я раннимъ ноябрьскимъ утромъ ткацкую мастерскую; конечно, я старался показать рабочимъ, что очень занятъ дѣломъ; но внутренно я въ это время проклиналъ судьбу, которая сдѣлала изъ меня техника, и посылалъ всякія непріятныя пожеланія директору и хозяевамъ, установившимъ такое расписаніе работы...

Среди стука станковъ мой слухъ вдругъ улавливаетъ какіе-то обрывки человѣческихъ голосовъ, и я отгадываю въ нихъ слова: „директоръ, директоръ“. Это рабочіе оповѣщаютъ другъ друга о приходѣ грозы всей фабрики, „Юпитера безъ грома и молніи“, какъ прозвала его компанія молодыхъ техниковъ. „Директоръ“,—это магическое слово сейчасъ же заставляетъ ткачей и ткачихъ внимательно всматриваться въ работу, обдергиваться. Лица дѣлаются серьезнѣе; словомъ, всё подтягиваются, какъ солдаты на смотре при приближеніи генерала; я тоже невольно подтягиваюсь и поворачиваю навстрѣчу начальству. Его некрупная, но широкая фигура въ потертомъ пальто и сѣренькой заношенной фуражкѣ виднѣется въ концѣ прохода между станками.

— Здравствуйте, Ѳедоръ Павловичъ,—бросаетъ онъ мнѣ вскользь, какъ бы мелькомъ оглядывая мою фигуру. Мнѣ сразу дѣлается какъ-то неловко. Проницательность директора и его способность сразу улавливать настроеніе поразительна и весьма известна. „На аршинъ сквозь землю видить, хоть и не гляди!“—говорятъ рабочіе.

— У васъ, кажется, нынче благополучно. Мало понедѣльщиковъ?

— Да, кажется, человѣкъ 20, не больше,—отвѣчаю я, еле улавливая изъ за шума смыслъ его словъ.

— Да, да, видѣть!—угадываю я по его губамъ.

Мы молча проходимъ бокомъ-бокомъ почти всю мастерскую.

— Что это вамъ какъ-будто не по себѣ?—спрашиваетъ директоръ, выходя на площадку лѣстницы, гдѣ лязгъ станковъ уже не заглушаетъ голоса.

— Да, не выспался немного.

— Вчера засидѣлись, небось, у Семена Ивановича?..

— Уже узналъ!—думаю я про себя.

— А въ третьемъ этажѣ у васъ нѣсколько станковъ гуляютъ: основы не готовы,—самымъ любезнымъ тономъ замѣчаетъ мнѣ на прощанье директоръ, переходя въ прядильную.

Въ переводѣ на общепонятный языкъ весь нашъ краткій діалогъ означаетъ, что мнѣ сдѣлано серьезное замѣчаніе. Я спѣшу разслѣдовать дѣло о неработающихъ станкахъ. Сонливость мою какъ рукой сняло, и незамѣтно проходитъ время до 5 ¹/₂ ч., когда раздается гудокъ, вызывающій рабочихъ въ другія отдѣленія фабрики, которыя начинаютъ работу съ 6-ти часовъ.

Въ 7 ¹/₂ часовъ въ чайной комнатѣ готовъ самоваръ для техниковъ и нѣкоторыхъ служащихъ. Я иду туда мрачный. Первое лицо, попадающееся мнѣ навстрѣчу,—нервный, высокий, молодой технологъ, завѣдующій прядильной. Онъ очевидно тоже золь. Я предполагаю, что и ему сдѣланы выговоръ, но считаю неудобнымъ спрашивать.

Черезъ 2—3 минуты онъ не выдерживаетъ самъ и, отрывочно бросая фразы, не-то говорить, не-то ворчить: „Мала выпрядка! Ему легко замѣчанія дѣлать! Половину машинъ въ отставку пора, да и хлопокъ то какой. Хозяева погнались за дешевизной, а намъ замѣчанія“.

Въ эту минуту влетаетъ маленькій, молный, всегда радостный инженерикъ, завѣдующій ремонтной мастерской. Взглянувъ на меня и на собесѣдника, онъ живо соображаетъ положеніе вещей.

— Что? обоимъ попало? Бросьте хандрить. Дѣло житейское! Надо же начальству дать себя почувствовать. Вотъ послушайте, какую я дѣску для нашего спектакля нашель!

— Оставьте меня въ покоѣ!

— Нѣтъ, право, предесь. И вамъ роль есть. Только не знаю, какъ наша „героиня“ справится.

Чайная комната наполняется посѣтителями, но кромѣ вѣчно

радостнаго любителя драматическаго искусства всё не въ своей тарелкѣ, всё готовы браниться. Заработка у всѣхъ вызываетъ одинаковое настроеніе.

Въ началѣ девятаго мы снова расходимся по мастерскимъ. Скопленіе рабочаго люда, слабая вентиляція и масса превращающейся въ теплоту совершаемой въ мастерской механической работы, какъ треніе частей машины одна о другую, уже нагрѣли все рабочее помѣщеніе, и атмосфера фабрики приобрѣла обычный характеръ какой-то тяжелой теплоты. Въ ткацкой чувствуется теперь иное настроеніе: люди ждуть смѣны и стали веселѣе. Подростки ежеминутно поды разными предлогами выскакиваютъ на лѣстницу, чтобы черезъ стекло въ двери взглянуть на часы въ машинной. Мнѣ вспоминается гимназія и ожиданіе звонка во время скучныхъ уроковъ. Но вотъ и гудокъ. Половина девятаго. Появляются отдѣльные рабочіе изъ второй смѣны. Количество ихъ растетъ, они становятся къ станкамъ на мѣсто уходящихъ. Я завидую имъ. До обѣда, когда я могу безъ нарушенія нашихъ правилъ уйти изъ фабрики, остается еще больше 4 часовъ. Изъ всѣхъ неприятныхъ сторонъ фабрично-заводской жизни ни одна не угнетаетъ меня такъ, какъ эта проклятая необходимость располагать всю свою жизнь по гудку: по гудку встаешь, по гудку чай пьешь, обѣдаешь, ужинаешь, да почти по гудку и спать ложишься. Цѣлую недѣлю живешь какъ автоматъ, какъ часть машины. Да вѣдь и въ самомъ дѣлѣ въ этомъ огромномъ собирательномъ цѣломъ, которое носитъ названіе „фабрики“ и приводится въ движеніе гигантскимъ стальнымъ сердцемъ, — паровой машиной, — приходится играть роль какой-то части механизма; отъ нея обыкновенно не требуютъ, иногда даже не ждутъ проявленія собственной мысли, а обращаютъ больше всего вниманія на исполнтельность. „Исполнительный механизмъ“, выражаясь языкомъ механики, — вотъ и все.

Но наконецъ раздается обѣденный гудокъ. Я съ облегченнымъ сердцемъ и съ улучшеннымъ настроеніемъ духа спускаюсь съ лѣстницы, а навстрѣчу мнѣ уже спѣшатъ рабочіе, четыре съ половиною часа назадъ оставившіе работу. Но теперь и у нихъ выраженіе лица уже не то, что было ночью. Слава Богу, заработка прошла, самая тяжелая упряжка всей недѣльной работы окончилась.

ними массивами прядильно-ткацкой фабрики, за которой въ отдаленіи, внизъ по рѣкѣ, видна труба красильно-набивнаго отдѣленія. Совсѣмъ влѣво, повыше фабрикъ, я вижу начало цѣлаго ряда казармъ. Между фабрикой и жилищами рабочихъ проходитъ широкая дорога; концы ея скрываются въ рощѣ, гдѣ поодаль отъ другихъ построекъ поставлены церковныя больницы. Правая часть горизонта закрыта садомъ или върибе сказать тремя смежными садами. Почти прямо предо мной стоитъ среди молодой еще посадки хорошенькій домикъ директора, примыкающій къ огромному, переходящему въ паркъ, саду хозяйскаго дома, крыша котораго виднѣется изъ-за оголенныхъ деревьевъ. Еще подале, среди маленькой рощи расположена школа. Воображеніе дополняетъ общую фizioномію фабрики всѣмъ тѣмъ, чего я не вижу непосредственно: цѣлыя улицы домовъ для служащихъ, зданіе клуба, чайная и читальня для рабочихъ, огромная лавка, бойня. Эти невидимыя для меня постройки расположены сзади дома съ квартирами техниковъ; изъ оконъ котораго я смотрю въ настоящую минуту съ огромною любовью отъ огромности всей фабричной усадьбы, знакомой мнѣ до мельчайшихъ подробностей, противъ воли приковывается къ себѣ мои мысли, и, пока пальцы автоматически достаютъ изъ кассета табакъ, уравниваютъ его на бумажкѣ и скрѣчиваютъ папиросу въ головѣ, можетъ-быть, въ сотый разъ пробѣгаетъ одинъ шотъ же рядъ мыслей. Я напередъ хорошо знаю эту назойливую логическую цѣпь, которую мнѣ никогда не удается произвольно прервать на среднѣ; прерваніе въ моемъ сознаніи не промелькнетъ въ ней звенья отъ перваго до послѣдняго. Не употребляя тщетныхъ усилій для того, чтобы востановить этотъ саморазвертывающійся рядъ картинъ, положеній и умозаключеній, я поддаюсь его обыкновенному теченію. И вотъ я стою отъ края до края въ отъ „Эта фабрика имѣетъ до 5½ тысячъ рабочихъ и около 250-ти служащихъ. Не болѣе 750-ти рабочихъ живутъ внѣ фабричной отряды; остальные 5 тысячъ человекъ, частью съ семьями, живутъ въ чертѣ фабричной усадьбы, общее населеніе которой со стариками и дѣтьми превышаетъ 8 тысячъ душъ. По свѣдѣніямъ послѣдней переписи, на всѣмъ необъятномъ пространствѣ Россійской имперіи имѣется только 138

городовъ съ большимъ количествомъ жителей, и даже одинъ губернсвій городъ (Якутскъ) на 2,000 человекъ отсталъ отъ нашей фабрики. Жизнь этихъ 8,000 людей, не говоря о нѣсколькихъ тысячахъ ихъ родственниковъ, связана съ жизнью фабрики нераздѣльно и неразрывно. Эта связь представляется мнѣ настолько сильной, что я поневолѣ задаюсь вопросами, существуетъ-ли въ настоящее время гдѣ-либо въ цивилизованныхъ государствахъ какая-либо власть, административная или даже политическая, которая могла бы такъ полно и всесторонне подчинить себѣ индивидуума во всѣхъ его жизненныхъ проявленіяхъ, какъ то можетъ сдѣлать директоръ русской фабрики?

„Директоръ составляетъ правила и расписание рабочаго времени, которыми рабочій долженъ подчиняться. По гудку фабрики рабочій встаетъ, выходитъ на работу, обѣдаетъ, ужинаетъ; директоръ же фабрики даетъ ему по своему усмотрѣнію квартиру или иную квартиру и опредѣляетъ условія, на какихъ рабочій можетъ ею пользоваться. Директоръ можетъ, на примѣръ, потребовать, чтобы рабочіе возвращались домой въ такомъ-то часу и собирались бы въ комнатѣ кого-либо изъ своихъ товарищей не болѣе какъ въ опредѣленномъ числѣ. Правда, всѣ подобныя правила до известной степени контролируются фабричною инспекціей, но контроль этотъ по необходимости носитъ формальный только, какъ бы отрицательный, характеръ: инспекторъ наблюдаетъ, чтобы фабричная администрація не заключила въ свои правила ничего противорѣчащаго закону. Законъ же, конечно, предусматриваетъ лишь прямое нарушеніе права и не ограждаетъ человека отъ массы самыхъ разнообразныхъ, частью нужныхъ, а нерѣдко и совершенно ненужныхъ стѣсненій, которыя могутъ разсматриваться какъ извѣстныя условія договора. Рабочій пришелъ домой въ 11 часовъ вечера вмѣсто 10, какъ того требуютъ правила, и потому не исполнилъ условій договора, о наймѣ и подвергается за это штрафу. Рабочій въ своей комнатѣ заигралъ на гармоніи дольше, чѣмъ то разрѣшено правилами — за ихъ нарушеніе онъ можетъ быть оштрафованъ!..“ Читатель, если захочетъ, конечно, легко самъ продолжить этотъ рядъ примѣровъ.

„Кромѣ работы и квартиры администрація русской фабрики даетъ рабочему чуть ли не все, что ему требуется для жизни,

и по своему усмотрѣнію въ той или иной степени удовлетворяетъ всѣ его нужды. Фабрика имѣетъ лавку, гдѣ рабочій получаетъ всѣ продукты: муку и сахаръ, кнутъ и чайникъ, сапогъ и платокъ, дрова и рукавицы. Доброкачественность продуктовъ, ихъ цѣна, а, при необходимости, кредитоваться, и самая возможность ихъ полученія находятся всецѣло въ рукахъ фабричной администраціи, такъ какъ кромѣ этой лавки рабочему въ долгъ обыкновенно нигдѣ не повѣрятъ; а бываетъ и такъ, что ближе, какъ за 5—10 верстъ и торговли никакой нѣтъ. Случается, что 70—80% заработка истрачивается рабочимъ на заборы въ фабричной лавкѣ.

Вмѣстѣ съ удовлетвореніемъ потребностей матеріальныхъ фабрика является госпожей и въ дѣлѣ удовлетворенія потребностей души и разума. Церковь строится хозяиномъ; онъ же, если найдетъ нужнымъ, устраиваетъ школу и нанимаетъ учительскій персоналъ; фабрика можетъ дозволить и не дозволить посѣщать эту школу сыну каждаго рабочаго, любому изъ учениковъ. Библіотеки, народныя чтенія, — все это устраивается фабрикантомъ, и даже билеты на спектакли перѣдко раздаются въ поощреніе лучшимъ рабочимъ по усмотрѣнію директора. Но, конечно, власть, проявляющаяся всѣми перечисленными способами, не имѣетъ и десятой доли того вліянія, которое проявляется, хотя бы съ соблюденіемъ всѣхъ условій, требуемыхъ закономъ, въ правѣ отказать отъ работы, т. е. отъ заработка.

Итакъ, каждый шагъ, каждый часъ жизни рабочаго и даже его семьи можетъ быть регламентированъ администраціей фабрики, во главѣ которой стоитъ одно полномочное лицо, завѣдующее фабрикой, — директоръ. Директоръ, это — единственный законодатель, судья и исполнитель своихъ постановленій. Онъ безнапелляціонно, лишь не переходя нѣкотораго закономъ установленнаго предѣла, налагаетъ на рабочаго денежный штрафъ. При окончаніи срока найма, т. е. не рѣже двухъ разъ въ годъ, онъ можетъ на законномъ основаніи лишить рабочаго квартиры, можетъ закрыть ему кредитъ въ лавкѣ, запретить его сыну посѣщать школу, наконецъ отказать отъ работы, заставить его искать новаго мѣстожителства, быть — можетъ, — голодать.

Но по отношенію къ рабочимъ директоръ все-же контроли-

руется въ нѣкоторой степени, хотя бы съ формальной стороны, фабричной инспекціей. По отношенію же къ служащимъ, въ особенности мелкимъ, его власть прямо-таки ничѣмъ не ограничена. Правильныхъ условій и контрактовъ со служащими, кромѣ бухгалтера и двухъ-трехъ самыхъ вѣрунныхъ персонъ нашего муравейника, фабрика не заключаетъ; почему каждый изъ насъ можетъ быть уволенъ въ 24 часа, не имѣя никакихъ юридическихъ основаній (для какой бы то ни было жалобы).

„Мнѣ живо рисуется низенькая широкоплечая фигура нашего директора съ его пронизательнымъ взглядомъ. Надо признать, что онъ очень умный, вняющій и работающій человекъ. Но какъ избаловало его это полновластіе и подчиненное положеніе всѣхъ окружающихъ! Онъ съ трудомъ выносить какое бы то ни было возраженіе, а всякое серьезное противорѣчіе считаетъ прямо виной со стороны возражающаго. О рабочихъ и говорить нечего; не только дерзость или трубость, которыхъ въ сущности и не бываетъ, а просто недостаточная почительность тона по отношенію къ директору считается уже чуть ли не преступленіемъ, влекущимъ за собой если не прямое удаленіе съ фабрики, то наивысшее денежное взыскапіе. Дисциплину, царствующую на нашей мануфактурѣ, я могъ бы сравнивать только съ дисциплиной военной, и думается мнѣ, что если бы власть и вліяніе можно было взвѣшивать, то чаша вѣсовъ, на которую было бы положено имя директора, быстро перетянула бы имя любого командира полка или бригады.

„Хорошо; еще, если подобная власть соединяется съ умомъ, знаніемъ и трудолюбіемъ. Фабричное населеніе, отъ рабочаго до техника, высоко цѣнитъ эти качества и къ представителю ихъ всегда питаетъ извѣстное уваженіе, которое заставляетъ многomu безропотно подчиняться, позволяетъ многое прощать. Но что будетъ, если подобная власть попадетъ въ руки человека неумнаго, безтолковаго, недобросовѣстнаго?“

„Моя папироска давно докурена; по привычкѣ, безознательно я скручиваю и выкуриваю другую, третью, а наизвольныя мысли одна за другой все лѣзутъ въ голову.“

„Для того, чтобы открыть ничтожную школу на 10 учениковъ, надо хлопотать, получать разрѣшенія, предъявлять дипломы, удостовѣряющіе права. Для поступленія на мѣсто какого-нибудь маленькаго чиновника, дѣлничка, адьянтаго

контролера надо окончить курсъ того или иного учебнаго заведенія, имѣть извѣстный образовательный цензъ. Какія же *формальныя* требованія надо исполнить для того, чтобы сдѣлаться директоромъ фабрики? Да ровно никакихъ! Простаго официального письма хозяина фабричному инспектору о томъ, что такой-то назначается завѣдующимъ фабрикой, вполне достаточно для того, чтобы любое лицо сдѣлать директоромъ или, другими словами, сдѣлать фактически полновластнымъ распорядителемъ судьбы нѣсколькихъ тысячъ человекъ. Не только объ его образованіи, но даже объ его грамотности никто не спроситъ. Странно! Не правда-ли, странно, читатель? А между тѣмъ несомнѣнно, что это такъ.

Можно думать, конечно, что выгода хозяина заставитъ его всегда назначить директоромъ человека умнаго, знающаго. Конечно, чаще всего такъ и бываетъ. Но тѣмъ не менѣе намъ, техникамъ, хорошо извѣстны фабрики съ сотнями и тысячами рабочихъ, ответственныя директоры которыхъ еле подписываютъ свое имя. Да, наконецъ, владѣлецъ фабрики смотритъ на техническія знанія и умѣнья, а вѣдь одни эти знанія недостаточны же для единоличнаго управленія поселеніемъ въ 5—6 тысячъ душъ. Мы, люди близко стоящіе къ дѣлу, хорошо знаемъ, а судебныя отчеты послѣднихъ дѣтъ по разбирательству нѣкоторыхъ фабричныхъ безпорядковъ сдѣлали извѣстными всей Россіи имена директоровъ, въ особенности иностранцевъ, которые, не вдумываясь въ обычаи, нравы и потребности русскихъ рабочихъ, попали иногда въ очень некрасивыя положенія.

„Но если приводить къ раздумью типъ директора полновластнаго, то на невеселыя размышленія наводитъ и противоположный ему типъ директора „безгласнаго“, который обыкновенно нанимается специально для того, чтобы нести ответственность, директора для высадки“. Назначая такого завѣдующаго, владѣлецъ въ сущности самъ распоряжается дѣломъ, хотя официально вся ответственность остается на другомъ лицѣ. Нанятый завѣдующій выплачиваетъ, конечно изъ хозяйскаго кармана, штрафы, налагаемые администраціей; онъ, если приходится, подвергается уголовнымъ наказаніямъ вплоть до тюремнаго заключенія и спокойно полу-

часть за то хорошее вознаграждение. Да, бывают и такие директора“.

Эта мысль, какъ всегда, возмущаетъ меня до глубины души. Я начинаю усиленно грызть мундштукъ и въ сотый разъ доказываю себѣ давно уже ясную для меня мысль о необходимости требованія образовательнаго ценза для завѣдующаго фабрикой. Хорошо бы устроить хотя бы такъ: для болѣе значительныхъ заведеній требовать отъ директора окончанія курса въ высшемъ заведеніи, для мелкихъ — въ среднемъ, для иностранцевъ — курсъ заграничнаго политехникума съ обязательнымъ знаніемъ русскаго языка. Кажется, что можетъ быть проще этой мысли, а вотъ и до сихъ поръ она не находитъ осуществленія, да и будетъ-ли когда осуществлена? А вѣдь право это, кажется, такъ просто!

Возбужденный собственными разсужденіями, я начинаю усиленно ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Настроеніе для чтенія потеряно, и красная книжка *Взглянута Европы* мирно покоится на этажеркѣ.

Въ прихожей стукнула дверь; слышна тяжелая, мягкая поступь человѣка, обутаго въ валенки. Въ комнату съ визгомъ врывается собака.

— Федоръ Павловичъ, пойдете за зайцами, — вызываетъ ко мнѣ голосъ помощника бухгалтера, еще прежде, чѣмъ его фигура появляется изъ передней.

— За зайцами? Да и вотъ почитать хотѣлъ.

— Ну, что читать! Вы смотрите день-то какой! какой снѣжокъ!

— Я начинаю колебаться.

— Да рѣшайте же скорѣе. Такая погода разъ въ зиму бываетъ.

— Ну, что же, пойдете!

И я отправлюсь переодѣваться, въ сущности очень довольный, что случай помогаетъ мнѣ оторваться отъ неотвязнаго ряда моихъ размышленій.

III. „Въ свободное время“.

Молодой франтоватый слуга широко распахнулъ передъ нами стеклянную дверь. Его бѣлый галстухъ и фракъ бросились мнѣ въ глаза. Начинающему технику, только-что разставшемуся со студенческими кухмистерскими и съ дешевыми трактирами средней руки, сразу сдѣлалось какъ-то не по себѣ подъ немного насмѣшливымъ, хотя и благожелательнымъ взглядомъ этого выдрессированнаго лакея, который, вѣшая пальто, быстро, но внимательно съ ногъ до головы оглядѣлъ мою скромную фигуру, впервые появляющуюся въ хозяйскомъ домѣ. Я почувствовалъ неловкость, и эта неловкость еще усилилась досаднымъ сознаниемъ того, что на меня можетъ производить впечатлѣніе то или иное отношеніе къ моей особѣ какого-то лакея. Не безъ зависти посмотрѣлъ я на моего спутника, механика нашей фабрики, который, служа четыре года, вполне уже освоился съ порядками „большаго дома“ и спокойнымъ жестомъ оправлялъ передъ зеркаломъ галстухъ и взбивалъ волосы.

Войдя въ просторную, богато убранную гостиную, застланную по всему полу ковромъ, я положительно не зналъ куда взглянуть, куда ступить. Глазъ, за минуту предъ тѣмъ ослѣпленный яркимъ полуденнымъ весеннимъ солнцемъ, въ полусумракѣ этой комнаты, куда свѣтъ проникалъ лишь черезъ густо-задрапированныя и завѣшанныя тюлевыми занавѣсами окна, не могъ различить сразу всѣхъ присутствующихъ, которыхъ набралось человѣкъ сорокъ.

По издавна установленной традиціи, хозяева всегда приѣзжали на Пасху на фабрику, и въ первомъ часу дня въ Свѣтлое Христово Воскресеніе у нихъ собирались тѣ высшіе служащіе, которые не уѣхали на праздники въ Москву. Избранные являлись съ женами. Мнѣ въ первый разъ приходилось проводить Свѣтлый праздникъ на фабрикѣ, и теперь меня особенно смущало незнакомство съ хозяйкой, которая вслѣдствіе легкаго нездоровья не могла быть въ церкви у заутрени. По счастью, въ просвѣтѣ окна мнѣ сразу бросилась въ глаза типичная, курчавая голова владѣльца fabri-

ки; я подошелъ къ нему, а онъ, поздоровавшись, сейчасъ же представилъ меня женѣ, Аннѣ Павловнѣ. Средняго роста, хорошо сложенная брюнетка съ неправильными, но выразительными чертами нервнаго лица и съ прекрасными черными глазами, она рѣзко выдѣлялась среди окружающихъ ее нашихъ фабричныхъ дамъ и своей далеко не заурядной физиономіей, и дорогой, изысканной простотой своего свѣтлаго туалета, и прекрасными брилліантами въ ушахъ.

— Очень рада съ вами познакомиться; и кое-что уже слышала о васъ. Надѣюсь, что вы, когда обживетесь, почувствуете себя хорошо. У насъ здѣсь большое общество, да и Москва близко; — говорила она привычно-любезнымъ тономъ, пока я раскланивался съ дамами; чинно сидѣвшими полукругомъ около того мѣста, которое занимала хозяйка.

— Присаживайтесь къ намъ; а то отсюда кавалеры бѣгутъ; они даже и теперь, въ Свѣтлое Христово Воскресенье, все о дѣлахъ говорятъ.

Я опустила на единственный свободный около хозяйки стулъ и, какъ-то нескладно отвѣтивъ на простые слова Анны Павловны, окончательно сконфузился, совершенно не находя ни мысли, ни словъ для поддержанія разговора.

— Успѣли ли вы ознакомиться съ нашей фабрикой? Вы, вѣдь, кажется, только недѣли три назадъ пріѣхали? — тщательно пыталась хозяйка дать мнѣ подходящую тему для разговора.

Я началъ объяснять, что собственно, кромѣ ткацкаго отдѣленія, ничего еще не видалъ и фабрики почти не знаю; въ особенности прядильнаго отдѣленія съ его сложными машинами.

— Нѣтъ, нѣтъ, я совсѣмъ не о томъ говорю, — перебила меня Анна Павловна; — о машинахъ вы лучше поговорите съ мужемъ. Я хотѣла узнать, насколько вы успѣли познакомиться съ людьми, съ порядками, съ нашимъ клубомъ, съ нашими учрежденіями для рабочихъ, ну, хоть со школами, на примѣръ.

Я признался, что еще совершенно не успѣлъ осмотрѣться, а школы и больницы даже еще не видалъ.

— Напрасно, напрасно. Вы — молодой человекъ; вы должны эти вещи интересоваться. Вотъ Софья Семеновна, — указала она

на сидѣвшую рядомъ со мной старшую учительницу, — можетъ вамъ обо всемъ этомъ немало интереснаго поразсказать.

И славъ меня, какъ неумѣлаго и неловкаго собесѣдника, такимъ оборотомъ рѣчи для продолженія разговора на руки моей сосѣдкѣ, Анна Павловна обратилась къ женѣ бухгалтера, богомольной старушкѣ, съ вопросомъ, хорошо ли пѣлъ дѣтскій хоръ во время заутрени. Черезъ нѣсколько минутъ хозяинъ пригласилъ всѣхъ въ столовую.

Роскошно обставленный столъ своими водками, закусками, ветчиной, куличами и пасхами всякихъ сортовъ и величинъ, а въ особенности славными винами, на добрыхъ полчаса занялъ вниманіе всѣхъ присутствующихъ. Какъ всегда, послѣ двухъ—трехъ рюмокъ голоса стали раздаваться громче, разговоры сдѣлались оживленнѣе, и всѣ почувствовали себя свободнѣе. Не только близость хозяина или хозяйки, но даже присутствіе директора, этого „Юпитера безъ грома и молніи“, держащаго въ рукахъ всю фабрику съ пяти тысячнымъ составомъ рабочихъ и восьмидесяти тысячнымъ населеніемъ, уже не оказывало на языки того подавляющаго вліянія, которое чувствовалось сорокъ минутъ назадъ. И когда, отойдя отъ насъ халнаго стола съ чашкой чая въ рукахъ, я очутился снова подлѣ Софьи Семеновны Суховой, старшей учительницы, то уже не конфузясь началъ спрашивать её о школѣ, которая дѣйствительно меня, только-что окончившаго курсъ и мечтавшаго о дѣятельности на пользу рабочаго люда, сильно интересовала.

— Зайдите и посмотрите, — сдержанно отвѣтила мнѣ Сухова.

— Легко сказать: зайдите... Мнѣ хотѣлось бы во время занятій попасть, а вѣдь вы знаете, какъ мы въ будни заняты: съ 6 утра до 7-ми вечера, а въ понедѣльникъ такъ и въ четыре часа вставай.

— Ну, захотите, такъ найдете время, — проговорила она съ какой-то иронической ноткой въ голосѣ, значеніе которой я понялъ лишь гораздо позднѣе.

Дѣло въ томъ, что директоръ очень не долюбливалъ, когда молодые техники, въ особенности только-что окончившіе курсъ, начинали интересоваться такими сторонами фабричной жизни, какъ школа, больница, казармы для рабочихъ.

Онъ находилъ, что это и отъ дѣла отрываетъ, и совершенно бесполезно, такъ какъ горячая подѣ-часть критика молодежи ничего въ установленныхъ порядкахъ, которые имъ же самимъ были созданы, не измѣнить, а лишнихъ разговоровъ способна возбудить много.

Но все это, какъ уже сказано, выяснилось для меня поздно; теперь же иронія старшей учительницы только кольнула мое самолюбіе и заставила принять твердое рѣшеніе непремѣнно побывать въ училищѣ.

Кстати въ этомъ году обычный ремонтъ фабрики задержался нѣсколько дольше обыкновеннаго, и первые три дня Оумпной недѣли работы не начинались; ученіе же, конечно, шло своимъ чередомъ, — съ понедѣльника. На второй день послѣ Пасхи, улудивъ свободный часокъ, я направился въ школу.

Большой и просторный, содержимый въ полномъ порядкѣ; флигель школы былъ расположенъ среди расчищенной и частью вырубленной сосновой рощи. Рѣдкія, но крупныя деревья со старыми, широкими кронами красиво отбѣняли широкой дворъ, на которомъ въ эту раннюю весеннюю пору чуть-чуть пробивалась та тонкая, рѣдкая и высокая трава, что одна только и растётъ подъ соснами. Хорошо выметенная дорожка вела къ крыльцу, гдѣ виднѣлись 3—4 еще не перекопанныхъ цвѣточныхъ клумбы. Самое зданіе смотрѣло привѣтливо и солидно. Старикъ-сторожъ объяснилъ мнѣ, что „Софья Семеновна еще на урокъ, а послѣ переменъ будетъ свободна; послѣ переменъ въ ея классѣ батюшкинъ урокъ“. Онъ просилъ меня подождать въ учительской.

Стѣны большой прихожей были сплошь увѣшаны верхнимъ платьемъ ребятъ; на каждомъ крючкѣ висѣло по два—три пальто. Я удивился, что не заведутъ хоть стоячихъ вѣшалокъ.

— „А чтобы тѣсно не было, — объяснилъ мнѣ сторожъ. — Ребята на переменѣхъ здѣсь бѣгаютъ: такъ, чтобы имъ свободнѣе было, и не приказано тутъ ставить вѣшалки-то“.

— Да развѣ у васъ нѣтъ для переменъ свободной комнаты?

— „Нѣту; была прежде, да теперь, какъ фабрика-то расширилась, такъ столько ребятешекъ понашло, что первое-то

отдѣленіе въ двухъ классахъ помѣстили. Двѣ теперь учительши съ первогодками-то занимаются, ну и заняли комнату“.

Учительская была кругомъ по стѣнамъ уставлена шкафами съ книгами, съ учебными пособиями, картинами и элементарными коллекціями по естественной исторіи. Видно было, что школа не стѣсняется средствами, и въ скромныхъ предѣлахъ программъ нашихъ начальныхъ училищъ обставлена очень хорошо. Не было замѣтно и той показной нарядности, которая иногда въ богатыхъ, устроенныхъ частными лицами школахъ можетъ возбуждать сомнѣніе, относительно того, не стоятъ ли за стеклами прекрасныхъ шкафовъ коллекціи больше для публики, чѣмъ для учениковъ? Напротивъ, почти всѣ предметы были немножко потерты и захватаны и носили явные слѣды частаго употребленія.

Пока я внимательно разсматривалъ книги и коллекціи, въ прихожей раздался дребезжащій звонокъ, и вмѣстѣ съ нимъ все зданіе какъ-будто ожило. Послышались какіе-то шаги, потомъ громкій крикъ: „Помните же, что къ слѣдующему разу задано“, потомъ два—три отдѣльныхъ голоса какъ-то сразу перешли въ безсвязный гамъ сотни дѣтскихъ криковъ, среди которыхъ лишь въ рѣдкіе моменты можно было разобрать содержаніе отдѣльныхъ возгласовъ: „Мишка, идемъ въ садъ!“ „Марья Васильевна, почему меня не спросили, я хорошо урокъ зналъ!“ — „Ну ты, не лѣзь!“ и т. д. Я вышелъ въ прихожую, гдѣ теперь съ обѣихъ сторонъ были раскрыты по двѣ двери, и у каждой двери увидѣлъ почти одну и ту же картину: десятка по три ребятишекъ, столпившихся въ проходѣ, не давали учительницѣ выйти изъ класса, причемъ каждый, перекрикивая другого, что-то старался рассказать. Мое появленіе, какъ появленіе всякаго чужаго человѣка, на минуту заставило ребятъ примолкнуть, и этимъ моментомъ учительницы воспользовались, чтобы выбраться изъ классовъ, послѣ чего дѣти гурьбой бросились къ выходу, благо весна позволяла бѣгать по двору безъ верхней одежды.

А вы и въ самомъ дѣлѣ пришли! — обратилась ко мнѣ Софья Семеновна. — Ну, здравствуйте.

Вы какъ-будто удивляетесь?

— Нѣтъ, такъ. Вѣдь господа техники не часто балуютъ

насъ своими посѣщеніями, — пошутила она. — Подождите минутку, я кое-какія дѣла справлю, а потомъ буду на цѣлый часъ почти свободна, — въ моемъ отдѣленіи урокъ Закона Божьяго. Только вотъ Анна Павловна хотѣла зайти; ну, да это ничего! Ступайте посмотрѣть классы, пока дѣти на дворѣ.

Большія высокія комнаты были чисты, хоть и безъ особой вылощенности; удобныя парты разной высоты, на два человѣка каждая, и коллекціи рисунковъ и картъ по стѣнамъ — все это производило хорошее впечатлѣніе. Только старыя сосны своими могучими кронами заслоняли свѣтъ и темнили комнаты, несмотря на яркое весеннее солнце. Я высказалъ подошедшей ко мнѣ Софьѣ Семеновнѣ свое мнѣніе о томъ, что въ классахъ темновато.

— Ну, что же дѣлать? Это ужъ дѣло хозяйки! Школа наша Анной Павловной только и живетъ; а для нея обученіе обученьемъ, а эстетика — эстетикой. Жалко ей сосенъ. Правда, онѣ и въ самомъ дѣлѣ очень красивы! Сколько ужъ разъ я ей говорила, но она все не можетъ рѣшиться ихъ вырубить; а очень настаивать или супруга ея просить мнѣ не хочется; чтобы съ ней не поссориться. Вотъ за-то теперь весной подъ соснами дѣтямъ играть хорошо!

Мой слухъ успѣлъ уже привыкнуть къ фабричному жаргону, и я поневолѣ сразу же обратилъ вниманіе на то, что учительницы звали Анну Павловну всегда по имени; въ фабричныхъ же корпусахъ мое ухо привыкло къ словамъ „хозяйинь“, „хозяйка“. Черточка мелкая, но характерная; подумалось мнѣ.

Мы вышли на широкій дворъ, гдѣ бѣгали, играли, ходили и сидѣли сотни двѣ ребятъ 9—12-тилѣтняго возраста. Часть ихъ затѣяла какую-то сложную и суетливую игру. Многие перекидывались прошлогодними шишками. Всѣ чувствовали себя прекрасно и держали себя совершенно свободно. Мы присѣли на скамейкѣ подъ одной изъ сосенъ. Я удивился количеству дѣтей; учительницы въ свою очередь удивились моему удивленію.

— Да ихъ могло бы быть гораздо больше! На фабрикѣ живетъ больше семи тысячъ народа; если бы всѣ рабочіе были мѣстные и жили бы здѣсь съ семьями, да если бы законъ не разрѣшалъ съ 12-ти лѣтъ работать на фабрикѣ, —

то не меньше 500 человѣкъ ходило бы въ школу. Когда прядильню расширили, то на фабрикѣ сразу прибавилось около тысячи рабочихъ. На слѣдующую же осень пріемъ пришлось увеличить на шестьдесятъ человѣкъ, такъ что первое отдѣленіе уже на двѣ части раздѣлили. А теперь мы уже опять переполнили школу выше мѣры.

— Сколько же у васъ учениковъ?

— А на четырехъ учительницъ 283 человѣка.

— Но вѣдь при такомъ числѣ заниматься нельзя!

— Да, трудно.

— Почему же вы не просите увеличить число учителей и перестроить школу? Вы только что сказали, что хозяйка живо школой интересуется. Почему же она не пристроитъ новаго помѣщенія? По вашимъ словамъ—давно пора.

— Да, если бы не Анна Павловна, такъ, пожалуй, и вовсе школы не было бы. Она, правда, давно ужъ обѣщаетъ новую школу вдвое больше построить, да вѣдь у ней тормазъ есть и даже не одинъ, а цѣлыхъ два — супругъ да директоръ. Ей и хотѣлось бы все поскорѣй, а они говорятъ, что лучше постепенно, да постепенно, что и такъ на двѣ школы 6,000 расходуется, да квартиры, да отопленіе. И то правда: въ двухъ-то школахъ семь учительницъ, законоучитель, два сторожа,—всѣмъ жалованье хорошее платятъ, на учебныя пособія не скупятся. И на томъ спасибо! Конечно, отъ 580,000 чистаго дохода можно бы и побольше на школу дать, а надо и то сказать,—многіе и того не сдѣлали бы! Ну, постойте, вотъ батюшка идетъ. Я его встрѣчу. Сейчасъ всѣ уроки начнутъ, а я могу еще съ вами поболтать.

Софья Семеновна поднялась на встрѣчу входившему въ калитку священнику, поздоровалась съ нимъ, перекинулась нѣсколькими словами и проводила до-крыльца.

— Вы говорите все о двухъ школахъ. Вторая—это вѣдь школа для тѣхъ малолѣтнихъ, что на фабрикѣ работаютъ?—спросила я Софью Семеновну по ея возвращеніи.

— Да, она вѣдь тутъ же помѣщается, вотъ въ той половинѣ зданія; въ ней уроковъ сейчасъ нѣтъ, еще не начались послѣ Пасхи. Хотите взглянуть? Да не стоить,—классы такіе же, какъ и наши. Вотъ эта школа—такъ чистое божеское наказаніе! Вѣдь дѣти на фабрикѣ, вы знаете,

двумя девятичасовыми сменами работают. Вот и выходит такъ, что у него на занятія, кромѣ обѣда да завтрака, остается три часа между двумя упряжками работы, по $4\frac{1}{2}$ часа каждая. Ну, подумайте, можетъ ли ребенокъ въ 12—13 лѣтъ учиться три часа, когда онъ съ 4-хъ часовъ утра на работѣ, да 9 часовъ въ сутки работаетъ? Да онъ въ классѣ-то засыпаетъ совсѣмъ. Одна учительница изъ той школы добра очень, такъ и не будитъ ихъ даже. „Пускай, говорить, выспятся“. Хорошъ классъ... И такъ обидно бываетъ, когда мальчугану, напримѣръ, во второмъ отдѣленіи 12 лѣтъ исполнится. Какъ бы онъ хорошо ни учился, отецъ его сейчасъ же изъ школы возьметъ, какъ только вакансія на фабрикѣ откроется. Какъ вы ни убѣждайте, что слѣдуетъ оставить мальчика, дать ему доучиться, а ничего не подѣлаете. Четыре рубля вѣдь теперь такому мальчику-то платятъ! — какъ же родителямъ не соблазниться! Я даже на квартиры въ рабочимъ ходила, убѣждала ихъ оставлять дѣтей до окончанія курса. Куда тутъ! Только головой мотають. Все равно, говорятъ, въ рабочей школѣ доучится. Такъ и возьмутъ у васъ изъ рукъ другой разъ самаго способнаго ученика. Ничего не подѣлаешь.

— А много въ той школѣ учениковъ?

— Да около 150-ти; всѣ малолѣтніе, что работаютъ на фабрикѣ.

Софья Семеновна вздохнула и помолчала.

— Ну, пойдете, я вамъ и библиотечку нашу покажу. Кстати Анна Павловна хотѣла сегодня придти книги пересмотрѣть, да подумать, что новаго прикупить надо. Я обѣщала ей даже списокъ подготовить, только не успѣла: Она вѣдь изъ своихъ личныхъ денегъ на библиотеку 300 рублей въ годъ жертвуетъ; за-то у насъ библиотечка для начальной школы богатая. Книги у насъ и ученики и подростки кончившіе на-расхватъ берутъ. Да, сидишь тутъ да жалуешься, а какъ подумаешь о другихъ народныхъ школахъ, деревенскихъ, такъ и увидишь, что у насъ еще очень и очень жить можно. Тамъ то тѣснота, холодъ, духота, ни учебниковъ, ни пособій! А у насъ то смотрите — чуть не дворець.

— Я только-что дрялся пересматривать журналъ, куда за-

писывались выдаваемые изъ библіотеки книги, какъ дверь отворилась, и въ комнату вошла Анна Павловна.

— И вы здѣсь? — промолвила она, удивленно приподнявъ брови. — Очень рада, добро пожаловать!.. Ну, что, не подготовили списокъ? — обратилась она къ Суховой. Та объяснила, что не успѣла.

— Жаль... Ну, такъ посмотримъ сейчасъ. Прежде всего дайте взглянуть, какія книжки изъ старыхъ потрепались настолько, что ихъ надо замѣнить новыми.

И, растворивъ одинъ изъ двухъ большихъ книжныхъ шкафовъ, она быстро и ловко стала перебирать книги.

— Ну, смотрите, пожалуйста, какъ они Аксакова истрепали. Ну, что за разбойники! Софья Семеновна, пишете, что нужно новый экземпляръ купить. А Авенаріусъ, Боже мой!.. Положимъ, это показываетъ, что книжка читается, но все-же печально видѣть ее въ такомъ видѣ, — и она, смѣясь, растянула томикъ сказокъ, какъ гармонику. — Ну, однако, здѣсь можно переплеть новый сдѣлать. Отложимъ для переплетчика. А вотъ это, смотрите...

Томъ за томомъ быстро перебиралось все содержаніе библіотечки, причемъ Софья Семеновна, записывая, что надо купить, лишь иногда вставляла замѣчаніе о томъ, что такую-то книжку слѣдуетъ приобрести въ двухъ экземплярахъ, а такую-то покупать не стоитъ.

Пока шла эта работа, я поневолѣ засмотрѣлся на Анну Павловну. Въ темномъ платьѣ, ловко перехваченномъ въ талии англійскимъ кожанымъ кушакомъ, занятая дѣломъ, которое очевидно ее въ настоящую минуту очень интересовало, она казалась совсѣмъ другой, чѣмъ въ роли любезной хозяйки въ своей роскошной гостиной. Простота движеній, искренность голоса, выраженіе внимательной мысли въ красивыхъ глазахъ — все теперь рельефно выдвигало впередъ симпатичныя стороны ея натуры и настолько сглаживало черты избалованной богатствомъ московской милліонерши, что даже застѣнчивый и робкій начинающій техникъ послѣ нѣсколькихъ минутъ бесѣды почувствовалъ себя съ ней совершенно свободно. Часъ промелькнулъ незамѣтно, а чуть-ли не три четверти библіотеки осталась непросмотрѣнной. Раздался звонокъ;

ишла загудила: въ комнату вошелъ священникъ и другія учительницы.

— Ну, не поспѣла, а дѣла еще много. Новыхъ книгъ и картинъ для фонаря мы еще и не коснулись. Знаете что? Соберитесь лучше вечеромъ! — обратилась Анна Павловна къ Суховой и другимъ учительницамъ. — Хорошо? — Всѣ согласились. — Такъ въ семь часовъ? Да? И вы приходите, если хотите; вы намъ тоже помочь можете. — кивнула она мнѣ, привѣтливо прощаясь со всѣми.

Вечеромъ, задержанный на фабрикѣ ремонтными работами, я запоздалъ и пришелъ, когда всѣ уже были въ сборѣ. Шелъ оживленный споръ о томъ, слѣдуетъ ли прикупать въ школьную библиотечку Жюль Верна. Анна Павловна настаивала, что Вернъ развиваетъ фантазію; учительницы говорили, что Верна нѣсколько книжекъ уже есть и что жаль на него деньги тратить, когда библиотечку нужно еще пополнить другими книгами. Учительницы побѣдили, — и Вернъ былъ исключенъ изъ списка. Долго говорили о книгахъ, потомъ перешли къ волшебному фонарю. Рѣшили составить коллекцію картинъ для научно-популярныхъ чтеній и мнѣ поручили выработать программу по физикѣ и химіи.

Во время всѣхъ этихъ разговоровъ хозяйка выказала обстоятельное знакомство со многими книжками, проявила такую расчетливость въ выборѣ назначенныхъ къ покупкѣ предметовъ, такое знаніе рыночныхъ цѣнъ и фирмъ, къ которымъ слѣдуетъ обращаться, что удивленіе мое росло съ часа на часъ. Я, по студенческому еще предубѣжденію, конечно, никакъ не могъ ожидать отъ этой элегантно барыни подобной обстоятельности и серьезной дѣловитости.

Покончивъ съ дѣлами, Анна Павловна попросила всѣхъ къ себѣ чай пить.

— Я вѣдь одна; мужъ въ Москву уѣхалъ, помогите мнѣ вечеръ скоротать.

И мы цѣлой гурьбой съ веселымъ смѣхомъ въ темнотѣ апрѣльской ночи двинулись черезъ широко раскинувшійся еще неприбранный послѣ зимы, хозяйскій садъ.

Чувствуя теперь себя уже совершенно свободно въ той самой гостиной, гдѣ десять дней назадъ испытывалъ такое смущеніе, я при первомъ же удобномъ случаѣ съ жаромъ

пустился излагать передъ Анной Павловной свои соображенія о необходимости и выгоды для фабрики распространенія широкаго образованія среди фабричныхъ рабочихъ. Въ это время тяжелыя условія суровой фабричной дѣйствительности еще не успѣли сгладить во мнѣ молодаго студенческаго задора. Нѣсколько одобрительныхъ репликъ со стороны хозяйки придали мнѣ смѣлости, и я тутъ же началъ ей доказывать неотложность расширенія школы втрое.

— Но вѣдь на это деньги нужны!

— Ну, какія тамъ деньги! Какихъ-нибудь 20,000; это вовсе немного!

— Ну, вы, кажется, думаете, что о такой суммѣ и разговаривать не стоитъ, а вотъ мужъ, напримѣръ, совсѣмъ другаго мнѣнія, — съ мягкой улыбкой перебила хозяйка.

— А вы убѣдите его; вѣдь это же на пользу фабрикѣ. Вы согласны?

Она утвердительно кивнула головой.

— Или вотъ еще важнѣйшій вопросъ — школа, гдѣ работающіе дѣти учатся. Вѣдь въ этой школѣ могъ бы быть пройденъ дополнительный курсъ; въ ней можно сообщать профессиональныя знанія; изъ учениковъ этой школы могли бы выйти дѣйствительно хорошіе рабочіе, подготовленные къ самостоятельному пополненію образованія; если бы каждый изъ нихъ отъ 12—15 лѣтъ три года могъ бы часа три—четыре въ день учиться, то мы дѣйствительно черезъ 20 лѣтъ сравнялись бы въ фабричномъ дѣлѣ съ Англіей.

— Ну, вы начали фантазировать. Вы забываете, что здѣсь учатся дѣти, занятые восемь—девять часовъ въ день работой! Я думаю, что эта школа и при теперешней программѣ только даромъ мучить дѣтей: они засыпаютъ отъ усталости на урокахъ! — уже горячо возразила Анна Павловна; но мое расхोлившееся краснорѣчіе не такъ-то легко было остановить.

— Знаю, знаю! Но почему это такъ? Зачѣмъ дѣти на фабрикѣ девять часовъ работаютъ? Развѣ вы не могли бы, какъ въ той же Англіи давно того законъ требуетъ, шестичасовую дѣтскую работу ввести? При восемнадцатичасовой работѣ взрослыхъ очень легко было бы установить три дѣтскихъ смѣны вмѣсто двухъ. Тогда бы дѣти по шести часовъ работали и могли бы прекрасно часа три въ день учиться.

— Другими словами, вы предлагаете увеличить сразу число малолѣтнихъ въ полтора раза! Скажите-ка это директору! Какъ онъ къ этому отнесется? Онъ просто вамъ въ глаза разсмѣется! Да онъ и правъ. Вѣдь должны же и мы подчиняться условіямъ конкуренціи съ другими фабриками и не можемъ сразу увеличить сумму, уплачиваемую рабочимъ, на 50%. А если мы уменьшимъ ребятамъ въ полтора раза жалованье, то что же имъ останется? Они и такъ только по 3 и по четыре рубля въ мѣсяць получаютъ. Вы увлеклись и, вѣдь, забыли немножко условія дѣйствительности!—уже съ легкимъ сарказмомъ возразила мнѣ хозяйка.

— Нѣтъ, не забылъ. Вотъ вамъ расчетъ: на фабрикѣ работаютъ 200 малолѣтнихъ, а понадобилось бы ихъ при новыхъ условіяхъ 300,—сто человекъ лишнихъ. Если вы даже платы имъ не уменьшите, то каждому въ годъ, считая 11 рабочихъ мѣсяцевъ, придется 44 руб. заплатить, а всей сотнѣ 4,400 рублей! Вѣдь это составитъ не больше $\frac{3}{4}\%$ отъ чистаго дохода фабрики и меньше $\frac{1}{100}\%$ отъ всѣхъ издержекъ производства! Это такая ничтожная величина, о которой и разговаривать не стоитъ! Не могу, не хочу я вѣрить, чтобы вы пожалѣли какія-нибудь жалкія четыре-пять тысячъ на такое дѣло!

Должно быть сначала хозяйку заинтересовала горячность молодаго техника, который, получая самый скромный гонораръ, съ такою легкостью распорядился чужими тысячами; но моя юная прямолинейность, конечно, не могла долго ее занимать, да и самая тема бесѣды становилась черезъ чуръ щекотливой.

— Все это, можетъ-быть, и правда,—мягко, но рѣшительно прекращая разговоръ, перебила меня Анна Павловна,—но до тѣхъ поръ, пока законъ не установитъ для всѣхъ шестичасовой дѣтской работы, мужъ никогда ее не введетъ...

— Да отчего же?

— Да хоть отъ того, что на него другіе фабриканты будутъ пальцами показывать, какъ на человека, который рабочихъ бадуетъ! Фабрикантъ не можетъ не считаться съ общимъ мнѣніемъ своихъ собратій. Ну, да довольно и объ этомъ, и о дшволѣ. Поговорите о чемъ-нибудь другомъ. Вы любите живопись? Я хочу похвастаться подаркомъ, который

мнѣ супругъ къ празднику преподнесъ. Посмотрите, что за прелесть!

— И введя насъ въ свой маленькій кабинетъ, Анна Павловна съ искреннимъ удовольствіемъ знатока остановила свой взглядъ на маленькой картинѣ, изображавшей какого-то испанца среди роскошнаго южнаго сада. Картина ярко освѣщалась особой лампой съ рефлекторомъ, закрывающимъ огонь отъ зрителя.—Правда, хороша? Зимой я ее въ Москву возьму, а куда пускай здѣсь висить...

Любуясь картиной, Анна Павловна стала объяснять намъ ея достоинства; одно за другимъ вспоминались ей различныя произведенія того же мастера, въ которыхъ съ особою силою выказалось его дарованіе первокласснаго колориста. Незамѣтно ея рѣчь перешла на другихъ художниковъ; она съ увлеченіемъ заговорила о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ ею изъ осмотровъ интереснѣйшихъ музеевъ, храмовъ, монастырей Франціи, Испаніи, Италии. Въ этой оферѣ она была какъ дома...

Черезъ часъ, выйдя всѣ вмѣстѣ изъ хозяйской гостиной, мы по дорогѣ домой обмѣнивались отрывочными фразами, дѣлясь впечатлѣніями вечера.

— А говорятъ, что этотъ Фортени,—ну, позабыла я имя этого испанскаго художника,—20,000 р. стоитъ!—задумчиво произнесла молоденькая учительница, не проронившая ни слова во весь вечеръ.

— А вамъ что?—кинула ей вопросъ другая.

— Да ничего, такъ! Она помолчала.—Двадцать тысячъ—вотъ бы и школа новья!

— Ну, что вы, Екатерина Петровна, говорите. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ требовать, чтобы люди все на школу отдавали, возразила Софья Семеновна.

— Да я и не требую...

— А хотѣлось бы мнѣ вотъ что знать,—начала она опять черезъ нѣсколько минутъ,—и школа новая 20,000 будетъ стоить, и за эту картину 20,000 заплачено. А что для нея-то, для самой Анны Павловны, дороже—школа или картина?

Никто ничего не сказалъ.

— Мнѣ иногда кажется, что у ней все отъ настроенія зависитъ,—продолжала опять послѣ нѣкоторой паузы Екатерина

Павловна.—Когда она здѣсь, я думаю ей школа дороже; а тамъ, въ Москвѣ, между артистами и художниками, или въ Парижѣ она и за 10 школъ такой картинки не отдала бы.

— Да,—откликнулась Сухова, пожалуй вы и правы,— все отъ настроенія!

Опять всѣ примолкли.

— Ну, вотъ, скоро, говорятъ, законъ о фабричныхъ школахъ изданъ будетъ,—кинулъ кто-то при общемъ прощаніи на поворотѣ фабричной улицы, десять лѣтъ его ждемъ—авось и дождемся!

На другое утро я былъ занятъ установкой новыхъ ткацкихъ станковъ. За Пасху ихъ поставили 34; теперь доканчивали установку еще восьми машинъ. Часу въ десятомъ за моей спиной послышался голосъ директора. Поздоровались. Осмотрѣвъ работу, онъ попросилъ поторопиться, такъ какъ надѣялся завтра пустить фабрику въ ходъ.

— А то станки не установлены еще,—прибавилъ онъ, повертываясь къ выходу,—а техники наши чуть не по цѣлымъ днямъ въ школъ сидятъ! Школой-то можно было бы въ свободное время заняться!..

IV Несчастіе.

Седьмой часъ. Прекрасный майскій день незамѣтно переходитъ въ тихій вечеръ. Въ воздухѣ чувствуется бодрящая прохлада; молодая, еще не совсѣмъ развернувшаяся зелень березъ золотится подъ косыми уже лучами солнца; тѣни по долинамъ между холмами за рѣкой уже начинаютъ сидѣть; ёлки, окружающія фабричную церковь, отчетливо вырѣзаются своими строгими очертаніями на свѣтломъ прозрачномъ фонѣ неба. Въ этотъ часъ знакомая картина пріобрѣтаетъ особую прелесть, благодаря тому сочетанію мягкихъ красокъ и яркаго освѣщенія, которое составляетъ осо-

бенную красоту вечерняго пейзажа. Я люблю эти ясные весенніе вечера, много разъ воспѣтые и поэтами, и прозаиками всѣхъ народовъ; люблю ихъ красоту, люблю то немногое неопредѣленное настроеніе съ отбѣскомъ мечтательности, которое они навѣваютъ; люблю воспоминанія юности и ранней молодости, которыя они будятъ. Раскрывъ окно своей маленькой конторки, я не могу оторвать глазъ отъ хорошо знакомой, но сегодня особенно привлекательной картины, не могу принудить себя приняться за дневной отчетъ по ткацкому отдѣленію. Передо мною на столѣ лежитъ книга для записи принятыхъ кусковъ ткани и выданныхъ матеріаловъ и цѣлый рядъ разнаго формата и различнаго содержанія записочекъ и записей, поданныхъ мнѣ за день подмастерьями, а частью сдѣланныхъ и мною самимъ. На основаніи всего этого я долженъ на особомъ печатномъ бланкѣ по установленной формѣ составить рапортчикъ о томъ, что сдѣлано за день въ ткацкомъ отдѣленіи. Черезъ нѣсколько минутъ, въ 7 часовъ, раздается гудокъ, по которому прекращаются на фабрикѣ дневныя работы, а вмѣстѣ съ ними — и мое дежурство. Мнѣ слѣдовало бы поторопиться со своею работою, но майскій вечеръ беретъ свое. Положивъ перо, я повертываюсь на табуреткѣ и послѣ нѣсколькихъ часовъ, проведенныхъ въ шумной и душной ткацкой мастерской, съ наслажденіемъ вдыхаю свѣжій вечерній воздухъ, врывающійся въ открытое окно.

Рабочій день на исходѣ. Всѣ спѣшать окончить свои дѣла. Вотъ прошло человекъ пять чернорабочихъ; они загибаютъ за уголь, очевидно направляясь къ казармамъ. Въ концѣ двора поднимаются нѣсколько человекъ отъ рѣки. По особому складу фигуръ и по заткнутому у одного изъ нихъ сзади за поясомъ топору я отличаю плотниковъ; должно быть чинили купальню къ пріѣзду хозяевъ. Изъ-за церкви показался шарабанчикъ, запряженный крупнымъ, старымъ, сѣрымъ въ яблокахъ жеребцомъ: это управляющій возвращается съ луговъ; ему вчера вечеромъ при мнѣ приказчикъ доложилъ, что травы плохи, и онъ конечно, захотѣлъ съѣздить самъ посмотреть на луга. А вонъ у прядильнаго корпуса тороются подобрать послѣднія кипы хлопка. Подъ перемычкой, у верхняго края рамы широко раскрытаго огром-

наго окна четвертаго этажа выставилась сажени на полтары наружу желѣзная балка. Сверху балки ходить на колесахъ особая каретка, а черезъ блокъ въ этой кареткѣ перекинута цѣпь съ крюкомъ. Стоящій въ окнѣ рабочій въ свѣтлой ситцевой рубахѣ управляетъ скрытымъ отъ меня въ зданіи механизмомъ. Каретка выѣзжаетъ изъ корпуса по балкѣ до ея вѣшняго конца; цѣпь съ крюкомъ быстро опускается до уровня двора; четверо рабочихъ на дворѣ накидываютъ на крюкъ петлю каната, обхватывающаго двѣ заранѣе приговоренныя, наваленныя другъ-на-другу кипы прессованнаго хлопка; цѣпь натягивается; обѣ грузныя десятипудовыя, стянутыя желѣзными обручами кипы медленно поднимаются; когда цѣпь подтянетъ ихъ почти подъ самую балку, каретка быстро вкатывается въ раскрытое окно, и черезъ минуту выкатывается снова съ освобожденнымъ уже отъ груза крючкомъ, несущимъ теперь лишь пустую петлю каната. А тѣмъ временемъ внизу на второмъ, запасномъ канатѣ подготовлена уже пара новыхъ тюковъ; которые препровождаются наверхъ совершенно такъ же, какъ и первые. Хлопокъ изъ амбаровъ подвезли нынче почему-то поздно; и подъ подъемникомъ лежитъ еще порядочное число кипъ. Въ работѣ чувствуется спѣшка. Я всегда съ интересомъ наблюдаю, какъ ярко отражается на вѣшной картинѣ въ тотъ или иной моментъ работы настроеніе рабочихъ.

Вотъ и теперь. Опытный наблюдатель, присмотрѣвшись къ этой кучкѣ изъ четырехъ лицъ, могъ бы сразу, не глядя на часы, сказать, что скоро шабашъ. Зная, что кипы хлопка нельзя оставить на дворѣ на ночь, люди стараются. Вы не увидите, что кто-нибудь изъ нихъ остановился почесать спину; имъ не придетъ въ голову теперь затягивать дѣло бесполезнымъ споромъ о томъ; съ той или иной стороны удобнѣе взять кипу. На разстояніи 50 — 60-ти сажень я не могъ бы слышать ихъ голосовъ, да я увѣренъ, что теперь они и не разговариваютъ. Экономя каждое движеніе и каждую секунду, они работаютъ дружно и толково. Только въ такіе моменты работы и можно оцѣнить всю сметливость и ловкость русскаго рабочаго, его способность приспособляться. Какъ техникъ, я люблюсь, какъ быстро, регулярно, безъ задержекъ идетъ подъемъ за подъемомъ. Не успѣетъ передъ

моими глазами промелькнуть свободно спускающийся крюкъ, какъ я уже вижу натянутую, медленно, какъ тигантскій маятникъ, раскачивающуюся цѣпь, которая тяжело, точно чувствуя совершаемое ею усиліе, подтягивается къверху, поднимая съ земли сѣрья, тяжелыя кипы. Я вижу, какъ подходит прибазчикъ; по его жестамъ я могу понять, что онъ похваливаетъ рабочихъ и, отходя, посмотрѣвъ на часы, въроятно, торопитъ ихъ.

Я тоже вынимаю часы и, взглянувъ на нихъ, кидаюсь къ конторкѣ. Въ нѣсколько минутъ всѣ записи сдѣланы, рапортчикъ готова, книги и нужныя записки уложены въ шкафъ. Сходя съ табуретки, я невольно еще разъ бросаю взглядъ въ окно. Подъ подъемникомъ осталось только пять кипъ. Мнѣ любопытно, какъ поступятъ рабочіе. По правиламъ воспрещено поднимать болѣе двухъ кипъ за-разъ. Излишняя нагрузка можетъ повредить подъемный механизмъ, да кромѣ того грузъ изъ трехъ кипъ слишкомъ объемистъ и еле-еле проходитъ въ окно, а если повернется неудобно, то можетъ даже застрять въ оконномъ пролетѣ. Но администраціи фабрики извѣстно, что рабочіе иногда и нарушаютъ это правило, закладывая ради скорости въ одно бремя и три кипы. Я задерживаюсь на минуту, чтобы посмотрѣть, что будетъ сегодня. Двѣ кипы уже тронулись отъ земли, остаются три. Я вижу, что двое рабочихъ остановились въ нерѣшительности, а третій, тонкій, въроятно молодой парень, дѣлаетъ какіе-то энергичныя жесты. Четвертый, степенный мужикъ съ окладистой бородой, сначала стоитъ неподвижно, но потомъ махаетъ рукой третьему, и они дружно кидаются къ той кипѣ, которая лежитъ дальше всѣхъ отъ мѣста, надъ которымъ опускается крюкъ подъемника. Черезъ минуту двѣ кипы сдвинуты вмѣстѣ, третья лежитъ на нихъ, и цѣпь тянетъ къверху огромный, неуклюжій грузъ. Трое рабочихъ медленно слѣдятъ за его подъемомъ и, закинувъ головы, какъ кажется, перекликаются съ тѣмъ, кто стоитъ въ окнѣ. Четвертый же, схвативъ метлу, начинаетъ подметать мѣсто работы, гдѣ осталось нѣсколько клочковъ выбившагося изъ дыръ обшивки хлопка. Тѣмъ временемъ кипы, сильно раскачавшись доходятъ до высшей точки. Цѣпь каретки натягивается, она быстро вкатывается въ окно, но ненормально большой грузъ

не проходить въ оконное отверстіе свободно, а съ размаха съ силою ударяется о карниз наличника, и прежде чѣмъ невольное „ахъ!“ успѣваетъ вырваться изъ моей груди, три тона хлопка срываются съ поддерживающей ихъ петли. Даже до меня долетаетъ ужасный крикъ. Рабочій съ метлой странно присѣдаетъ подъ страшнымъ ударомъ упавшей съ четвертаго этажа кнпы; а когда она черезъ неизмѣримо малую долю мгновенія отлетаетъ въ сторону и, два раза перевернувшись, грузно опускается на землю, онъ все продолжаетъ сидѣть, неестественно вогнувъ голову и плечи въ колѣни и страннымъ жестомъ откинувъ руку, изъ которой выпала метла.

Не сознавая еще съ полною отчетливостью всего ужаса происшедшаго; я почти скатываюсь съ лѣстницы и бѣгу къ подъемнику черезъ дворъ фабрики, который кажется мнѣ на этотъ разъ необыкновенно длиннымъ. Когда я достигаю мѣста несчастія, тамъ собралось уже десятка два людей. Между ними мнѣ прежде всего бросается въ глаза длинная фигура сухощаваго парня въ свѣтлой ситцевой рубашкѣ, который, страшно размахивая руками, наступаетъ на рабочаго съ бородой: „Черти! Кричалъ я вамъ! Ты чего смотришь? Ты за старшаго! сказано — до двѣ кнпы братъ! Какъ торжаны! Тутъ теперь отвѣчай! Три-то ихъ — еле дрогащишь. Гляди, бороду какую отрастилъ, а нѣтъ, чтобы поглядѣть!“

Мужикъ съ бородой, очевидно, не пришелъ еще въ себя отъ испуга и не можетъ дать себѣ яснаго отчета во всемъ случившемся. Я узнаю въ высокомъ парнѣ рабочаго, который всегда управляетъ механизмомъ подъемника; крича еще на ходу, чтобы кто-нибудь сбѣгалъ за докторомъ, я обращаюсь къ сухощавому рабочему съ какимъ-то вопросомъ, но бородатый мужикъ, нацѣнецъ собравшись съ мыслями, перебиваетъ меня и надорваннымъ голосомъ не-то кричить, не-то плачетъ.

— „Батюшки, да вѣдь самъ онъ, самъ! Вѣдь третью кнпу, онъ ваять-то заставилъ! Не я! самъ, самъ, самъ онъ!“ Повторяетъ упавшимъ голосомъ бородачъ прижимая изо всѣхъ сидѣ къ груди кулаки своихъ жилистыхъ рукъ; кидая на всѣхъ по очереди взгляды, полные жалости и тупого отча-

янія и тщетно ища себѣ поддержки у каждаго изъ стоящихъ вокругъ.

Съ разныхъ сторонъ подбѣгаетъ народъ. Я обертываюсь къ убитому. Еще до моего прихода кто-то тронулъ его за плечи, и трупъ упалъ навзничь. Теперь онъ лежитъ на спинѣ; лицо спокойно; на немъ не видно выраженія страданія. Очевидно смерть послѣдовала мгновенно.

Тѣмъ временемъ собирается толпа. Первое возбужденіе непосредственныхъ свидѣтелей страшной сцены улеглось, а вновь подбѣгающіе безмолвно останавливаются, охваченные ужасомъ. Бабы кое-гдѣ всхлипываютъ. Торопливо протиснулась къ трупу какая-то старуха и дикимъ голосомъ завопила:

— Господи, батюшки-свѣты, да вѣдь это Петра нашъ!

— Ты родственница ему?— обратился я къ ней.

— Нѣтъ, батюшка, не сродственница, а нашъ онъ тимохинскій, изъ Тимохина.

— Что же, есть у него семья, жена, дѣти?

— Нѣтъ, батюшка, нѣтъ, холостой; братъ у него старшій за большака, а родители померли!

У меня какъ-бы отлегло отъ сердца; хорошо хотѣло, что нѣтъ ни сиротъ, ни матери. Быть-можетъ положеніе старухи-матери въ этихъ случаяхъ еще ужаснѣе, чѣмъ положеніе сиротъ.

Тѣмъ временемъ подходит докторъ, а за нимъ несутъ и носилки. Полминуты достаточно для констатированія факта смерти.

— Такъ значитъ теперь его можно и взять?

Докторъ грустно улыбается моей наивности: нельзя взять безъ полиціи. По счастью у насъ и становой, и урядники живутъ рядомъ и на зовъ фабрики являются моментально. За ними уже послано.

Подходить еще народъ: приказчики, техники; пошли за директоромъ. Въ сущности здѣсь, гдѣ только-что разразилась такая страшная катастрофа, дѣлать намъ, всѣмъ собравшимся, нечего. Страшная рука смерти на этотъ разъ сдѣлала свое дѣло такъ быстро, отчетливо и безповоротно, что бесполезность всякихъ соболѣзнованій и разсужденій слишкомъ на-

глядна, а положеніе зрителя среди стоящей вокруг трупа толпы тяжело, почти невыносимо.

Пожавъ руку доктору и отославъ дневной отчетъ директору, я съ сосѣдомъ по квартирѣ, желчнымъ технологомъ изъ прядильнаго отдѣленія, медленно иду домой, поднимаясь по широкому заводскому двору въ ряду сѣренскихъ жилыхъ домиковъ. Протяжный гудокъ гулко разносится въ сырватомъ вечернемъ воздухѣ. Майскій вечеръ по-прежнему тихъ и ясенъ, но ни я, ни мой спутникъ теперь не замѣчаемъ его прелести и, подавленные и сумрачные, шагаемъ въ глубокомъ молчаніи; но молчать въ подобныхъ случаяхъ бываетъ подчасъ до того тягостно, что чувствуешь непреодолимое желаніе, чуть ли не физическую потребность, во что бы то ни стало прервать его... Въ ушахъ у меня еще какъ-будто звучитъ отчаянный крикъ оправданія бородачаго мужика: „да вѣдь самъ онъ, самъ!“ — и я почти машинально, просто чтобы произвести хоть какіе-нибудь звуки, говорю:

— А винить некого, — самъ виноватъ!

— Кто это вамъ сказалъ? — рѣзко прерываетъ меня мой спутникъ.

Я передаю слова бородача.

— Такъ! А почему же онъ самъ-то, бородачь, не виноватъ? Онъ вѣдь тоже помогаль тюки поднимать.

— Да, конечно, и бородачь виноватъ; но убитый вѣдь самъ настаивалъ.

— Ну, а почему же не подъемщикъ виноватъ? Онъ долженъ былъ бы лучше ихъ понимать!

— Подъемщикъ, конечно...

Но собесѣдникъ, горячася все болѣе и болѣе, уже не даетъ мнѣ вымолвить ни слова.

— Нѣтъ, почему же не тотъ приказчикъ виноватъ, который запоздалъ хлопокъ подвести? Благодаря этому рабочіе торопились, — кричалъ онъ, повышая голосъ. — И развѣ управляющій, не давній во-время лошадей приказнику, не виноватъ? Да и самый этотъ майскій вечеръ развѣ не виноватъ? Можетъ быть именно благодаря этому вечеру царню хотѣлось отъ работы поскорѣе отдѣлаться. Почему вы знаете — можетъ быть онъ на свиданіе спѣшилъ?

— Послушайте, Антопъ Николаевичъ, вѣдь вы просто до чортиковъ договариваетесь!

— Нѣтъ-съ, нисколько. А только хочу вашу странную маню — непременно виновныхъ искать — по прямой линіи до абсурда довести!

— Странная мысль..

— Нисколько не странная. Если бы мы не придерживались бы этой старины, этой пробабушкиной страстишки *виновнаго* въ каждомъ несчастномъ случаѣ отыскивать, такъ мы давно ужъ сьумѣли бы всѣхъ нашихъ пострадавшихъ рабочихъ и ихъ семьи обезпечить! А то у насъ, чуть что, — сейчасъ даже понимающіе люди, даже образованные техники начинаютъ виноватаго искать! Тьфу ты, Господи! Да когда же мы наконецъ поймемъ, что въ такихъ дѣлахъ обыкновенно *не виновенъ никто, а ответственны все!* Да-съ, всѣ понемножку! И директоръ нашъ ответственъ, и приказчикъ, и бородачъ вашъ, и мы съ вами. Да, да, что вы удивляетесь? и мы съ вами! Вѣдь мы знали, что рабочіе зачастую по три кипы въ петлю подъемника кладутъ, а что сдѣлали, чтобы этому воспрепятствовать?

— Меня точно кольнуло что-то, — мнѣ вспомнились мои наблюденія изъ окна конторки.

— Да, всѣ ответственны! Все то цѣлое, что зовется фабрикой! А единичнаго виновника въ огромномъ большинствѣ случаевъ вы и не ищите напрасно, — не найдете!

— Но позвольте, вѣдь нельзя же отрицать, что рабочій иногда бываетъ безусловно самъ виноватъ. Вѣдь бываютъ же случаи, когда онъ лѣзетъ, куда не слѣдуетъ, — самъ снимаетъ съ опасной машины прикрытіе, чуть-ли не самъ пальцы въ шестерни суетъ. Вы же сами недавно считали, сколько пальцевъ на Вашей памяти отрѣзало рабочимъ благодаря ихъ баловству съ зубчатками. А сколько несчастій происходитъ изъ-за вопіющей небрежности, которую рѣшительно никто предусмотрѣть не въ состояніи? Вы вѣдь прекрасно, конечно, знаете, что у насъ за безшабашный народъ на фабрикахъ!

— Мой собесѣдникъ только жѣлчно разсмѣлся.

— Великолѣпно вы разсуждать изволите! — замѣтилъ онъ. — Вы вѣдь сами себя побиваете и этого не замѣчаете.

— Какъ?

— Очень понятно! Вы вѣдь говорите о неосторожности, о безшабашности рабочаго, значить, вы прекрасно знаете эту черту?

— Да.

— Зачѣмъ же вы не принимаете соотвѣтствующихъ мѣръ? Чудно, ей-Богу! Надо же, наконецъ, понять, что нравъ и характеръ рабочаго — это одинъ изъ основныхъ элементовъ производства, съ которымъ надо считаться, который приходится неизбежно брать такимъ, какимъ онъ есть. Да, это такой же элементъ производства, какъ матеріалъ, топливо, машины. Почему же вы всѣ эти элементы изучаете, примѣняете къ нимъ и потомъ уже строите фабрику и дѣлаете ваши коммерческіе расчеты, а рабочаго не желаете изучить и не считаете нужнымъ къ нему примѣняться? Вы должны знать, что русскій рабочій не умѣетъ, не можетъ быть осторожнымъ. Вы видѣли, какъ тимохинцы осенью на фабрику черезъ ледъ бѣгаютъ? Рѣка еще только саломъ покрылась, а они, чтобы полверсты крюка не сдѣлать, бѣгутъ по льду! И проваливаются, простуживаются, болѣютъ. Утонулъ даже одинъ три года назадъ; а на слѣдующій годъ опять то же! Вы замѣчали, какъ весной, когда солнце чуть пригрѣетъ, рабочій по воскресеньямъ, особенно выпивши, прямо на талой землѣ брюхомъ по часамъ валется, да тифы и воспаления брюшины при этомъ схватываетъ? Вы все это знаете и, однако, ставите этого безшабашнаго, неосторожнаго чедовѣка прямо къ машинѣ, къ той самой машинѣ, при которой англійскій рабочій съ его вѣковой культурой стоитъ. Да вѣдь къ этой машинѣ такъ же поколѣніями привыкать надо, какъ къ употребленію крахмального воротничка или носоваго платка. А вы рабочаго отъ сохи или, въ лучшемъ случаѣ, отъ ручнаго ткацкаго станка, на которомъ еще египтяне работали, прямо къ сельфактору ставите, да удивляетесь, что онъ неостороженъ, самъ на опасность лѣзетъ!

— Значить, вы считаете что въ несчастіяхъ всегда виновата администрація фабрики, которая не смотритъ за рабочими! — прервалъ я горячую рѣчь расходившагося спутника.

— Тьфу! Виновата да виновата! — отпнулся онъ. — Поймите вы: *дѣло*, все дѣло виновато! Виновата администрація фабрики, что уголь плохъ, что вода жестка? Нѣтъ? Ну,

также, и въ этомъ случаѣ. Надо, конечно, въ уголу торки примѣнять; надо воду очищать; надо, необходимо надо нести эти издержки производства; ну, и здѣсь, при несчастяхъ, также необходимо обезпечивать всѣхъ, прямо всѣхъ пострадавшихъ, кромѣ развѣ злоумышленниковъ, какъ тѣ, что пальцы ломаютъ для спасенія отъ воинской повинности. Да, обезпечить ихъ необходимо, да виноватыхъ-то тутъ не ищите. Видите, что?

— Ну, а если начальство фабрики ничего для предупрежденія такихъ случаевъ не дѣлаетъ, машины не ограждаетъ?

— Ну, такъ и судите его за то, что оно тѣхъ или иныхъ мѣръ безопасности не принимаетъ. Это правильно, это тоже необходимо; но вѣдь знаете же вы, что несмотря на принятіе всякихъ мѣръ некоторое минимальное число несчастій останется. Кто же въ этомъ минимумѣ несчастій по вашему мнѣнію виновенъ? Или виноватъ только директоръ, или только заводъ?

— Я затруднился отвѣтомъ.

— Ну, вотъ то-то! виноватыхъ-то въ этомъ случаѣ не найдется, да обезпечить-то всѣхъ пострадавшихъ надо! Да и съ. Сентиментальничать тутъ нечего, такъ и запишите: обезпеченіе всѣхъ, слышите-ли — всѣхъ пострадавшихъ должно составить „издержки производства“. Такъ дѣло-то проще и вѣрнѣе будетъ, хоть словечко это къ оплатѣ поломанныхъ рукъ и ногъ и не хочется вамъ примѣнять. Ну, а ежели директоръ фабрики машины не ограждаетъ, подтягивайте его за это, карайте, — прекрасно, такъ и слѣдуетъ; но не ставьте же вознагражденіе пострадавшаго въ зависимость отъ чьей-то „виновности“. Это вѣдь просто недѣло! До свиданья!

И, нервно покусывая усы, Антошь Николаевичъ пожалъ мнѣ руку у калитки моего домика.

V. В ъ л ѣ с у.

Случай привелъ меня *однажды* въ директорскій кабинетъ въ то время, когда у него сидѣлъ лѣсопромышленникъ Бабиковъ. У фабрики съ Бабиковымъ всегда дѣла. Наши хо-

Леса берутся своей лес и предпочитают для построекъ, непрерывно возводящихся то въ одной, то въ другой части фабричнаго поселка, закупать и брезна, и доски у Бабикова. Бабиловъ скупаетъ лесъ у помѣщиковъ на срубъ за ничтожную, сравнительно плату, пилятъ на своей лесопильнѣ на доски и брусья и отправляетъ „материалъ“ въ Москву съ той самой станціи, близъ которой стоитъ наша мануфактура. Фабрика для него — выгодный покупатель, забираетъ помногу, цѣны платитъ недурныя и расплачивается аккуратно: вотъ почему онъ старается поддерживать съ фабрикой самыя лучшія отношенія, и лесопильня всегда отпускаетъ для насъ лучший лесъ. Это очень важно для директора. На этой почвѣ взаимныхъ выгодъ созданы между фабрикой и пильней добрыя сосѣдскія отношенія, которыя между прочимъ выражаются въ томъ, что наши мастерскія ремонтируютъ износившіяся части бабиковскихъ машинъ, отливаютъ поломавшіяся шестерни, обтачиваютъ валы.

Когда я вошелъ къ директору, Бабиловъ рассказывалъ, что за послѣднее время у него на заводѣ пошла полоса разныхъ неудачъ: одинъ пильный станокъ распатался, паровой цилиндръ при немъ плохо работаетъ, одинъ паровой котель, какъ кажется, требуетъ серьезной починки. Лесоторговецъ просилъ директора опустить къ нему на день — другой кого-нибудь изъ техниковъ поглядѣть, въ чемъ дѣло.

— Вотъ, Федоръ Павловичъ, не хотите ли съѣздить? — обратился къ мнѣ директоръ. — Завтра суббота, — два дня будутъ въ вашемъ распоряженіи. Кстати посмотрите на мѣстѣ и кое-какой матеріалъ для нашихъ построекъ и для чайной. Чайную то съ театромъ вѣдь Ваша компанія затѣяла.

Я, конечно, согласился.

На другой день, въ 7-мъ часу утра, еще до поздняго восхода январскаго солнца, въ пальто и шубѣ, укутавъ ноги теплымъ одѣяломъ изъ волчьяго мѣха, я сидѣлъ въ просторныхъ, некрашенныхъ, но удобныхъ саняхъ съ высокой спинкой, и сытая пара „гусемъ“ хорошей рысью везла меня въ пустошь Засельщину, гдѣ стоялъ лесопильный заводъ Якова Аванасьевича Бабикова. Вхать надо было верстъ 40. Въ продолженіе четырехъ послѣднихъ мѣсяцевъ я выѣзжалъ съ фабрики не больше двухъ или трехъ разъ, и каждый разъ

вую сторону саней; правый полозъ идетъ уже по воздуху, и сани движутся на лѣвомъ полозѣ и на лѣвомъ отводѣ. Я ухватываюсь за спинку и беспомощно оглядываюсь черезъ лѣвое плечо въ снѣгъ, соображая, въ какой моментъ мнѣ выгоднѣе всего отпустить руку и свалиться; но калризь дороги и необычайная стойкость русскихъ саней, приспособленныхъ во всякимъ неожиданностямъ нашего зимняго пути, спасаютъ меня отъ неизбежной, казалось, катастрофы. Теперь мы уже свернули съ „тракта“ и повернули на проселокъ; по некоторому зимю возится почти исключительно бабиковскій лѣсной матеріалъ. Грузы досокъ и брусень, перевозимые на распускныхъ дровняхъ, задними салазками длинныхъ воровъ на каждомъ раскатѣ страшнымъ ударомъ тяжести, движущейся по огромной дугѣ девятиаршиннаго радиуса, разбиваютъ путь, выбивая на немъ, то справа, то слѣва, такой непрерывный рядъ рытвинъ, какого вы не встрѣтите ни на какой другой дорогѣ. Ухабы, въ которые лошадь уходитъ по шею, раскаты, ямы, выбоины, косогоры чередуются здѣсь въ такихъ необычайныхъ комбинаціяхъ, что даже опытный кучеръ подчасъ въ недоумѣніи оборачивается къ вамъ и предупреждаетъ: „Ну, баринъ, держись, — не знаю, какъ бы не опрокинуть“. Женщины при подобныхъ поѣздкахъ нерѣдко захварываютъ морскою болѣзнью.

Иногда въ день тянутся по такимъ дорогамъ отъ завода на станцію обозы съ „матеріаломъ“. Надрываются топція мужицкія вляченки, до крови сбиваются на ухабахъ ихъ спины и шей хомутами и сѣделками, рвется жалкая крестьянская упряжь. Даже сами хозяева надрываются, кажется, не меньше своихъ лошадей. Пятнадцать разъ въ мѣсяцъ, шагъ за шагомъ, отмѣриваютъ они тридцативерстную пугину съ завода на станцію; обдуваетъ ихъ вѣтрами, засыпаетъ вьюгами, студитъ днем и ночью жестокими морозами, поливаетъ холодными дождями ранней весной, когда передъ распутицей наступаетъ время самой горячей работы. И часто въ глубокомъ ухабѣ, чтобы помочь выбившемуся изъ силъ вою, мужикъ самъ подхватываетъ оглоблю или подпираетъ плечемъ возъ на раскатахъ; вязнетъ онъ по поясъ въ снѣгу, выволакивая грузъ, зарывшійся въ придорожные канавы и овраги, и немало

рукъ, ногъ и вѣспинъ и мужицкихъ поломано, закатившимся роспусками и то блуж поворотом это дивитъ понизятъ...

Выѣхавъ часу въ 5-мь утра изъ дому, возчикъ къ свѣту забираетъ матеріалъ съ завода и позднимъ вечеромъ короткаго зимняго дня складываетъ его на станціи у конторки. Поужинавъ въ сухомятку и соснувъ, гдѣ придется, нѣсколько часовъ, онъ къ полудню возвращается домой, чтобы на другой день съ 4-хъ часовъ утра приняться за ту же работу. Хорошо еще если мужикъ богатый, многолошадный; пусть въ дѣло пару или тройку лошадей, онъ выработаетъ за двое сутокъ рублей до двухъ, а то и до двухъ съ половиной. Тому же у кого въ дѣлѣ одна лошадь, не заработать больше полтиника за конный день каторжнаго труда. Но и это еще далеко не самый низкій заработокъ. Позднѣе, въ другомъ районѣ и при другихъ обстоятельствахъ, пришлось мнѣ видѣть случай, гдѣ на возкѣ шпаль къ желѣзной дорогѣ мужикъ съ одной лошадыо выработывалъ зимою по 25 к. въ сутки! Долженъ оговориться: за 11-ти-лѣтній періодъ такой скудный заработокъ пришлось мнѣ встрѣтить единственный разъ.

Но вотъ, миновавъ десятокъ встрѣчныхъ подводъ, миновавъ поле какой-то деревушки и запольные кусты, мы въѣхали въ лѣсъ, который почти не прерывался до самаго завода.

Чудесно въ лѣсу!... Хорошо чувствуешь себя среди безмолвнаго, величаво-покойнаго бора въ его нарядномъ зимнемъ уборѣ послѣ длиннаго ряда дней суетливой однообразной фабричной жизни, съ ея подавляюще-правильнымъ распределеніемъ времени по гудкамъ, съ ея неутомнымъ, притупляющимъ слухъ шумомъ, съ ея равномерной, неотложной и скучной работой. Дорога стала ровнѣе. Снѣгъ ложится въ лѣсу гладкимъ слоемъ. Не возмущаемая ни бурями, ни метелями, бѣлая шелена стелется легкимъ покрываломъ. Тысячами яркихъ блесковъ искрится она тамъ, гдѣ пробьется солнце; синими и тонами ослѣпляетъ глаза въ тѣни. Ровные, прямые, строгіе поднимаются изъ снѣга стволы огромныхъ елей, заглушающіе своею мощью всѣ другіе лѣсные побѣги. Кое-гдѣ близъ лѣсныхъ полянокъ видѣются старыя раскисстыя деревья. Темная зелень славно потѣняется бѣлыми массами покрывающаго ихъ мѣстами снѣга; низко опустили

онѣ широкія вѣтви и, кажется, прислушиваются въ той величественной тишинѣ, отъ которой жутко становится непривычному человѣку. А сверху узкой полосой надъ дорогой просвѣчиваетъ яркое, но холодное небо, и пригрѣтая солнцемъ зелень вершинъ напоминаетъ о жизни и лѣтѣ среди этого царства зимы и покоя.

Но вотъ лѣсъ начинаетъ рѣдѣть. Сначала гдѣ-то сбоку, въ глухой стѣнѣ елей, засвѣтились просвѣты неба. Потомъ эти просвѣты стали больше и больше; мѣстами они подходили къ намъ такъ близко, что, казалось, мы уже выѣзжаем на опушку; но причудливый поворотъ дороги опять уносилъ насъ въ глубь лѣса, въ которомъ однако здѣсь уже замѣчались слѣды безжалостнаго хозяйства лѣсопромышленника. Поминутно въ сторону отъ дороги отходили слѣды саней. Мѣстами видѣлся пень свѣже-спиленнаго дерева, и груды возлѣ него поднимались обрубленные вѣтви. Да и на тѣхъ деревьяхъ, которыя еще уцѣлѣли до поры, до времени многія вѣтви были обломаны, очевидно, при паденіи сосѣднихъ елокъ.

Черезъ нѣсколько минутъ до моего слуха достигъ ритмически-повторяющійся звукъ: пп-охъ, пп-охъ, пп-охъ. Это типичное пыхтѣніе пара, выбивающагося изъ небольшой машины, я, конечно, узналъ бы не только среди лѣсной тишины, но и среди тысячи другихъ звуковъ. Мы выѣхали на огромное пространство „выработаннаго“ лѣса, гдѣ среди пней и жучь всякаго лѣснаго хлама уныло кое-гдѣ подымались тонкіе стволы оставленныхъ при такъ-называемой „проходной рубкѣ“ деревьевъ. Богъ вѣсть для чего, вслѣдствіе какихъ-то особыхъ требованій лѣсоохранительнаго закона, оставляются на корню эти тощіе остатки большаго лѣса. Обыкновенно на первый же или на второй годъ послѣ рубки ихъ свалить налетѣвшая буря, но пока они еще не упали, ихъ тонкіе, вытянувшіеся въ тѣни большаго лѣса, голые стволы придаютъ оттѣнокъ особой унылости общей картинѣ порубки, производятъ впечатлѣніе какой-то сиротливости, брошенности.

Но вотъ мы и „на пристани“. Должно быть по воспоминаніямъ о тѣхъ временахъ, когда лѣсъ транспортировали только водой, всякій складъ кражей и досокъ при лѣсопилномъ заводѣ зовется „пристанью“, хотя бы до ближайшей рѣки было не ближе сотни верстъ. Пристань, это—простран-

ство въ нѣсколько десятинъ, на которое свозится за зиму весь запасъ заготовленнаго дѣла, что по размѣрамъ здѣшнихъ лѣсныхъ заводовъ можетъ составить отъ 10-ти до 100 тысячъ *кряжей*; здѣсь же, до отправки ихъ на вокзалъ, въ огромныхъ *штабеляхъ*, стоящихъ сплошными улицами, хранятся выработанные на заводѣ брусья, доски. Первая мысль, охватывающая на пристани новаго человѣка, — мысль о пожарѣ: что будетъ, если все это загорится? И, дѣйствительно, такіе пожары, хотя не особенно частые, бывають ужасны.

Я подѣхалъ къ новенькой, довольно чистой конторкѣ. На крыльцѣ меня встрѣтилъ хозяинъ. Любезно, голосомъ, которому онъ старался придать отѣнокъ ласки и почтительности, освѣдомился Яковъ Аванасьевичъ, какъ я ѣхалъ, не прозябъ ли по такому морозу. Весьма кстати онъ предложилъ чайку выкушать, да закусить съ дороги. Мы вошли въ низкую, просторную комнату съ маленькими окнами; на бревенчатыхъ стѣнахъ, кромѣ образовъ и царскихъ портретовъ, висѣли зачѣмъ-то сюда попавшіе олеографическіе пейзажи какихъ-то невѣдомыхъ странъ, засиженные мухами. На столѣ у одного изъ оконъ уже кипѣлъ давно нечищенный самоваръ и было поставлено нѣсколько сортовъ московскихъ закусокъ. Мы подѣли къ столу и повели съ хозяиномъ для перваго начала пустой и незначительный разговоръ о послѣдней метели, объ охотѣ на волковъ въ сосѣднемъ графскомъ имѣніи, о новомъ породистомъ бычкѣ, кулленномъ въ ту же экономію. Мѣстный крестьянинъ родомъ, приземистый, широкоплечій, безъ малѣйшей сѣдины въ волосахъ и въ маленькой, клочковатой, рыженькой бородкѣ. Яковъ Аванасьевичъ Бабиновъ представлялъ изъ себя незаурядную фигуру. Арендовавъ чуть не даромъ въ шестидесятыхъ годахъ большое имѣніе, онъ сколотилъ первые троихи и съ тѣхъ поръ быстро пошелъ въ гору, спекулируя землей, поднимавшейся въ цѣнѣ не по годамъ, а по днямъ и часамъ. Присмотрѣвшись къ лѣсному дѣлу, онъ, полуграмотный мужикъ, дѣтъ двадцать назадъ чуть ли не первый въ этомъ районѣ поставилъ, вслѣдъ за проведеніемъ желѣзной дороги, маленькую лѣсопильню, давшую ему сразу значительный доходъ, и съ тѣхъ поръ, бросивъ окончательно землю, повелъ лѣсное дѣло, сводя бывшіе

глядна, а положеніе зрителя среди стоящей вокруг трупа толпы тяжело, почти невыносимо.

Пожавъ руку доктору и отославъ дневной отчетъ директору, я съ сосѣдомъ по вквартирѣ, желчнымъ технологомъ изъ прядильнаго отдѣленія, медленно иду домой, поднимаясь по широкому заводскому двору къ ряду сѣренскихъ жилыхъ домиковъ. Протяжный гудокъ гулко разносится въ сырватомъ вечернемъ воздухѣ. Майскій вечеръ по-прежнему тихъ и ясенъ, но ни я, ни мой спутникъ теперь не замѣчаемъ его прелести и, подавленные и сумрачные, шагаемъ въ глубокомъ молчаніи; но молчать въ подобныхъ случаяхъ бываетъ подчасъ до того тягостно, что чувствуешь непреодолимое желаніе, чуть ли не физическую потребность, во что бы то ни стало прервать его. Въ ушахъ у меня еще какъ-будто звучитъ отчаянный крикъ оправданія бородачатаго мужика: „да вѣдь самъ онъ, самъ!“ и я почти машинально, просто чтобы произвести хоть какіе-нибудь звуки, говорю:

— А винить некого.— самъ виновать!

— Кто это вамъ свазаль? — рѣзко прерываетъ меня мой спутникъ.

Я передаю слова бородача.

— Такъ! А почему же онъ самъ-то, бородачъ, не виновать? Онъ вѣдь тоже помогаль тѣки поднимать.

— Да, конечно, и бородачъ виновать; но убитый вѣдь самъ настаиваль.

— Ну, а почему же не подъемщикъ виновать? Онъ долженъ былъ бы лучше ихъ понимать!

— Подъемщикъ, конечно...

Но собесѣдникъ, горячася все болѣе и болѣе, уже не даетъ мнѣ вымолвить ни слова.

— Нѣтъ, почему же не тотъ приказчикъ виновать, который запоздалъ хлопокъ подвести? Благодаря этому рабочіе торопились; — кричалъ онъ, повышая голосъ. — И развѣ управляющій, не давній во-время лошадей приказчику, не виновать? Да и самый этотъ майскій вечеръ развѣ не виновать? Можетъ быть именно благодаря этому вечеру парню хотѣлось отъ работы поскорѣе отдѣлаться. Почему вы знаете — можетъ быть онъ на свиданіе спѣшилъ?

— Послушайте, Антонъ Николаевичъ, вѣдь вы просто до чортиковъ договариваетесь!

— Нѣтъ-съ, нисколько. А только хочу вашу странную манію — непременно виновныхъ искать — по прямой линіи до абсурда довести!

— Странная мысль.

— Нисколько не странная. Если бы мы не придерживались бы этой старинной, этой пробабушкиной страстишки *виновнаго* въ каждомъ несчастномъ случаѣ отыскивать, такъ мы давно ужъ сьумѣли бы всѣхъ нашихъ пострадавшихъ рабочихъ и ихъ семьи обезпечить! А то у насъ, чуть что, — сейчасъ даже понимающіе люди, даже образованные техники начинаютъ виноватаго искать! Тьфу ты, Господи! Да тогда же мы наконецъ поймемъ, что въ такихъ дѣлахъ обыкновенно *не виновенъ никто, а ответственный есть!* Да-съ, всѣ помножку! И директоръ нашъ ответственъ, и приказчикъ, и бородачъ вашъ, и мы съ вами. Да, да, что вы удивляетесь? и мы съ вами! Вѣдь мы знали, что рабочіе зачастую по три вины въ петлю подъемника кладутъ, а что сдѣлали, чтобы этому воспрепятствовать?

Меня точно кольнуло что-то, — мнѣ вспомнились мои наблюдения изъ окна конторки.

— Да, всѣ ответственны! Все то цѣлое, что зовется фабрикой! А единичнаго виновника въ огромномъ большинствѣ случаевъ вы и не ищите напрасно, — не найдете!

— Но позвольте, вѣдь нельзя же отрицать, что рабочій иногда бываетъ безусловно самъ виноватъ. Вѣдь бываютъ же случаи, когда онъ лѣзетъ, куда не слѣдуетъ, — самъ снимаетъ съ опасной машины прикрытие, чуть-ли не самъ пальцы въ шестерни суетъ. Вы же сами недавно считали, сколько пальцевъ на Вашей памяти отрѣзало рабочимъ благодаря ихъ баловству съ зубчатками. А сколько несчастій происходитъ изъ-за вопіющей небрежности, которую рѣшительно никто предусмотрѣть не въ состояніи? Вы вѣдь прекрасно, конечно, знаете, что у насъ за безшабашный народъ на фабрикахъ!

Мой собесѣдникъ только желчно разсмѣялся.

— Великолѣпно вы рассуждать изволите! — замѣтилъ онъ. — Вы вѣдь сами себя побиваете и этого не замѣчаете.

— Какъ?

— Очень понятно! Вы вѣдь говорите о неосторожности, о безшабашности рабочаго, значить, вы прекрасно знаете эту черту?

— Да.

— Зачѣмъ же вы не принимаете соответствующихъ мѣръ? Чудно, ей-Богу! Надо же, наконецъ, понять, что нравъ и характеръ рабочаго — это одинъ изъ основныхъ элементовъ производства, съ которымъ надо считаться, который приходится неизбежно брать такимъ, какимъ онъ есть. Да, это таюй же элементъ производства, какъ матеріаль, топливо, машины. Почему же вы всѣ эти элементы изучаете, примѣняете къ нимъ и потомъ уже строите фабрику и дѣлаете ваши коммерческіе разсчеты, а рабочаго не желаете изучить и не считаете нужнымъ къ нему примѣняться? Вы должны знать, что русскій рабочій не умѣетъ, не можетъ быть осторожнымъ. Вы видѣли, какъ тимохинцы осенью на фабрику черезъ ледъ бѣгаютъ? Рѣка еще только саломъ покрылась, а они, чтобы полверсты крюка не сдѣлать, бѣгутъ по льду! И проваливаются, простуживаются, болѣютъ. Утонулъ даже одинъ три года назадъ; а на слѣдующій годъ опять то же! Вы замѣчали, какъ весной, когда солнце чуть пригрѣетъ, рабочій по воскресеньямъ, особенно выпивши, прямо на талой землѣ брюхомъ по часамъ валется, да тифы и воспаленія брюшины при этомъ схватываетъ? Вы все это знаете и, однако, ставите этого безшабашнаго, неосторожнаго чедовѣка прямо къ машинѣ, къ той самой машинѣ, при которой англійскій рабочій съ его вѣковой вульгурой стоитъ. Да вѣдь къ этой машинѣ такъ же поколѣніями привыкать надо, какъ къ употребленію крахмальнаго воротничка или носоваго платка. А вы рабочаго отъ сохи или, въ лучшемъ случаѣ, отъ ручнаго ткацкаго станка, на которомъ еще египтяне работали, прямо въ сельфактору ставите, да удивляетесь, что онъ неостороженъ, самъ на опасность лѣзетъ!

— Значить, вы считаете что въ несчастіяхъ всегда виновата администрація фабрики, которая не смотритъ за рабочими! — прервалъ я горячую рѣчь расходившагося спутника.

— Тьфу! Виновата да виновата! — отпдюнулъ онъ. — Поймите вы: *дѣло*, все дѣло виновато! Виновата администрація фабрики, что уголь плохъ, что вода жестка? Нѣдь? Ну,

также и въ этомъ случаѣ. Надо, конечно, въ уголу топки примѣнять; надо воду очищать; надо, необходимо надо нести эти издержки производства; ну, и здѣсь, при несчастіяхъ, также необходимо обезпечивать всѣхъ, прямо всѣхъ пострадавшихъ, кромѣ развѣ злоумышленниковъ, какъ тѣ, что пальцы ломаютъ для спасенія отъ воинской повинности. Да, обезпечить ихъ необходимо, а виноватыхъ-то тутъ не ищите.

— Ну, а если начальство фабрики ничего для предупрежденія такихъ случаевъ не дѣлаетъ, машины не ограждаетъ?

— Ну, такъ и судите его за то, что оно тѣхъ или иныхъ мѣръ безопасности не принимаетъ. Это правильно, это тоже необходимо; но вѣдь знаете же вы, что несмотря на принятіе всякихъ мѣръ некоторое минимальное число несчастій останется. Кто же въ этомъ минимумѣ несчастій по вашему мнѣнію виновенъ?

Я затруднился отвѣтомъ.

— Ну, вотъ то-то! виноватыхъ-то въ этомъ случаѣ не найдется, а обезпечить-то всѣхъ пострадавшихъ надо! Да и съ. Сентиментальничать тутъ нечего, такъ и запишите: обезпеченіе всѣхъ, слышите-ли — всѣхъ пострадавшихъ должно составить „издержки производства“. Такъ дѣло-то проще и вѣрнѣе будетъ, хоть словечко это къ оплатѣ поломанныхъ рукъ и ногъ и не хочется вамъ примѣнять. Ну, а ежели директоръ фабрики машинъ не ограждаетъ, подтягивайте его за это, карайте, — прекрасно, такъ и слѣдуетъ; но не ставьте же вознагражденіе пострадавшаго въ зависимость отъ чьей-то „виновности“. Это вѣдь просто недѣло! До свиданья!

И, нервно покусывая усы, Антонъ Николаевичъ пожалъ мнѣ руку у калитки моего домика.

V. В ъ л ѣ с у.

Случай привелъ меня однажды въ директорскій кабинетъ въ то время, когда у него сидѣлъ лѣсопромышленникъ Бабиковъ. У фабрики съ Бабиковымъ всегда дѣла. Наши хо-

заява берегутъ свой лѣсъ и предпочитаютъ для построекъ, непрерывно возводящихся то въ одной, то въ другой части фабричнаго поселка, закупать и бревна, и доски у Бабикова. Бабиковъ скупаетъ лѣсъ у помещиковъ на срубъ за ничтожную сравнительно плату, пилить на своей лѣсопильнѣ на доски и брусья и отправляетъ „матеріаль“ въ Москву съ той самой станціи, близъ которой стоитъ наша мануфактура. Фабрика для него — выгодный покупатель, забираетъ помногу, цѣны платитъ недурныя и расплачивается аккуратно; вотъ почему онъ старается поддерживать съ фабрикой самыя лучшія отношенія, и лѣсопильня всегда отпускаетъ для насъ лучшій лѣсъ. Это очень важно для директора. На этой почвѣ взаимныхъ выгодъ создались между фабрикой и пильней добрыя сосѣдскія отношенія, которыя между прочимъ выражаются въ томъ, что наши мастерскія ремонтируютъ износившіяся части бабиковскихъ машинъ, отливаютъ поломавшіяся шестерни, обтачиваютъ валы.

Когда я вошелъ къ директору, Бабиковъ разсказывалъ, что за послѣднее время у него на заводѣ пошла полоса разныхъ неудачъ: одинъ пильный станокъ распался, паровой цилиндръ при немъ плохо работаетъ, одинъ паровой котель, какъ кажется, требуетъ серьезной починки. Лѣсоторговецъ просилъ директора отпустить къ нему на день — другой кого-нибудь изъ техниковъ поглядѣть, въ чемъ дѣло.

— „Вотъ, Федоръ Павловичъ, не хотите ли съѣздить? — обратился къ мнѣ директоръ. — Завтра суббота, — два дня будутъ въ вашемъ распоряженіи. Кстати посмотрите на мѣстѣ и кое-какой матеріаль для нашихъ построекъ и для чайной. Чайную то съ театромъ вѣдь. Ваша компанія затѣяла.“

Я, конечно, согласился.

На другой день, въ 7-мъ часу утра, еще до поздняго восхода январскаго солнца, въ пальто и шубѣ, укутавъ ноги теплымъ одѣяломъ изъ волчьяго мѣха, я сидѣлъ въ просторныхъ, некрашенныхъ, но удобныхъ саняхъ съ высокой спинкой, и сытая пара дугемъ „хорошей рысью“ везла меня въ пустошь Засельщину, гдѣ стоялъ лѣсопильный заводъ Якова Аонасѣевича Бабикова. Ѣхать надо было верстъ 40. Въ продолженіе четырехъ послѣднихъ мѣсяцевъ я выѣзжалъ съ фабрики не больше двухъ или трехъ разъ, а въ каждый разъ

не больше какъ на вечеръ, на 4—5 часовъ, и теперь, когда сторожь Семень въ внутренней полутьмѣ распахнулъ передо мною широкія фабричныя ворота, я почувствовалъ себя какъ бы школьникомъ, вырвавшимся на свободу. Пріятная мысль о томъ, что два дня я проведу въ новой обстановкѣ, въ фабрики, въ лѣсу, вмѣстѣ съ волной свѣжаго воздуха, охватившаго лицо при быстрой ѣздѣ, вызвали во мнѣ то хорошее, свойственное только молодости, доброе настроеніе, при которомъ все окружающее кажется прекраснымъ и привѣтливымъ. Все радовало и веселило и первые яркіе лучи солнца, залившіе всю долину нашей рѣчки, холоднымъ лиловатымъ свѣтомъ зимняго утра, и широкія очертанія знакомой картины, и кучерь Кузьма, молодой парень, который, какъ-то избоченившись, сидѣлъ передо мной на облучкѣ и поминутно легкимъ движеніемъ руки ловко закидывалъ впередъ длинный, трехсаженный, волочившійся сзади, сжнуть, не подстигивая, а только подбадривая этимъ движеніемъ передовую уносную лошадь.

Незамѣтно промелькнуло верстъ 12 пути, и мы выѣхали на старый трактъ Морозный, солнечный зимній день смѣнилъ утреннія сумерки. По обѣ стороны дороги прозрачною стѣною поднимались ряды раскидистыхъ, опущенныхъ и немѣ березъ. Еле-еле намѣчались въ зимней мглѣ легкія очертанія дальнихъ деревьевъ въковой долины. Постепенно, вмѣстѣ съ движеніемъ саней впередъ, приближались они ко мнѣ. Все яснѣй и яснѣй становились неопредѣленные розоватыя полутьмныя ихъ контуры. Они надвигались, росли выше и выше, и рѣзко выдѣляясь на прозрачной синевѣ неба причудливымъ кружевомъ узоръ вѣтвей ближайшихъ деревьевъ, то сверкающій серебромъ на солнцѣ, то теряющійся въ причудливыхъ тѣняхъ. И сказкой вѣяло отъ этой дороги. Казалось, что концы ея нѣтъ.

Рѣзкій толчекъ на поворотѣ вывелъ меня изъ мечтательнаго настроенія, навѣяннаго красотой заиндѣвѣлыхъ березъ стараго тракта. Еще ухабъ, еще и еще! Миновавъ ухабы, сани съ силой раскатываются по самому краю обрыва надъ оврагомъ справа отъ дороги. Я невольно откидываюсь на лѣвую сторону, но въ этотъ моментъ второй толчекъ, точно ударъ какой-то невидимой силы, рѣзко подкидываетъ вверхъ пра-

вую сторону саней, правый полозъ идетъ уже по воздуху, и сани движутся на лѣвомъ полозѣ и на лѣвомъ отводѣ. Я ухватываюсь за спинку и безпомощно оглядываюсь черезъ лѣвое плечо въ снѣгъ, соображая въ какой моментъ мнѣ выгоднѣе всего отнестись руками и вывалиться; но капризь дороги и необычайная стойкость русскихъ саней, приспособленныхъ во всякимъ неожиданностямъ нашего зимняго пути, спасаютъ меня отъ неизбежной, вѣдалось, катастрофы. Теперь мы уже свернули съ „тракта“ и повернули на проселокъ, по которому зимою возится почти исключительно бабиковскій лѣсной матеріалъ. Грузы досокъ и брусевъ, перевозимые на роспускныхъ дровняхъ, задними салазками длинныхъ воевъ на каждомъ раскатѣ страшнымъ ударомъ тяжести, движущейся по огромной дугѣ девятиаршиннаго радіуса, разбиваютъ путь, выбивая на немъ, то справа, то слѣва, такой непрерывный рядъ рытвинъ, какого вы не встрѣтите ни на какой другой дорогѣ. Ухабы, въ которые лошадь уходитъ по шею, раскаты, ямы, выбоины, косогоры чередуются здѣсь въ такихъ необычайныхъ комбинаціяхъ, что даже опытный вучерь подчасъ въ недоумѣніи оборачивается къ вамъ и предупреждаетъ: „Ну, баринъ, держись, — не знаю, какъ бы не опрокинуть“. Женщины при подобныхъ поѣздкахъ нерѣдко захвариваютъ морскою болѣзнью.

Иногда въ день тянутся по такимъ дорогамъ отъ завода на станцію обозы съ „матеріаломъ“. Надрываются тощія мужицкія вляченки, до крови сбиваются на ухабахъ ихъ спины и шей хомутами и сѣделками, рвется жалкая крестьянская упряжь. Да и сами хозяева надрываются, кажется, не меньше своихъ лошадей. Пятнадцать разъ въ мѣсяцъ, шагъ за шагомъ, отмиряютъ они тридцативерстную путину съ завода на станцію, обдуваетъ ихъ вѣтрами, засыпаетъ вьюгами, студитъ днемъ и ночью жестокими морозами, поливаетъ холодными дождями ранней весной, когда передъ распутицей наступаетъ время самой горячей работы. И часто въ глубокомъ ухабѣ, чтобы помочь выбившемуся изъ силъ вою, мужикъ самъ подхватываетъ оглоблю или подпираетъ плечемъ воевъ на раскатахъ; вязнетъ онъ по поясъ въ снѣгу, выволакивая грузъ, завалившійся въ придорожные канавы и овраги, и немало

рукъ, ногъ и виспинъ и мужицкихъ и поломано закатившимися роспусками и отуж. Подотоя это. Яншигъ йоннотъ и вези.

Выѣхавъ часу въ 5-мъ утра изъ дому, возчикъ къ свѣту забираетъ матеріалъ съ завода и позднимъ вечеромъ короткаго зимняго дня складываетъ его на станціи у конторки. Поужинавъ въ сухомъ яткѣ и соснувъ, гдѣ придется, нѣсколько часовъ, онъ къ полудню возвращается домой, чтобы на другой день съ 4-хъ часовъ утра приняться за ту же работу. Хорошо еще, если мужикъ богатый, многолошадный; пустивъ въ дѣло пару или тройку лошадей, онъ выработаетъ за двое сутокъ рублей до двухъ, а то и до двухъ съ полтиной. Тому же у кого въ дѣлѣ одна лошадь, не заработать больше полтинника за законный день каторжнаго труда. Но и это еще далеко не самый низкій заработокъ. Позднѣе, въ другомъ районѣ и при другихъ обстоятельствахъ, пришлось мнѣ увидѣть случай, гдѣ на возкѣ шпалькъ желѣзной дорогѣ мужикъ съ одной лошадейю выработывалъ зимою по 25 коп. въ сутки! Долженъ оговориться: за 11-ти-лѣтній періодъ такой скудный заработокъ пришлось мнѣ встрѣтить единствен- ный разъ.

Но вотъ, миновавъ десятокъ встрѣчныхъ подводъ, миновавъ поле какой-то деревушки и запольные кустины мы въѣхали въ лѣсъ, который почти непрерывался до самаго завода. Мудесно въ лѣсу!.. Хорошо чувствуешь себя среди безмолвнаго, величаво-покойнаго бора въ его нарядномъ зимнемъ уборѣ послѣ длиннаго ряда дней суетливой однообразной фабричной жизни, съ ея подавляюще-правильнымъ распределеніемъ времени по гудкамъ, съ ея неутомнымъ, притупляющимъ слухъ шумомъ, съ ея равномерной, неотложной и скучной работой. Дорога стала ровнѣе. Снѣгъ ложится въ лѣсу гладкимъ слоемъ. Не возмущаемая ни бурями, ни метелями, бѣлая челена стелется легкимъ покрываломъ. Тысячами яркихъ блескокъ искрится она тамъ, гдѣ пробьется солнце; синими тонами одаскаетъ глаза въ лѣни. Ровные, прямые, строгіе поднимаются изъ снѣга стволы огромныхъ елей, заглушающіе своею мощью всѣ другіе лѣсные побѣги. Кое-гдѣ близъ лѣсныхъ полянокъ виднѣются старыя раскидистыя деревья. Темная зелень славно отдѣняется бѣлыми массами покрывающаго ихъ мѣстами снѣга; низко опустили

онѣ широкія вѣтви и; кажется, прислушиваются въ той величественной тишинѣ, отъ которой жутко становится не-привычному человеку. А сверху узкой полосой надъ доро-гой просвѣчиваетъ яркое; но холодное небо, и пригрѣтая солнцемъ зелень вершинъ напоминаетъ о жизни и лѣтѣ среди этого царства зимы и покоя.

Но вотъ лѣсъ начинаетъ рѣдѣть. Сначала гдѣ-то сбоку, въ глухой стѣнѣ елей, засвѣтились просвѣты неба. Потомъ эти просвѣты стали больше и больше; мѣстами они подходили къ намъ такъ близко, что, казалось, мы уже выѣзаемъ на опушку; но причудливый поворотъ дороги опять уносилъ насъ въ глубь лѣса, въ которомъ однако здѣсь уже замѣчались слѣды безжалостнаго хозяйства лѣсопромышленника. Поми-нутно въ сторону отъ дороги отходили слѣды саней. Мѣстами виднѣлся пень свѣже-спиленнаго дерева, и груды возлѣ него поднимались обрубленные вѣтви. Да и на тѣхъ деревьяхъ, которыя еще уцѣлѣли до поры, до времени многія вѣтви были обломаны, очевидно, при паденіи сосѣднихъ елокъ.

Черезъ нѣсколько минутъ до моего слуха достигъ ритми-чески-повторяющійся звукъ: пп-охъ, пп-охъ, пп-охъ. Это ти-пичное пыхтѣніе пара, выбивающагося изъ небольшой ма-шины, я, конечно, узналъ бы не только среди лѣсной ти-шины, но и среди тысячи другихъ звуковъ. Мы выѣхали на огромное пространство „выработаннаго“ лѣса, гдѣ среди шней и кучь всякаго лѣснаго хлама уныло кое-гдѣ подымались тон-кіе стволы оставленныхъ при такъ-называемой „проходной рубкѣ“ деревьевъ. Богъ вѣсть для чего, вслѣдствіе какихъ-то особыхъ требованій лѣсоохранительнаго закона, оставляются на корню эти тощіе остатки большаго лѣса. Обыкновенно на первый же или на второй годъ послѣ рубки ихъ свалить налетѣвшая буря, но пока они еще не упали, ихъ тонкіе, вытянувшіеся въ тѣни большаго лѣса, голые стволы прида-ютъ оттѣнокъ особой унылости общей картинѣ порубки, про-изводятъ впечатлѣніе какой-то сиротливости, брошенности.

Но вотъ мы и „на пристани“. Должно быть по воспоми-наніямъ о тѣхъ временахъ, когда лѣсъ транспортировали только водой, всякій складъ кряжей и досокъ при лѣсопиль-номъ заводѣ зовется „пристанью“, хотя бы до ближайшей рѣки было не ближе сотни верстъ. Пристань, это — простран-

ство въ нѣсколько десятинъ, на которое свозится за зиму весь запасъ заготовленнаго дѣла, что по размѣрамъ здѣшнихъ лѣсныхъ заводовъ можетъ составить отъ 10-ти до 100 тысячъ *кряжей*; здѣсь же, до отправки ихъ на вокзалъ, въ огромныхъ *штабеляхъ*, стоящихъ сплошными улицами, хранятся выработанные на заводѣ брусья, доски. Первая мысль, охватывающая она „пристань“ новаго человека, — мысль о пожарѣ: что будетъ, если все это загорится? И, дѣйствительно, такіе пожары, хотя не особенно частые, бываютъ ужасны.

Я подѣхалъ къ новенькой, довольно чистой конторкѣ. На крыльцѣ меня встрѣтилъ хозяинъ. Любезно, голосомъ, которому онъ старался придать отбѣнокъ ласки и почтительности, освѣдомился Яковъ Анасѣевичъ, какъ я ѣхалъ, не прозябъ ли по такому морозу. Весьма кстати онъ предложилъ чайку выкупать, да закусить съ дороги. Мы вошли въ низкую, просторную комнату съ маленькими окнами; на бревенчатыхъ стѣнахъ, кромѣ образовъ и царскихъ портретовъ, висѣли зачѣмъ-то сюда попавшіе олеографическіе пейзажи какихъ-то невѣдомыхъ странъ, засиженные мухами. На столѣ у одного изъ оконъ уже кипѣлъ давно нечищенный самоваръ и было поставлено нѣсколько сортовъ московскихъ закусокъ. Мы подсѣли къ столу и повели съ хозяиномъ для перваго начала пустой и незначительный разговоръ о послѣдней метели, объ охотѣ на волковъ въ сосѣднемъ графскомъ имѣніи, о новомъ породистомъ бычкѣ, купленномъ въ ту же экономію. А мѣстный крестьянинъ родомъ, приземистый, широкоплечій, безъ малѣйшей сѣдины въ волосахъ и въ маленькой, клочковатой, рыженькой бородкѣ, Яковъ Анасѣевичъ Бабииковъ представлялъ изъ себя незаурядную фигуру. Арендовавъ чуть не даромъ въ шестидесятыхъ годахъ большое имѣніе, онъ сколотилъ первые гроши и съ тѣхъ поръ быстро пошелъ въ гору, спекулируя землей, поднимавшейся въ цѣнѣ не по годамъ, а по днямъ и часамъ. Присмотрѣвшись къ лѣсному дѣлу, онъ, полуграмотный мужикъ, лѣтъ двадцать назадъ чуть ли не первый въ этомъ районѣ поставилъ, вѣдѣ заведеніемъ желѣзной дороги, маленькую лѣсопильню, давшую ему сразу значительный доходъ, и съ тѣхъ поръ, бросивъ окончательно землю, повелъ лѣсное дѣло, сводя бывшіе

помощичьи лѣса тысячами десятинъ. Выколачивая копейку вездѣ, гдѣ можно, онъ ставилъ самыя суровыя требованія своимъ рабочимъ и платилъ чуть ли не ниже всѣхъ сосѣдей; однако же никто никогда не могъ сказать про него ничего прямо неблаговиднаго, а строгая точность его расчетовъ и добросовѣстная торговля изъ харчеваго амбара была извѣстна на 100 верстъ кругомъ. Онъ былъ настолько уменъ, что ему незачѣмъ было прибѣгать къ мелкимъ мошенничествамъ. Оказывая помощь и дѣлая разныя поблажки своимъ односельцамъ, онъ даже приобрѣлъ лѣстливую его самолюбію славу „благодѣтеля“, а вмѣстѣ съ тѣмъ обезопасилъ и свою усадьбу, востроенную рядомъ съ родной деревней, отъ краснаго шѣтука. Сохранивъ наружность простаго мужика, въ смазныхъ сапогахъ и простомъ, хотя тонкаго сукна, кафтанѣ, онъ и до сихъ поръ, несмотря на свое богатство, являлся ко всѣмъ „господамъ“ не иначе, какъ съ задняго хода, и терпѣливо дожидался пріема въ передней. Тихимъ, ласковымъ голосомъ, съ самымъ смиреннымъ видомъ, очень рѣдко поднимая глава, которыми онъ всегда какъ будто бы внимательно разсматривалъ какую-нибудь пуговицу на груди своего собесѣдника, Бабиковъ, будучи въ хорешемъ настроеніи, отпускалъ такія мѣткія и звѣзды словечки, давалъ разнымъ мѣстнымъ тузамъ такія характеристики, которыя на много лѣтъ становились кличкой, неотъемлемымъ эпитетомъ.

Завусивъ и выпивъ по двѣ чашки чаю, мы съ Яковомъ Аванасьевичемъ пошли на заводъ. Одинъ изъ лѣсопильныхъ станковъ былъ разобранъ въ ожиданіи моего пріѣзда; два другіе исправно работали. Изъ двухъ котловъ работалъ одинъ, а другой былъ охлажденъ для ремонта. Произведя подробный осмотръ всѣмъ попорченнымъ частямъ, я далъ кое-какую работу слесарю и кочегару, а самъ присѣлъ въ сторонкѣ, приглядываясь отъ малознакомой мнѣ работѣ лѣсопильни. Хозяина зачѣмъ-то отозвали въ контору, и я, къ величайшему своему удовольствію, могъ свободно заняться наблюденіями.

Весь заводъ представлялъ собою легкій, длинный сарай безъ потолка и пола. Двое широко распахнутыхъ воротъ на его концахъ открывали видъ на обѣ стороны пристани. Температура помѣщенія не разнилась отъ наружной ни на полградуса. Вдоль сарая шли двѣ пары легкихъ рельсовъ, со-

ставлявшихъ продолженіе рельсоваго пути, тянувшася вдоль всей пристани. По этимъ путямъ на платформахъ съ одной стороны подвозились массивные бряжи; эти бряжи въ сараѣ перекладывались на особыя тележки, на которыя тоже по рельсамъ бряжи подавали въ рамѣ. Въ каждой рамѣ вертикально внизъ и вверхъ ходили огромныя пилы. Крепко захватывала машина бряжъ двумя зубуренными по окружности валами и подвигала его къ пиламъ. Съ рѣзкимъ шипѣніемъ въбдались острые зубья въ свѣжую, сырую древесину, а за раму бряжъ выходилъ уже либо въ видѣ бруса, либо въ видѣ нѣсколькихъ досокъ; края досокъ опиливались на рядомъ стоящей круглой пилѣ и, совсѣмъ готовые, доски перекладывались на передвижныя платформы, вывозились изъ сарая въ другія ворота и складывались въ штабеля, ожидая отвоза на станцію желѣзной одороги.

Я невольно вспомнилъ свою фабрику. Какая разница! Какая сложность производства тамъ и такая простота здѣсь! Да и въ одной ли сложности дѣло? Все различно, все противно положно. Тамъ люди страдаютъ отъ духоты, — здѣсь они въ хорошіе морозы вѣченѣютъ при работѣ отъ холода. Тамъ ослабленіе мышцъ отъ недостатка физической работы; — здѣсь непосильный трудъ свалки и навалки бряжей огромной тяжести. Не увидишь здѣсь ткачихъ и банеброшницъ съ ихъ впалыми щеками и тонкими, быстрыми пальцами, — здѣсь работаютъ только здоровые на подборъ мужики съ обвѣтренными, красными отъ мороза лицами, въ полушубкахъ и валенкахъ, съ заскорузлыми, мозолистыми, трудно разгибающимися кистями рукъ.

Для полноты сопоставленія мнѣ хотѣлось посмотрѣть, какъ живутъ эти, такъ непохожіе на фабричныхъ, рабочіе. Я вышелъ изъ завода и, пройдя въ конецъ заводскаго двора, на краю лѣса увидѣлъ большую избу. Подойдя къ зданію, я прежде всего былъ пораженъ массой смерзлыхъ помой и всякаго рода грязи, окружавшей крыльцо. Отсутствіе одной изъ необходимѣйшихъ принадлежностей человѣческаго жилья объяснило въ значительной степени ея происхожденіе.

Я отворилъ одиночную дверь. Снѣгъ не было; и, перешагнувъ порогъ, я очутился сразу въ жиломъ помѣщеніи. Налѣво, у самыхъ дверей помѣщалась облѣзлая, облупив-

шаяся, потёмнёвшая отъ дыму, русская печь; направо — небольшой столъ со скамейками. Почти все остальное пространство было занято двухъярусными нарами. Почернѣвшая, грязная, частью совсѣмъ голая, частью покрытая какими-то блинообразными лѣсничками, эти нары представляли собою что-то ужасное. Одинъ сѣнникъ линочѣй ситцевой занавѣской отдѣлялся отъ другихъ; онъ предназначался для стражки. Обледенѣлая сѣна и грязь, намерзшая на полу, показывали, что люди живутъ здѣсь въ постоянномъ холодѣ. Тяжелая, удушливая, холодная сырость мѣшала дышать. На нарахъ въ различныхъ позахъ спали и лежали челоуѣкъ, 12. Это были рабочіе ночной смѣны изъ дальнихъ деревень. По буднямъ они не могли ходить домой; они спали въ той же избѣ, гдѣ на ночь смѣняли ихъ работающіе днемъ люди. Я спросилъ ихъ о заработкѣ. Они получали зимой отъ 8-ми до 12-ти руб. въ мѣсяцъ, лѣтомъ — по 13—14 руб. на свои же харчакъ. Перекинувшись съ ними еще нѣсколькими словами, я вернулся на заводъ, гдѣ проработалъ до вечера.

И вотъ опять мы съ Бабиковымъ сидимъ за тѣмъ же столомъ, за сытнымъ и жирнымъ ужиномъ. Яковъ Анасѣевичъ въ веселомъ настроеніи; такъ какъ я увѣрилъ его, что паровой котель требуетъ лишь небольшой починки, за попортившіяся части стаяка можно ремонтировать въ механической мастерской фабрики. Поговоривъ потомъ о семь, я навозу бесѣду на интересующую меня тему и спрашиваю хозяина, по сколько онъ платитъ рабочимъ. Онъ повторилъ мнѣ тѣ же цифры, которыя я узналъ днемъ. Я дѣлаю видъ, что въ первый разъ ихъ слышу и изумляюсь дешевизнѣ рабочихъ.

— Ну, полно, золотой мой; ну, какая же тутъ дешевизна! Въдѣ не мастера, какіе рони, — простые мужики. Чего же имъ еще! И такъ-то они довольны! Вотъ возчикамъ я нынче прибавилъ по гривеннѣду за путину, — нельзя не прибавить, потому весь дорокъ, — а своего нынче не уродило; такъ ужъ теперь прикупать стали. Ну, а лошаденки-то у нихъ слабенькія, — безъ говса и воя не поднимаютъ. Совсѣмъ плохія лошаденки. А рабочимъ-то не изъ чего прибавлять барышнѣ-то унасъ нынче, сами знаете, каковы...
— Эта своеобразная экономическая политика, ставящая инте-

ресы лошадиного желудка на болѣе видное мѣсто, чѣмъ интересы рабочаго, и забавляетъ, и сердитъ меня въ одно и тоже время. Я спрашиваю Якова Аванасьевича, какъ полагаетъ онъ, довольны ли его рабочіе жильемъ?

— А чѣмъ же не жилье? Жиле какъ жилье! Мужичье:

— Да вѣдь у васъ тамъ холодъ, вонь, тѣснота, а кругомъ грязь такая, что не пройдешь.

— Тѣснота! Ахъ, золотой мой, да тѣснота-то грѣбеть! А коли пахнетъ, такъ вѣдь жильемъ пахнетъ-то! И не любить нашъ мужикъ, коли не пахнетъ жильемъ! Ужъ кто къ чему привыкъ...

Я выражаю сомнѣніе, чтобы пристрастіе къ тѣснотѣ и грязи по существу соответствовало вкусу нашего мужика, но любезный хозяинъ тѣмъ же ровнымъ и сладкимъ голосомъ, упорно устремляя взглядъ то на мой галстукъ, то на часовую цѣпочку, но никогда не глядя въ глаза, повторяетъ на тысячу ладовъ однѣ и тѣ же фразы о пристрастіи его рабочихъ къ тѣснотѣ и вони. Понемногу это начинаетъ меня раздражать. Наконецъ, я не выдерживаю. У меня прорывается замѣчаніе, что потому его рабочій и тѣсноту любитъ, что онъ, хозяинъ, жалѣетъ потратиться на постройку хорошей казармы.

— А что подѣлаешь, дорогой мой Федоръ Павловичъ, жалѣю я, дѣйствительно жалѣю; удовольствіе — то я мужичкамъ своимъ новой казармой большого не сдѣлалъ — бы, а въ копѣечку она вскочила бы! А денежка, извѣстно, счетъ любить.

— Полноте, Яковъ Аванасьевичъ, вѣдь всѣ мы знаемъ, что вы больше 600 тысячъ съ этими-то рабочими нажили, такъ можно-бы раззориться на пару тысячъ на жилье для нихъ!

— И полно, полно, золотой мой! И кто это только болтаетъ? кто считалъ деньги-то въ чужомъ карманѣ? И откуда нажить ихъ, шестьсотъ-то тысячъ!

Произнося эти слова, Бабиковъ понизилъ голосъ до шопота, замахалъ какъ-то одними пальцами, протянувъ впередъ руки, точно хотѣлъ оттолкнуть отъ себя иссущающій призракъ богатства.

— Ну, что вы мнѣ говорите! Живучи здѣсь четвертый

годъ, вѣдь я прекрасно знаю, что вы рубль на рубль наживаете!

— Ну, Ѳедоръ Павловичъ, это ужъ вы напрасно; барыши наши нынче совсѣмъ пустые. Вотъ за этотъ-то лѣсъ вѣдь я по 500 р. за десятину заплатилъ!—какъ-то строго и серьезно заговорилъ хозяинъ, не любившій, когда кто-нибудь заговаривалъ о его барышахъ.

Промелькнуло неловкое молчаніе, но черезъ минуту, какъ бы спохватившись, Яковъ Аванасьевичъ свернулъ на прежній ласковый тонъ:

— Полно вамъ, золотой мой, гдѣ ужъ намъ рубль на рубль наживать! Мы люди маленькіе!—Бабиковъ съ выраженіемъ добродушнаго упрека покачалъ головой и чуть ли не первый разъ вскинулъ теперь на меня свои сѣрые, острые глазки съ узкимъ разрѣзомъ. Затаенная усмѣшка дрогнула въ углахъ его губъ, и онъ ласковѣе прежняго со вздохомъ обронилъ:— Шутка сказать—рубль на рубль! Нѣтъ, намъ бы ужъ хоть копѣчку на копѣчку!..

Черезъ часъ хозяинъ пожелалъ мнѣ спокойной ночи и, предоставивъ въ мое распоряженіе ту единственную чистую комнатку, въ которой мы ужинали, отправился спать въ контору на какой-то изодранный диванчикъ.

Мнѣ не спалось. Я накинулъ шубу и вышелъ на улицу. Еще похолодало. Темное небо уходило въ бездонную глубину. Полный мѣсяцъ обливалъ холоднымъ зимнимъ свѣтомъ всю пристань.

Мертвенная тишина царила надъ унылымъ пространствомъ порубки и недвижимо поднимались надъ ней тутъ и тамъ силуеты тощихъ, почти безъ вѣтвей, оставленныхъ на корню елокъ. А со стороны завода рѣзкимъ диссонансомъ неслось острое шипѣніе пилъ: жигъ, жигъ, жигъ... И нанятые за гроши два десятка людей, среди ночной стужи, непрерывно, безостановочно и неуклонно, не теряя даромъ ни минуты, продолжали ту же работу накопленія „копѣчку на копѣчку“.

Жарко и душно. Заныленные и усталые, съ ружьями на спиной и съ тремя вальдшнепами въ ягдташахъ, мы съ нашимъ механикомъ вялой походкой идемъ по лѣсной дорогѣ. Собака, понуря голову и высуня языкъ, плетется сбоку.

— Вѣдь этакая глупость! Точно мало того, что цѣлую недѣлю съ пѣтухами встаешь! Дернула нелегкая еще и въ воскресенье въ четыре часа подняться! И зачѣмъ? Зачѣмъ, что бы тащиться чертъ знаетъ куда, измотаться хуже этого пса и, якобы для удовольствія, убить трехъ вальдшнеповъ на два ружья! Не угодно ли—по полторы птички на охотника! Нѣтъ-съ ужъ, слуга покорный! Въ этихъ несчастныхъ Владимірскихъ лѣсахъ я больше охотиться не буду! Все по-вырублено, все сведено и на каждую птицу по два охотника. Вспомнишь тутъ нашу Вятскую губернію!

— Не зарекайтесь! Знаете, говорятъ, что пить зарекаются только пьяницы.

— Нѣтъ, калачемъ меня въ лѣсъ не заманишь, вотъ увидите!

Мы молча прошли сотни двѣ сажень и вышли на опушку, откуда, съ холма, была видна вся фабрика. Дальше приходилось идти версты двѣ по открытому полю.

— Ну, что хотите, пусть тамъ нашъ обѣдъ перепрѣтъ, пусть меня потомъ Матрена цѣлую недѣлю пилить, а я дальше ни шагу! Надо же вздохнуть, прежде чѣмъ по такому солнцепеку жариться!

И не успѣлъ я сказать двухъ словъ, какъ Петръ Васильевичъ перепрыгнулъ черезъ придорожную канаву и, однимъ жестомъ скинувъ на траву двустволку и всю охотничью амуницію, съ наслажденіемъ растянулся въ тѣни молодыхъ березокъ. Пробормотавъ больше по долгу, чѣмъ по чувству, нѣсколько словъ о томъ, что слѣдовало бы быть дома къ назначенному часу, я опустил на землю подлѣ моего товарища по оружію.

— Ну, вы, эстетикъ! Спасибо мнѣ скажите, что я васъ заставилъ здѣсь присѣсть! Смотрите, видъ - то какой! Вся

фабрика какъ на ладони. Картина! Только бы трубы снять, онѣ всякій пейзажъ испортятъ! Есть что-то, знаете, жестокое, кричащее въ ихъ вертикальныхъ, точно воткнутыхъ въ небо контурахъ. А остальное все совсѣмъ ничего. Эти красные корпуса на фонѣ зеленаго дуга прямо-таки красивымъ пятномъ выдѣляются, право! А маленькіе домики просто тонуть въ зелени. И рѣка эта вьется. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ недурно: Дыму въ праздникъ нѣтъ, шуму тоже. Точно замеръ цащъ муравейникъ.

И подумать, что здѣсь до 8,000 народа живетъ! Этакая машинища, такое богатство! И посмотрите, какая экономія пространства достигается этой концентраціей жизни. Вѣдь если бы такую массу народа въ русской деревнѣ поселить, она версты на двѣнадцать раскинулась бы; а тутъ какая въ сущности небольшая площадь и подъ поселеніемъ, и подъ фабрикой. Положительно рано или поздно и земледѣльцы, чтобы экономизировать землю, будутъ въ такихъ же поселкахъ изъ огромныхъ казармъ селиться.

Я разсмѣлся.

— Ну, Петръ Васильевичъ, по жарѣ вы неудачно философствуете.

— А почему же вы думаете, что это неудачная мысль?

— Мысль?! Ну ужь если вамъ, въ вашемъ преклоненіи передъ фабрикой, угодно назвать это „мыслью“, то я вамъ напомню, что эта экономизація земли совершается путемъ переселенія челоѵка изъ жилища, построеннаго сообразно его личнымъ потребностямъ и вкусамъ, въ казарму, а вѣдь изъ казармы-то русскій челоѵкъ всегда бѣжать норовитъ.

— Ну, вы все по старому страшныхъ словечекъ боитесь. Казарма, да казарма! А не думаете вы, что эта казарма все-таки во много разъ благоустроеннѣе деревенской избы?

— А, почему же рабочіе съ такой охотой отъ этого благоустройства при первой возможности въ отдѣльные домики идутъ?

— По глупой привычкѣ!

— Ну, да вѣдь это же не отвѣтъ!

— А почему же не отвѣтъ? Спросите рабочаго; или не объясните вамъ, почему онъ не любитъ казарму?

— Напрасно вы так думаете, прекрасно объяснить!

— А вы спрашивали?

— Да, и очень много раз.

— Когда же это?

— Да хоть бы прошлое лето, когда я воданбе отопление устраивал. Мнѣ тогда вѣдь приходилось цѣлые часы въ казармахъ проводить.

— Ну, не знаю. Я съ вами несогласенъ, а диспутировать теперь не хочу, лѣтниво произнесъ Петръ Василевичъ; его запальчивость, должно-быть подъ вліяніемъ жары июльскаго полдня, быстро ослабѣла.

Я тоже замолчалъ. Всматриваясь издали послѣ этого діалога въ очертанія каждой изъ трехъ огромныхъ фабричныхъ казармъ, въ которыхъ размѣщалась половина всѣхъ нашихъ рабочихъ, я уже не видѣлъ въ нихъ „красиваго пятна на зеленомъ фонѣ дуга“, восхищавшаго моего собесѣдника. Передо мною въ видѣ отрывочныхъ сценъ и воспоминаній вставала теперь та своеобразная жизнь, которую мнѣ пришлось наблюдать въ этихъ огромныхъ домахъ. Ясно припомнилось то удручающее чувство томительнаго однообразія, которое охватило меня, когда я, уже давно, въ первый разъ попалъ въ „жилые корпуса“. Всѣ три они были выстроены по одному шаблону, причѣмъ каждый изъ четырехъ этажей зданія является точнымъ воспроизведеніемъ другаго: длинный корридоръ, и съ той и съ другой стороны его, отдѣленные другъ отъ друга тонкими перегородками, тянутся „коморки“; каждая комнатка имѣетъ полторы сажени въ ширину, по длинѣ корридора, восемь съ половиной аршинъ длины отъ двери къ окошку, и пять аршинъ высоты. Точно высчитано, что такая каморка имѣетъ четыре и четырнадцать сотыхъ кубической сажени вмѣстимости, следовательно, по обязательнымъ постановленіямъ, свободно можетъ вмѣстить четырехъ рабочихъ. „По кубу на человѣка!“ — какъ говаривалъ, отчеканивая каждое слово, владѣлецъ фабрики. Нашъ бухгалтеръ, помнившій старинныя времена, увѣрялъ даже, что въ такомъ помѣщеніи прежде могло бы жить и по восьми человѣкъ, такъ какъ при прежней, 24-хъ-часовой работѣ фабрики, дневные рабочіе смѣняли ночныхъ, и въ одно время въ комнатѣ никогда не скоплялось бы больше, чѣмъ по одному

человѣку на зубическую сажень. И въ матрацахъ получалась экономія: приходящій съ работы ложился бы на тотъ матраць, съ котораго только-что всталъ его смѣнщикъ. Но надъ этимъ расчетомъ хозяинъ только подсмѣивался, говоря, что на этомъ „ужь пусть другіе выгадываютъ“, а онъ желаетъ „дать рабочимъ приличное жилище“.

И дѣйствительно, наши жилища сравнительно были недурны. Они имѣли прекрасную вентиляцію и различныя удобства. Администрація фабрики не скупилась дѣлать кое-какія затраты для поддержанія порядка: бѣлили ихъ разъ въ годъ; длинные корридоры, кухни, лѣстницы всегда усиленно подметались и содержались въ чистотѣ. Но все-же каждый разъ, когда я входилъ въ эти зданія, мнѣ казалось, что на меня повѣяло не-то солдатчиной, не-то тюрьмой. Однообразіе полное. Въ каждомъ этажѣ корридоръ въ сорокъ пять сажень. Съ одной стороны—тридцать каморокъ, а съ другой—только двадцать, такъ какъ значительная часть этой стѣны занята въ каждомъ концѣ корридора лѣстницами и тѣми помѣщеніями, которыхъ обыкновенно не называютъ; а посрединѣ къ главному зданію примыкаетъ особая пристройка, въ центрѣ которой помѣщается огромная печь, нагреваемая центральной топкой. Въ этой печи въ два яруса расположены особыя печурки, сегомъ по двадцати пяти, по одной на двѣ коморки. Здѣсь бабы готовятъ пищу. Въ каждой коморкѣ у двери направо и налево—двѣ кровати; передъ окномъ—столъ и четыре табуретки. Я думаю, что не будь нумеровъ на дверяхъ, сами жильцы могли бы перепутать свои квартиры, до такой степени тождественны другъ съ другомъ каждая изъ пятидесяти коморокъ. Каждаго изъ четырехъ этажей во всѣхъ трехъ корпусахъ. Разнообразіе только въ подробностяхъ. Тамъ, гдѣ живутъ однѣ женщины, почище; гдѣ есть дѣти—стоитъ или виситъ зыбка; окончателно стѣсныя небольшое свободное пространство, остающееся въ коморкѣ. Въ квартирахъ прядильщиковъ, заработокъ которыхъ побольше, попадаются занавѣски на окнахъ, иногда три—четыре горшка растений. По дешевымъ лубочнымъ или сытинскимъ картинамъ, покрывающимъ стѣны, можно судить объ эстетическихъ и умственныхъ вкусахъ обитателей. Иногда комнатка увѣшана религіозными изображеніями, иногда встрѣчаются нравоучительныя картины въ родѣ:

„пословиць въ картинахъ“ или извѣстныхъ „ступеней жизни“. Этотъ плодъ фантазіи художника-философа съ Никольской улицы почему-то пользуется особой популярностью. На этой странной картинѣ изображена сѣрая двускатная лѣстница, съ одной стороны которой, поднимаясь со ступеньки на ступеньку, младенецъ послѣдовательно превращается въ мальчика, въ юношу и въ мужчину въ цилиндрѣ съ глупымъ лицомъ; а съ другой стороны этотъ же мужчина, сходя съ лѣстницы, доходитъ до гроба, помѣщеннаго въ правомъ нижнемъ углу рисунка. Эта плоская литографія положительно намозолила мнѣ глаза и многое другое. Совсѣмъ безъ картинъ дѣло обходится рѣдко. Когда комнатка занята одной семьей, то кровати обыкновенно открыты. Но чаще всего въ комнатѣ живутъ двѣ семьи, двѣ супружескія пары. Тогда кровати обнесены легкими занавѣсками. Мнѣ почему-то чаще всего бросались въ глаза красныя занавѣски съ какими-то странными крапчатыми рисунками. Въ первое время, когда я входилъ въ такія каморки, гдѣ квартировало по двѣ семьи, меня всегда удивляло спокойное отношеніе квартирантовъ къ этой необходимости быть всегда бокъ-о-бокъ, въ какомъ-нибудь аршинѣ разстоянія отъ чужой семьи. На мои вопросы о томъ, не чувствуется ли какихъ-нибудь неудобствъ отъ такого тѣснаго сожительства, мужики обыкновенно отвѣчали: „Ничего, вотъ развѣ бабы другой разъ повздорять“; или: „Что же, батюшка, мы свои, изъ одной деревни“.

— А прежде-то какъ жили!— прибавляли иной разъ старики, — коморокъ-то и въ поминѣ не было, а такъ, прямо на нарахъ всѣ въ рядъ спали.

— Такъ теперь лучше?

— Ну, какъ же можно! Конечно лучше!

Да, теперь, по крайней мѣрѣ въ Средней и Западной Россіи, отошли уже въ область преданій эти общія казармы, гдѣ на сплошныхъ нарахъ, даже безъ перегородокъ, спали вперемѣжку мужики, бабы, дѣти, дѣвушки. Мы, молодые техники, не застали уже того времени, когда такія жилища для рабочихъ были зауряднымъ явленіемъ. Но довольно побывать и въ современныхъ общихъ спальняхъ, чтобы представить себѣ эту картину добраго стараго времени. Хотя помѣщенія теперь и дѣлятся по полу и возрасту рабочихъ, хотя о чистотѣ и вентиляціи ихъ заботится значительная часть хозя-

евъ, но все-же самый типъ „общей казармы“, которую, пожалуй, правильнѣе было бы назвать общимъ вагономъ, остался неприкосновеннымъ. Большая, иногда прямо даже огромная комната. Глядя по ширинѣ, въ одинъ или два ряда тянется вдоль, почти отъ стѣны до стѣны, сплошной помостъ, поднятый вершковъ на двѣнадцать отъ пола въ шесть аршинъ ширины. Помостъ, устроенный вродѣ плоской крыши, и его продольная ось вершка на четыре выше краевъ. Это нары. На такихъ нарахъ сплошь, одинъ подлѣ другаго, лежатъ обыкновенно грязные мѣшки, набитые соломой, и на нихъ, иной разъ даже безъ подушекъ, спать въ два ряда, головой къ головѣ, люди. Въ этомъ „жиломъ помѣщеніи“ нѣтъ ни стола, ни стула. Присѣсть, отдохнуть, прочитать что-нибудь въ этой комнатѣ очевидно не полагается. День—работа на фабрикѣ; ночь—спанье на общихъ нарахъ; въ промежутокъ между сномъ и работою—ѣда въ общихъ столовыхъ. Какъ-то въ началѣ своей технической карьеры я выразилъ директору мнѣніе, что хорошо было бы столярамъ приказать надѣлать для общихъ казармъ столовъ и табуретокъ.

— Да гдѣ же вы ихъ поставите?

— Да въ такихъ огромныхъ залахъ найдется же мѣсто.

— А посчитайте. Каждая спальня строго рассчитана ровно по одному кубу на человѣка. Высота пять аршинъ, значитъ площадь пола на каждого приходится по пяти и четыре десятыхъ кв. арш. на человѣка; три арш. подъ спальное мѣсто; остается два и четыре десятыхъ кв. арш. свободного пола на человѣка,—тутъ не разгуляешься, негдѣ столы да стулья разставлять.

Да, дѣйствительно, тамъ, гдѣ приходится „ровно по одному кубу на человѣка“, не разгуляешься.

По первому взгляду можетъ показаться, что наши рабочіе довольно равнодушны къ тому вынужденному, постоянному и тѣсному сосѣдству, въ которомъ имъ приходится жить на фабрикѣ съ чужими людьми и въ общей спальнѣ, и въ коморкѣ. Только случай помогъ мнѣ выяснитъ ихъ истинное отношеніе къ этому вопросу. Надо сказать, что при расширеніи прядильнаго отдѣленія, когда возникъ вопросъ о необходимости возведенія новыхъ жилыхъ зданій, директоръ рѣшилъ попробовать постройку нѣсколькихъ типовъ квартир-

ныхъ домовъ, и между прочимъ было выстроено десятка полтора простыхъ, маленькихъ зданій, раздѣленныхъ каждое на двѣ части; каждая же часть дома представляла собою подобіе простой крестьянской избы и изба эта предназначалась для одной семьи. Надо было видѣть, сколько желающихъ явилось на эти квартиры, съ какимъ нетерпѣніемъ ждали окончанія постройки тѣ счастливы, кому они были обѣщаны! За помещеніе въ коморкѣ съ cadaго живущаго вычиталось у насъ по четвертаку въ мѣсяцъ. Плата эта, конечно, небольшая, и на другихъ фабрикахъ берутъ нерѣдко значительно больше — 1 р., 1 руб. 25 коп.; но наши рабочіе готовы были платить вдвое и даже больше, только бы имъ попасть въ „новые домики“. Чтобы избѣжать безконечныхъ просьбъ и претензій, рѣшено было отдать новые дома либо очень давно живущимъ, либо привилегированнымъ рабочимъ. Планъ же широкаго распространенія такихъ построекъ оставленъ, такъ какъ оказалось, что на cadaго живущаго постройка ихъ обходится процентовъ на сорокъ дороже, чѣмъ постройка обыкновенныхъ казармъ.

Вскорѣ послѣ этого эпизода мнѣ, какъ я уже упоминалъ, пришлось производить въ казармахъ работы по отопленію. Какъ-то при случаѣ я спросилъ столпившихся у печи бабъ, почему всѣ они такъ кинулись на новые домики.

— Да всѣмъ туда попасть охота, вотъ и кинулись! — отвѣтила за всѣхъ одна бойкая ткачиха: — тамъ свобода, каждый самъ по себѣ, а тутъ-то, прости Господи, плюнуть нельзя, чтобы всѣ не знали! Мало ли что промежъ мужемъ и женой бываетъ, а тутъ слова нельзя сказать: сейчасъ и узнаютъ тѣ, что въ той же комнатѣ живутъ, подхватятъ да по всему корридору и разнесутъ!

— Не слушайте вы ее, Федоръ Павловичъ, — вкрадчивымъ, льстивымъ голосомъ заговорила какая-то старуха, — всѣмъ мы тутъ недовольны, и нечего жаловаться. Это на той недѣлѣ мужъ ее прибилъ, а другіе узнали, такъ вотъ ей и обидно!

— Ишь, что вретъ старая! Самоѣ-то ужъ бить некому, такъ ей и завидно! — и, съ сердцемъ бросивши заслодку отъ печурки, молодая баба схватила свой горючокъ и сѣшно ушла.

Свидѣтелемъ этой сцены былъ слесарь Красновъ, человѣкъ толковый и наблюдательный. Свертывая съ подручнымъ паровня трубы, онъ не проронилъ ни одного слова, и лишь когда все разошлись, стоя на колѣняхъ и не отрываясь отъ работы, медленно процѣдилъ сквозь зубы:

— Не любятъ этихъ казармъ бабы.

— Почему?—спросилъ я его.

Онъ, казалось, только и ждалъ моего вопроса.

— Да потому самому, что онѣ вамъ объяснили. Да и что тутъ любить-то! Нѣтъ, Федоръ Павловичъ, вотъ какъ жилъ я машинистомъ на стеклянномъ заводѣ, такъ тамъ у насъ для рабочихъ славныя квартиры были.

Я, зная жилища стеклянныхъ заводовъ до сихъ поръ только по описаніямъ, поинтересовался услышать о нихъ мнѣніе бывалаго слесаря.

— Хорошо тамъ. Цѣлая слобода. Все избы, вотъ какъ у насъ новыя домики, только попросторнѣе. Которая изба пятистѣнная—на двѣ семьи; обыкновенная — на одну. И при всякой избѣ разное удобство: и тебѣ хлѣвъ, и тебѣ огородикъ; въ лѣсу рабочимъ покосы даютъ на себя расчищать, пастбище отводить. Каждый, смотришь, и коровку держать, и тамъ свиней парочку, куръ. А вѣдь коли это все свое есть, такъ для рабочаго человѣка это много значить.

Онъ замолчалъ, съ усиліемъ нагоняя на трубу мѣфту на рѣзъбѣ, послѣ чего всталъ, выпрямилъ спину и, встряхнувъ волосами, продолжалъ:

— И почему бы нашей фабрикѣ такихъ избъ не строить? Положимъ, онѣ много мѣста занимаютъ, да вѣдь у ховяевъ у нашихъ болѣе 15,000 десятинъ земли. Есть гдѣ разстроиться. Если же великъ очень городъ выйдетъ, такъ можно бы, — какъ въ Польнѣ гдѣ-то, говорятъ, есть, — конки построить. Положимъ, оно подороже будетъ, такъ вѣдь и платили бы рабочіе съ охотой подороже. За-то и хорошо было бы! А то теперь что? На видъ-то форсисто: и полъ асфальтовый, и вентиляціи всякія, да рабочаго этимъ не прельстишь. Одно слово—казарма!

Да, казарма. Говорятъ, иностранцы, особенно французы, которымъ случалось познакомиться съ бытомъ русскаго рабочаго, находятъ наши огромныя жилыя дома похожими на

тюрьмы. Индивидуалисты по природѣ, они рѣзко осуждаютъ эти казармы, находя, что то полное подчиненіе опредѣленному режиму не только во время работы, но и въ свободные часы, въ которомъ находится русскій рабочій, должно принижать его индивидуальность и крайне вредно отражаться на его достоинствахъ, какъ работника. Какъ знать, быть-можетъ они и правы. Надо вѣдь въ самомъ дѣлѣ представить полную картину казарменной жизни, чтобы оцѣнить возможную силу ея вліянія на рабочаго, наприимѣръ, на нашей фабрикѣ. Двѣ тысячи четыреста человѣкъ помѣщаются въ комнатахъ, похожихъ одна на другую, какъ двѣ капли воды. Всѣ они прислушиваются къ одному и тому же гудку! Въ опредѣленный моментъ они, какъ по командѣ, встаютъ; идутъ на одну и ту же или очень схожую работу. Оставшіеся въ казармахъ бабы въ одинаковыхъ печуркахъ къ одному и тому же часу, тоже по гудку, готовятъ обѣдь; въ семь часовъ вечера всѣ 2,400 человѣкъ ждутъ одного и того же момента, къ которому одна половина людей становясь на ночную работу, смѣняютъ другую половину—дневныхъ рабочихъ; на завтра, на послѣзавтра то же и то же, и такъ изъ года въ годъ, кромѣ праздниковъ. И всегда и все на людяхъ; и всегда и все у одного такъ же, какъ у другого! Прибавьте къ этому, что комната вамъ назначается по усмотрѣнію зрителя казармъ, что во всякое время онъ изъ одной каморки можетъ васъ переселить въ другую, а каждую Пасху и Покровъ, вмѣстѣ съ окончаніемъ обычнаго срока найма и передъ заключеніемъ договора на новый періодъ,—и совсѣмъ лишитъ квартиры, и вы вспомните восклицаніе Краснова: „Одно слово—казарма!“...

— Что же, Федоръ Павловичъ, сколько тутъ ни лежи, а обѣдать надо!—прервалъ мои воспоминанія и размышленія мой сотоварищъ.—Поднимайтесь-ка! Смотрите, вонъ какой-то вашъ твачъ тоже съ охоты идетъ. Онъ счастливѣе насъ, сколько наколотилъ!

Я узналъ старика-твача Касьянова, надъ страстью котораго къ охотѣ всегда подтрунивали всѣ товарищи. Мы подождали, пока онъ подошелъ къ намъ.

— Гдѣ ты столько дичи набралъ, Касьяновъ?

Онъ улыбнулся.

— Въ Григоровскомъ лѣсу былъ разбойникъ! Да вѣдь тебѣ тамъ лѣсникъ когда-нибудь шею накомыляетъ!

— Григоровскій лѣсъ составлялъ часть сосѣдняго съ фабрикой большого имѣнія, гдѣ охота была запрещена и строго преслѣдовалась.

— Ладно, пускай-ка поймаетъ сначала, спокойно и важно протянулъ Касьяновъ, какъ то кивнувъ подбородкомъ вверху.

Мы пошли радомъ.

— А не хотите ли провѣрить на живомъ примѣрѣ ваше мнѣніе объ отношеніи рабочихъ къ фабричному жилью? — потихоньку спросилъ меня Петръ Васильевичъ полушутя, полусерьезно.

— Спрашивайте, если хотите.

— Касьяновъ, — началъ онъ, — ты женатъ?

— Женатъ.

— Жена работаетъ тоже?

— Какъ же, работаетъ; на банбросахъ.

— Ты гдѣ же живешь?

— А во второмъ корпусѣ.

— Чтò же, хорошо въ этихъ казармахъ жить, удобно?

— Ничего.

— Не тѣсно?

— Нѣтъ, не тѣсно.

— Ну, а жена твоя съ сосѣдками не бранится?

— Нѣтъ, чего же браниться.

— И не ссорятся онѣ изъ за посуды, изъ за печей?

— Нѣтъ, не ссорятся!

Такой разговоръ продолжался довольно долгое время, пока я не вмѣшался и не спросилъ прямо, гдѣ лучше — въ большихъ казармахъ или въ маленькихъ домикахъ.

Касьяновъ даже разсмѣялся.

— И чтò только спрашиваете! Въ казармѣ-то мы все равно вотъ какъ дичь у меня въ мѣшкѣ набилась, а въ новыхъ-то домахъ — тамъ раздолье.

Мы молчали.

— Нѣтъ, только все это ничего; жить можно! А вотъ жильё я годовъ девять тому назадъ у нѣмца одного въ Москвѣ---

вотъ такъ квартиры были! Тамъ на ручныхъ станахъ работали, да тутъ же, значитъ, наверху на стану и спали; все равно, какъ птицы на деревѣ гнѣзда вьютъ, такъ и мы на станахъ свои гнѣзда устраивали!

— Въ самой ткацкой, въ рабочемъ помѣщеніи? —

— Само-собой тутъ же. Ну, да на ручныхъ-то станахъ такъ зачастую спать а только у нѣмца-то у этого въ двѣ смѣны работали, то-есть я силу, а смѣнщикъ-то мой тутъ же внизу на стану колотить челнокомъ: тукъ, да тукъ. А станъ-то такъ и дергаеть. А придетъ ночь, я за станъ, а тотъ-то, что работаль, наверхъ лѣзеть спать. Станъ-то широкій, такъ надъ нимъ, посрединѣ у меня керосиновая лампа особая горить, да смѣнщика-то моего такъ и поджариваетъ. Вотъ эта такъ жизньъ была! Какъ къ Пасхѣ-то я домой пошелъ, такъ у меня все бога точно отбиты были, потому ни одинъ сутки спокойно не поспаль за зиму — все на стану-то дукъ да тукъ. Нонче, говорятъ, что это ужъ выводится! Ну, и слава Богу!

— Въ воротахъ мы простились съ Касьяновымъ, да въ воскресенье на крыльцо Петра Васильевича, съ которымъ мы по праздникамъ по очереди другъ у друга обѣдали, чтобы дважды въ мѣсяцъ дать отдыхъ прислугѣ, мы услышали несущійся изъ кухни озлобленный голосъ кухарки Магренки:

— Ишь лихъя по болотамъ носить! Сказали, чтобы къ часу готово было, а теперь три! Пирогъ-то въ щепку засунула! —

— Такъ можно, Дмитрій Петровичъ, завтра у васъ по-

бывать? — спросилъ я, пожимая доктору руку.

— Завтра-то? Да вѣдь завтра, батюшка, воскресенье; завтра народу въ намъ на приемъ столько наберется, что дай Богъ къ тремъ часамъ управиться. Въ будни-то ни фабричные, ни крестьяне съ пустяками не пойдутъ; полдня рабочихъ терять никому не охота. За-то въ праздникъ иной

разъ ихъ столько привалить, что бѣда! Вы Федоръ Павловичъ, лучше бы въ будни заглянули къ намъ.

— Да вѣдь въ будни я тоже занятъ съ шести до шести.

— И то правда! Ну такъ ужъ нечего дѣлать, заходите завтра, только попозже, часа въ два, а то и въ половинѣ третьяго. Покойной ночи!

Разговоръ этотъ происходилъ въ субботу, темнымъ сентябрьскимъ вечеромъ, передъ квартирой одного изъ нашихъ техникувъ, у котораго мы заболтались съ милѣйшимъ Дмитріемъ Петровичемъ часовъ до двѣнадцати ночи.

На фабрикѣ два доктора: одинъ хирургъ и одинъ специалистъ по внутреннимъ болѣзнямъ—Дмитрій Петровичъ Смирновъ. Хирурга пригласили только года два тому назадъ. Прежде на серьезные операціи вызывали специалиста изъ города.

Смирновъ уже лѣтъ пять работаетъ на фабрикѣ; онъ обжилъ здѣсь и приобрѣлъ общія симпатіи. Кажется что онъ созданъ былъ именно для такого мѣста. До него на фабрикѣ шла непрерывная смѣна врачей, и рѣдкій уживался дольше восьми—девяти мѣсяцевъ. Непосредственные поводы ихъ „ухода“ бывали очень разнообразны, но всѣ они дѣлились въ сущности на двѣ категоріи: съ одной стороны, не выдерживали увлекающіеся врачи, которые, полагая всѣ силы свои на работу и мечтая объ идеальной постановкѣ дѣла, составляли сразу утрачающія смѣты, хотѣли въ полгода совершенно реорганизовать врачебную часть на фабрикѣ и требовали огромныхъ расходовъ на медицину и санитарію. При такихъ условіяхъ, конечно, весьма скоро являлась нѣкоторая натянутость отношеній между докторомъ и хозяиномъ, слѣдствіемъ которой былъ отъѣздъ перваго съ фабрики. Противоположность такимъ ревностнымъ докторамъ составляли врачи, шедшіе къ намъ просто какъ на спокойное и хорошо оплачиваемое мѣсто. Врачи этой категоріи не утруждали себя работой, предоставляя большую свободу фельдшерамъ, часто ѣздили въ Москву и старались, ради практики, обзавестись возможно широкимъ знакомствомъ. Директоръ, какъ умный человекъ, весьма скоро понималъ подобныхъ господъ и отдѣлывался отъ нихъ довольно безцеремонно.

Дмитрій Петровичъ не подходилъ ни къ первому, ни ко второму типу. Преданный своему дѣлу и опытный врачъ, онъ, конечно, сразу увидѣлъ, что на фабрикѣ, во дворѣ которой живетъ семь—восемь тысячъ народу, невозможно вести дѣло одному съ двумя фельдшерами, и поставилъ себѣ опредѣленную цѣль — улучшить больницу и по крайней мѣрѣ удвоить медицинскій персоналъ; но шелъ онъ къ той цѣли безъ шума, постепенно, умѣло пользуясь обстоятельствами. За пять лѣтъ работы онъ добавилъ къ старымъ постройкамъ прекрасный, возведенный по самымъ послѣднимъ образцамъ, корпусъ на сорокъ коекъ, устроилъ родильный пріютъ, пригласилъ втораго врача, фельдшерицу-акушерку и еще двухъ фельдшеровъ, а ежегодный расходъ на медицинскую часть поднялся съ семи до двадцати шести тысячъ.

Издали наша больница казалась очень привѣтливой. Она помѣщалась въ шести отдѣльныхъ домахъ; два новые были выложены изъ кирпича двухъ цвѣтовъ. Большое зданіе, известное подъ именемъ „новой больницы“, выдѣлялось своими размѣрами и красивою внѣшностью. Рядомъ съ нимъ, отдѣленная широкой полосой газона, стояла „старая больница“ — небольшое деревянное зданіе, гдѣ теперь помѣщались амбулаторія, аптека и три палаты, по 7-ми коекъ каждая. Двѣ изъ этихъ палатъ могли быть въ случаѣ эпидеміи совершенно изолированы. Это помѣщеніе палатъ для заразныхъ въ одномъ домѣ съ амбулаторіей возмущало доктора. Онъ мечталъ построить совершенно отдѣльный баракъ для эпидемической больницы, но денегъ ему на это пока еще не давали. Немного въ сторонкѣ былъ поставленъ маленькій домикъ родильнаго пріюта и подлѣ него кухня и другія службы; зданіе съ четырьмя квартирами для фельдшеровъ и стожій немного въ удаленіи, на холмѣ, посреди особаго садика домъ съ квартирами для двухъ врачей дополняли больничныи поселокъ, отдѣленный отъ остальной фабрики широкимъ пространствомъ молодой, недавно засаженной рощи. Въ прозрачномъ осеннемъ воздухѣ, подлѣ лучами сентябрьскаго солнца, эта роща играла всевозможными оттѣнками поблекшей зелени, отъ золотой липки до бурога дубка и красной осины. Строгія елочки, которыми была обсажена аллея, ведущая къ лѣчебницѣ, и темнозеленая, еще не увидшая листва сирене-

выхъ кустовъ подъ окнами, составляли красивый контрастъ въ той нарядной, яркой, блестящей осенней картинѣ; которая представилась моимъ глазамъ, какъ только я, выйдя изъ района собственно фабричныхъ зданій, миновалъ церковь.

У больницы ограды стояли двѣ мужицкія телѣги; подъ елками въ кружокъ собралось съ десятокъ больныхъ; между которыми бросались въ глаза три или четыре темно-коричневыхъ крестьянскихъ армяка. Остальные были, очевидно, фабричные. Одинъ стоялъ поодаль съ руной на перевязи. Наши рабочіе, увидавъ меня, встали и поклонились. Между ними было два ткача, оба молодые парни; старшій изъ нихъ поражалъ блѣдностью и худобою лица. Его впалая грудь и особенная, напоминающая тонкій пергаментъ, полупрозрачность кожи невольно наводили на мысль, что видишь передъ собой чахоточнаго. По ткацкой я зналъ, что Вершининъ частенько прогуливалъ рабочіе дни по болѣзни.

— Что, опять нездоровится? — спросилъ я его, приостановившись.

— Нездоровится, Федоръ Павловичъ! Хочу у доктора отнуженной билетикъ попросить. Не знаю, дастъ ли.

Перекинувшись нѣсколькими словами съ Вершининымъ, я направился къ больницѣ. На самомъ крыльцѣ стараго зданія сидѣла какая-то работница съ ребенкомъ, въ прихожей также ожидали человѣка четыре; въ самой амбулаторіи у двухъ столовъ на противоположныхъ концахъ большой комнаты сидѣли наши доктора, и передъ каждымъ изъ нихъ стояло по больному. Двое фельдшеровъ хлопотали въ соседней аптечкѣ, приготовляя лѣкарства. Я поздоровался съ врачами.

— Ну, у васъ сегодня, дѣйствительно масса народу! Уже третій часъ, а еще человѣкъ пятнадцать дожидается!

Нашъ новый врачъ только усмѣхнулся, пожимая мнѣ руку. — Это — то много? Вотъ въ часа два-назадъ посмотрѣли бы! Мы уже, думаю, близко сотни по домамъ отправили. Протолкаться здѣсь нельзя было!

— Ну, раненько пришли, батюшкамъ. Придется подождать съ полчасака, а то и побольше... Ничего не подблещетъ, я предупреждалъ... А вы тѣмъ временемъ на нашъ пріемъ

посмотрите — то же вѣдь можно иногда кое что и любопытное увидеть... Фразу за фразой кидалъ мнѣ черезъ плечо докторъ Смирновъ, продолжая въ то же время осмотръ стоявшей передъ нимъ больной.

Сейчасъ передъ Дмитріемъ Петровичемъ стояла деревенская баба, жаловавшаяся на то, что у ней „все нутро болить“; а его сотоварищъ, хирургъ по специальности, дѣлалъ перевязку слесарю, которому оторвало двѣ фаланги мизинца на лѣвой рукѣ. Рана уже поджила, и рабочій скоро могъ стать на работу. Невольный отдыхъ вмѣстѣ съ надеждой на скорый и довольно благополучный исходъ несчастія придали больному бодрый и веселый видъ, и трудно было повѣрить, глядя на него, что пять—шесть дней назадъ онъ потерпѣлъ тяжелое увѣче. Безпалаго смѣнилъ больной трахомой; за нимъ шла женщина съ тяжелымъ бронхитомъ. Старикъ съ ревматизмами сталъ передъ Смирновымъ на мѣсто бабы съ „больнымъ нутромъ“. Смѣна шла быстро и, заинтересованный картиной приѣма, я не замѣтилъ, какъ всѣ больные были уже отпущены. Послѣднимъ подошелъ къ Дмитрію Петровичу Вершинъ; онъ жаловался на кашель, на желудокъ, но больше всего—на слабость. Докторъ внимательно осмотрѣлъ его, выслушалъ, выстукалъ и задумался.

— Мнѣ бы билетикъ отпускной недѣли на три—началь больной.

Докторъ не отвѣчалъ.

— Я бы къ матери въ деревню съѣздилъ,—мать у меня около Засельщины живетъ, верстъ сорокъ отсюда.

Смирновъ все молчалъ.

— Иль нельзя, господинъ докторъ?—какимъ-то упавшимъ, робкимъ и просящимъ голосомъ снова началъ больной.—Ужь какая же мнѣ работа, пока не выправлюсь!

Въ голосѣ парня мнѣ слышались слезы.

— Зачѣмъ тебѣ въ деревню ѣхать? Здѣсь койки свободныя теперь есть, ложись въ больницу, пока не поправимъ тебя. Здѣсь развѣ плохо?

— Ни, ни Боже мой! Здѣсь очень хорошо, и вами мы ужъ очень довольны, а только все-же въ деревню бы надо, къ маменькѣ.

— Заладилъ: въ „деревню“ да въ „деревню“! Говорять тебѣ, здѣсь оставайся!

Вершинъ тоскливо опустилъ голову. Докторъ взглянулъ на него, махнулъ рукой, съ досадою схватилъ листокъ и, написавъ на немъ торопливымъ почеркомъ нѣсколько словъ, сунулъ его парню.

— Ну, неси директору. На мѣсяць прошу уволить.

Парень просіялъ, быстро сунулъ записку въ карманъ, проворно прошепталъ „благодарствуйте“, какъ-то отрывисто поклонился доктору чуть не въ поясъ и торопливо вышелъ изъ комнаты, точно боясь, что Дмитрій Петровичъ передумаетъ и потребуетъ отъ него обратно этотъ клочекъ бумаги.

— И всегда такъ! — проговорилъ, ни къ кому не обращаясь, докторъ.

— То-есть что „всегда такъ“? — спросилъ я.

— Да мы обыкновенно чахоточныхъ не кладемъ въ больницу. Мѣста на нихъ на всѣхъ не хватитъ, да и нельзя человѣка, пока онъ силъ не лишится, отъ жизни и отъ работы отрывать. А вотъ когда мѣсто есть, и можно было бы ему дать время въ порядочномъ помѣщеніи и на порядочномъ столѣ подъ врачебнымъ надзоромъ отдохнуть — онъ самъ бѣжитъ! И куда бѣжить-то? Въ деревнѣ у него теперь осенью холодъ, грязь; ѣсть Богъ знаетъ что будетъ!

— А плохъ онъ?

— Не удивлюсь, если до весны не дотянетъ.

Этотъ спокойный приговоръ врача заставляетъ меня, неспециалиста, внутренно содрогнуться отъ ужаса; а добрейшій Дмитрій Петровичъ, давно не курившій и теперь спокойно и съ видимымъ предвкушеніемъ удовольствія свертывавшій папиросу, показался мнѣ въ эту минуту жестокимъ и равнодушнымъ человѣкомъ.

— Неужели нѣтъ никакихъ средствъ помочь?

— Какъ не быть! — и докторъ, забравъ въ ротъ мундштукъ, сталъ чиркать спичку. — Есть. — Онъ закурилъ и затянулся. — Года на два отправьте его въ Каиръ на отдыхъ, вѣроятно поправился бы!.. Ну, а въ нашемъ климатѣ, да въ его жизненныхъ условіяхъ много шансовъ за то, что года черезъ два черви его кушать будутъ... Ну-съ, — рѣзко прервалъ самъ себя докторъ, — васъ, кажется, кто-то въ хирур-

гическомъ отдѣленіи интересовалъ? Вотъ Константинъ Яковлевичъ хотѣлъ тоже еще туда зайти, такъ вы вмѣстѣ съ нимъ и ступайте,—проговорилъ онъ, указывая мнѣ на хирурга,—а послѣ приходите оба ко мнѣ обѣдать. Идуть?

Мы согласились.

Дмитрій Петровичъ имѣлъ полное основаніе гордиться новой больницей. Высокая, свѣтлая, хорошо вентилируемая, обильно снабженная всѣмъ необходимымъ, она производила прекрасное впечатлѣніе; особенно много вниманія, конечно, было обращено на операціонную комнату, которая по обилію свѣта и ослѣпительной чистотѣ могла бы, кажется, выдержать сравненіе даже съ очень хорошими городскими лѣчебницами.

Осмотрѣвъ все зданіе, я зашелъ въ хирургическую палату. Мнѣ хотѣлось повидать здѣсь одного изъ нашихъ слесарей—Гостева, получившаго недавно тяжкое травматическое поврежденіе. Пуская въ ходъ станокъ послѣ починки, онъ накидывалъ передаточный ремень на одинъ изъ шкивовъ вращающагося магистральнаго вала. Для этого ему пришлось влѣзть на приставленную къ валу лѣстницу. Неловкое движеніе—и немного выдававшаяся шпонка шкива захватила его лѣвый рукавъ; на несчастіе куртка оказалась довольно крѣпкой, рукавъ не разорвался и потянулъ за собой самого Гостева; въ десятую долю секунды его перекинуло черезъ валь. Хорошо еще, что въ это мгновеніе рукавъ соскользнулъ со шпонки, и несчастный слесарь не замотался на валу, а грохнулся на полъ съ высоты пяти съ половиной аршинъ. Лѣвая рука оказалась переломленной въ двухъ мѣстахъ.

Вотъ этого-то увѣчнаго мнѣ и хотѣлось повидать. Со дня несчастія прошло уже дней девять. Всякая опасность для жизни миновала; но рука была въ лубкахъ, и врачи сомнѣвались, произойдетъ ли сращеніе костей правильно. При неправильномъ же сращеніи перелома рука не могла сохранить полную свободу движенія.

Всѣхъ больныхъ въ хирургической палатѣ было теперь пятеро: Гостевъ; каменьщикъ, которому такъ разбило ногу паденіемъ какого-то груза, что ее пришлось ампутировать; чернорабочій, расшибленный наѣхавшей на него телѣгой, и двое фабричныхъ изъ прядильнаго корпуса съ пораненіемъ

пальцевъ; три послѣдніе случая считались несерьезными, хотя разбитый телѣгой еще лежалъ весь обвязанный и производилъ очень тяжелое впечатлѣніе, благодаря тому, что и голова и части лица его были покрыты взаимно перекрещивающимися въ разныхъ направленіяхъ бинтами; но докторъ надъ нимъ даже подшучивалъ, такъ какъ выяснилось, что послѣдствій несчастіе не оставитъ никакихъ. Большой съ ампутированной ногой лежалъ грустный, неохотно отвѣчалъ на вопросы, и мнѣ казалось, что онъ постоянно, хотя, можетъ-быть, и безсознательно, направлялъ свой взглядъ на то плоское, низко опустившееся мѣсто одѣяла, подъ которымъ должна была бы лежать его нога, если бы она не была отрѣзана пять дней назадъ.

Гостевъ обрадовался моему приходу; унылая улыбка осветила его глубоко сидящіе глаза, и онъ только тихонько проговорилъ: „Спасибо, что навѣстили“.

Я спросилъ его, какъ онъ себя чувствуетъ.

— Да теперь ничего; кажется, что получше.

— Ну, и слава Богу.

— Да, слава Богу; а потомъ-то что будетъ?

— Когда потомъ?

— Когда изъ больницы выйду. Здѣсь-то хорошо лежать. Спасибо и докторамъ, и хозяину, — и больница хороша, и уходъ, и пища; кажется, ничего лучше и желать не остается. А послѣ-то!

— До чтò послѣ?

— А чтò послѣ дѣлать? Вѣдь если рука плоха будетъ, такъ куда же я поеду? Работникъ безъ руки — что птица безкрылая! А у меня жена, двое дѣтишекъ; вѣдь я тридцать пять рублей получалъ да квартиру; а съ одной рукой я куда дѣнусь? Въ сторожа на десять цѣлковыхъ пойду. И то еще примутъ ли?

Я сталъ ободрять Гостева и увѣрялъ его, что, по мнѣнію докторовъ, все кончится прекрасно, а въ случаѣ несчастнаго исхода онъ можетъ получить вознагражденіе. Онъ не возражалъ, но видно было, что мои слова онъ понимаетъ какъ необходимую, требуемую приличіемъ, попытку утѣшить его, но не вѣрить въ ихъ истину.

— Да и мнѣ то же докторъ говорить. Вознагражденіе-то

Богъ съ нимъ. Полторы—двѣ тысячи дадутъ—точно на нихъ семью выкормишь!.. Хорошо; кабы докторъ не ошибся и по его словамъ все было бы. Ну, а если...—голосъ его дрогнулъ, и отвѣдя глаза, онъ не договорилъ фразы. Я не сумѣлъ ничего сказать ему. Всякое банальное слово сочувствія не шло съ языка, а ничего такого, что бы могло дѣйствительно успокоить гложущія Гостева мрачныя мысли, я подыскать не могъ. Молчаніе сдѣлалось тягостнымъ для обоихъ. Я наскоро простился и ушелъ, унося въ груди какое-то неопредѣленное чувство не то смущенія, не то виноватости. Противъ воли, помимо сознанія въ душѣ пробуждалась мысль, будто бы и я вмѣстѣ со всѣми окружающими чѣмъ-то и какъ-то причастенъ этому несчастію...

У доктора за обѣдомъ, конечно, разговоръ шелъ о больницѣ. Я говорилъ о томъ, что она мнѣ очень понравилась и что, по моему мнѣнію, здѣсь очень много сдѣлано Дмитриемъ Петровичемъ.

Докторъ задумался.

— Много я слышалъ комплиментовъ по этому поводу,— началъ онъ минуту спустя.—Что говорить—пріятно слышать, когда хвалятъ! И безъ ложной скромности скажу, что кое-что я здѣсь сдѣлалъ. Но когда видишь все то, что еще нужно сдѣлать, то понимаешь, что все прошлое еще ничтожная часть работы.

Я изумился.

— Да, устроить больницу, когда деньги есть, дѣло нехитрое; но это еще не значить устроить на фабрикѣ медицинское дѣло. Я зналъ такую фабрику на сѣверѣ Московской губерніи, гдѣ на восьми койкахъ двое больныхъ за два года лежали. Значить одной больницы мало. Надо еще кое-что. Надо такъ сдѣлать, чтобы больные шли въ больницу и шли бы охотно; словомъ, чтобы *всѣ* больные шли. А мы этого еще не достигли. Вотъ посмотрите хоть нынѣшній день: пообѣдаемъ мы, а послѣ обѣда я долженъ въ казармахъ еще трехъ больныхъ навѣстить; да и Константину Яковлевичу придется у одного побывать; а у фельдшера нашего, Ивана Антоновича, такъ прямо большая практика среди рабочихъ по квартирамъ, и даже иногда случается, что къ тому—другому больному, котораго раньше осматривалъ, я и самъ его пошлю.

Приходитъ иногда въ голову, что, пожалуй, онъ за эти визиты подчасъ и мзду взимаетъ. А почему эти больные въ больницу не идутъ... Не могу вамъ объяснить. И сколько такихъ?—не знаю. Но только тогда лишь по моему можно будетъ считать наше дѣло правильно поставленнымъ, когда ни одно заболѣваніе на фабрикѣ мимо моихъ рукъ и мимо больницы не пройдетъ; а мы этого повторяю, еще не добились. Значитъ, мы не добились еще полного, настоящаго довѣрія. Надо такъ дѣло поставить, чтобы всякій заболѣвшій самъ бѣжалъ къ врачу и въ больницу. А у насъ еще этого нѣтъ, далеко нѣтъ!

Я ужъ не говорю о томъ, что больные домой бѣгутъ.— Вы сегодня сами чахоточнаго видѣли. Это еще понятно—къ своимъ, къ семьѣ тянетъ. Но почему многіе предпочитаютъ въ душныхъ фабричныхъ коморкахъ отлеживаться, это уже прямо-таки необъяснимо.

А еще того хуже, что больные до послѣдней минуты, другой разъ прямо черезъ силу, работать тянутся. Приди онъ ко мнѣ во время, полечись тогда, когда слѣдуетъ—дѣло другой разъ и пустяками кончилось бы; а если онъ болѣзнь запуститъ, да больной на работѣ съ недѣлю простоитъ, такъ смотришь, и на мѣсяць свалится.

Я высказалъ мнѣніе, что чаще всего рабочіе боятся, ложась въ больницу, заработокъ потерять.

Докторъ на это только рукой махнулъ.

— Объ этомъ ужъ и говорить нечего! съ жаромъ произнесъ онъ. Эта то сторона дѣла имѣетъ, конечно, главнѣйшее значеніе. Слава Богу, теперь больному рабочему фабрика хоть половину его обыкновеннаго заработка платить стала, а прежде вѣдь ничего не давали; тогда, конечно, въ больницу чуть не силой загонять приходилось. Но только и уплата половины заработка недостаточна. Помилуйте: онъ и такъ, зарабатывая какихъ-нибудь двѣнадцать—пятнадцать рублей въ мѣсяць, съ семьей впроголодь живетъ. Вдовы съ ребятами по 8 руб. въ мѣсяць получаютъ! А тутъ, когда человекъ боленъ, когда, хочешь—не хочешь, на больного лишніе гроши расходуются, изволь жить на половинную получку! Но хозяева уперлись—больше не даютъ. Да и не могутъ, конечно, полностью больнымъ платить, такъ какъ у нихъ тогда всѣ захотѣли бы въ больные записаться. Вотъ я и

думаю кассу больничную на образец нѣмецкихъ устроить. Да трудно это еще сладить по нашимъ нравамъ. А по существу дѣла такая касса—прямо необходимое условіе лѣченія. Просто въ иныхъ случаяхъ думаешь, что безъ такой кассы больница безсильна. Вотъ, батюшка, гдѣ живо соотношеніе медицины съ экономикой чувствуешь! Не умомъ, не логикой только понимаешь, а именно чувствуешь. Возьмите теперь другое дѣло—наши отпуска. Вѣдь при васъ я чахоточному отпускной билетикъ къ директору давалъ?

— Да.

— А знаете ли вы, какого труда мнѣ стоило добиться, чтобы по моимъ запискамъ дѣйствительно уволяли рабочихъ? Прежде директоръ и слышать не хотѣлъ! Ну, я таки здѣсь настоялъ. Или вотъ еще обратите вниманіе на крестьянскій вопросъ.

— Какое вы отношеніе къ крестьянскому вопросу имѣете, докторъ?

— Какъ это—какое отношеніе?—тономъ удивленія кинулъ мнѣ Дмитрій Петровичъ и, поднявъ на меня глаза, сейчасъ же расхохотался.—Да, вы о настоящемъ крестьянскомъ вопросѣ думаете? Такъ я не о томъ. У насъ свой, мѣстный крестьянскій вопросъ. Вы видѣли мужиковъ въ амбулаторіи?

Я кивнулъ головой.

— Такъ вѣдь эта контрабанда!

— Какая еще контрабанда?

— А вотъ какая: каждый разъ, какъ я долженъ увеличить расходы на больницу, и директоръ, и хозяинъ на меня напускаются: „Мы, говорятъ, больницу для рабочихъ держимъ, а вы цѣлую округу крестьянъ лѣчите. Не пускайте крестьянъ—вотъ у насъ и экономія будетъ. Лѣчить мужиковъ—земское дѣло. Мы на чужую заботу денегъ тратить не хотимъ“. Прежде я спорилъ, а теперь обыкновенно въ критическій моментъ дѣлаю видъ, что соглашаюсь. Пройдетъ мѣсяць—другой, и я по-прежнему начинаю мужиковъ лѣчить и лѣкарства имъ даромъ отпускать. И не могу этого не дѣлать, и не потому только не могу, что жалко, а ради самой фабрики не могу: какъ фабричный врачъ, я долженъ, и обязанъ за всѣми болѣзнями вокругъ нашего поселенія слѣдить.

Вотъ сейчасъ, напимѣрь, въ Синицынѣ дифтеритъ начинается; у насъ рабочихъ много оттуда: если мы мѣрь противъ эпидеміи въ Синицынѣ не примемъ, такъ того гляди, что и у насъ дифтеритъ разыграется. Это ясно. А вотъ заправили наши этого знать не хотятъ.

Да, фабричная больница по самому существу дѣла и неизбежно должна быть больницей цѣлаго района подлѣ фабрики. Фабрика—не островъ какой-нибудь среди моря отъ всего отрѣзанный. Она живѣйшими нитями съ всей округой связана. И связь эта не только для населенія, а и для самой фабрики дорога. Фабрика, которая здѣсь же, у себя подъ бокомъ можетъ всегда и мастеровъ, и рабочихъ, и возчиковъ, и сѣстные припасы и всякую всячину получать, всегда окажется въ барышахъ; а та, которая все это должна за тридцать земель искать—будетъ въ убыткѣ.

И важно для фабрики, чтобы рабочій приходилъ къ ней грамотный, что бы дороги подлѣ нея были бы хорошія, что бы болѣло окружное населеніе поменьше. Почему же въ такомъ случаѣ только въ одномъ медицинскомъ дѣлѣ между фабрикой и окружающимъ населеніемъ какую-то искусственную стѣну строить? Я такъ думаю, что въ этомъ случаѣ фабричную и земскую медицину надо бы было во-едино слить! И рано или поздно такъ и будетъ, но дождусь ли этого я—не знаю.

Обѣдъ кончился. Мы вышли на балконъ. Низкое солнце освѣщало передъ нами широкую картину: на первомъ планѣ, въ переливающимъ золотистыми колерами садикѣ, ютился больничный поселокъ; а въ отдаленіи изъ-за молодой рощи поднимались два грандіозные фабричные корпуса и три четырехъ-этажныхъ казармы, рѣжущіе глаза краснымъ цвѣтомъ своихъ кирпичныхъ стѣнъ, получившимъ подъ косыми лучами солнца ослѣпительно яркій оттѣнокъ.

— Да, хотѣлось бы мнѣ знать, увижу ли я то время, когда наше дѣло будетъ поставлено такъ, какъ оно дѣйствительно должно стоять!

И докторъ широками штрихами началъ рисовать картину будущей земско-фабричной медицинской организаціи.

VIII. Фабричная скука.

Тихій, спокойный осенній день. Все небо покрыто тучами, но онѣ не грозятъ ни дождемъ, ни бурей. Такими днями, къ которымъ такъ пристало названіе „сѣренькихъ деньковъ“, поблекшая природа, кажется, тихо, по старчески дремлетъ передъ глубокимъ и долгимъ зимнимъ сномъ.

Праздникъ. Молчатъ фабричныя корпуса, молчатъ и вѣчно пыхтящій паровой насосъ; молчатъ покамѣсть и локомотивы новой станціи электрическаго освѣщенія, такъ какъ до сумерокъ еще далеко. Ухо, привыкши въ каждомъ, даже и удаленномъ, уголѣ фабричнаго двора ежеминутно чувствовать глухое гуденіе многихъ тысячъ различныхъ станковъ, какъ-то осязаетъ, — я готовъ сказать „слышитъ“ — эту тишину. Если ночью порою внезапно остановятся часы, висящія подлѣ вашей постели, то вы испытываете подобное же ощущеніе: вашъ слухъ обезпокоенъ, онъ тревожитъ васъ, вамъ кажется, что-то случилось, а между тѣмъ вокругъ царитъ лишь мертвая тишина.

Поздняя обѣдня давно отошла. Молодежь усѣбла уже пообѣдать, потолкаться по улицамъ, сходить на рѣку. Въ это время въ праздничный день изъ оконъ моей квартиры постоянно видны кучки расфранченныхъ парней въ пиджакахъ, въ сапогахъ съ наборомъ или даже въ ботинкахъ съ брюками на выпускъ, прохаживающихся по разнымъ направленіямъ по широкому фабричному двору. Слѣдя за медленнымъ и какимъ-то беспорядочнымъ движеніемъ такихъ группъ, я невольно всегда задаюсь вопросомъ: что ощущаютъ въ такое время эти люди — удовольствіе отдыха или скуку бездѣлья? Вотъ человекъ шесть спускаются къ рѣкѣ; нѣкоторыхъ изъ нихъ я узнаю, но это не ткачи, а рабочіе изъ придельнаго корпуса. Они идутъ медленно, молча, какъ-то лѣниво выбрасывая впередъ ноги. Характерное движеніе челюстей и постоянное сплевываніе показываютъ, что они грызутъ подсолнухи. Вотъ эта кучка завернула за уголъ хозяйскаго сада; черезъ нѣсколько минутъ она же показывается уже далеко, у самаго берега рѣки. Пройдутъ нѣсколько шаговъ, остановятся,

посмотрять зачѣмъ-то на воду, опять пройдутся, присядутъ гдѣ-нибудь на пригоркѣ и черезъ часъ—черезъ два такъ же медленно и скучно возвращаются назадъ. Нѣкоторое оживленіе, да и то не надолго и не всегда, появляется только въ томъ случаѣ, если кучка парней столкнется съ дѣвушками.

Вотъ понеслось откуда-то гнусавенькое тиликанье гармоники; музыка приближается къ моей квартирѣ, и подь самыми моими окнами проходятъ человѣкъ десять парней, среди которыхъ высокій, худой юноша съ прыщеватымъ лицомъ, заломивъ на бокъ шапку и съ особенными ужимками, какъ-то преднамѣренно-молодцовато взмахивая согнутыми локтями рукъ и быстро перебирая пальцами по клавишамъ, выводитъ плясовой мотивъ. Но жидкіе тоны гармоники, какъ кажется, не оживляютъ публику, и эта кучка проходитъ мимо меня въ сущности такая-же скучная, какъ и всѣ другія. Позднѣе, конечно, народъ, какъ всегда, соберется у двухъ кабаковъ у перевоза; близъ кабаковъ поставлены качели, и въ праздникъ появляется какое-то убогое тріо изъ двухъ скрипокъ и альта. Тамъ-же поставятъ свои палатки и нѣсколько торговцевъ дешевыми леденцами, стручками, сѣмячками и всякой такой дрянью; начнутся танцы; кое кто повернется на качеляхъ; но и тамъ, я знаю, настоящаго веселья не будетъ. Къ вечеру любители выпивки успѣютъ пропустить извѣстное количество водки, и начнется пьяное галдѣнье; тогда мало знающій эту толпу человѣкъ, пожалуй, можетъ подумать, что наконецъ-то истинная веселость охватила всѣхъ присутствующихъ; но осторожный наблюдатель, присмотрѣвшись, сейчасъ-же замѣтитъ, что все это видимое, внѣшнее веселье создано въ сущности очень небольшой частью толпы.

Скучный осенній праздникъ наводитъ на скучныя, непраздничныя размышленія; они охватываютъ и умъ и душу какую то паутиной сѣренькихъ монотонныхъ, томительныхъ и безысходныхъ чувствъ и мыслей.

Я гляжу на это однообразное скучное гулянье фабричныхъ рабочихъ, и предо мной неожиданно встаетъ картина изъ далекихъ дѣтскихъ воспоминаній. Маленькая усадьба. Мимо самага сада проходитъ дорога; вечерѣтъ. Я смотрю черезъ плетень и чувство зависти и досады закрадывается въ мое сердце: предо мной съ гикомъ и смѣхомъ проносится десятокъ

деревенскихъ парней и мальчишекъ, ѣдущихъ въ ночное. Моя завѣтная мечта—хоть разъ попасть въ эту буйную кампанію; но этой мечтѣ, конечно, никогда не суждено осуществиться; только изрѣдка удается мнѣ въ урочный часъ выбѣжать къ мосту, гдѣ лошадей пускаютъ на водопой, а въ теплые вечера и купаютъ. Сколько бывало видываль я на этихъ водопояхъ смѣха, веселья, шалостей! Здѣсь, на фабрикѣ я никогда не замѣчалъ подобнаго настроенія. Или можетъ быть, эти давнія воспоминанія обманываютъ меня и окрашиваютъ деревенскую бѣдноту розовыми красками дѣтскихъ впечатлѣній? Но мнѣ положительно кажется, что при всей скудости и суровости деревенской жизни, при всемъ ея однообразіи, тамъ молодежь чаще и больше смѣется, чѣмъ фабричные парни. На фабрикѣ быть можетъ живутъ богаче, чѣмъ въ деревнѣ, пожалуй здѣсь больше разгула, но больше и неудовлетворенности...

Рабочіе дни на фабрикѣ положительно однообразно скучны, а что же остается въ праздникъ? Разъ сходилъ фабричный на рѣку, сходилъ, замѣтите, безъ всякаго дѣла и заботы, въ другой разъ сходилъ на рѣку, въ третій, — но въѣд наконецъ и надоѣсть! Какъ же использовать ему время отдыха?

Чтеніе?

Да, любовь къ чтенію, скажу даже: увлеченіе чтеніемъ — больше и больше проникаетъ въ фабричную среду; несомнѣнно, что фабричная масса, по крайней мѣрѣ въ мужской ея части, въ настоящее время выдѣляетъ значительный слой (представляю статистикамъ опредѣлить его численное значеніе въ одинъ, въ два, можетъ быть, и въ три процента). — слой интеллигенціи; именно настоящей *интеллигенціи*, которой не было среди рабочаго люда двадцать, двадцать пять лѣтъ назадъ. И тогда было, конечно, не мало отдѣльных умныхъ, развитыхъ и читающихъ рабочихъ; но это были разрозненныя единицы, выдвинутыя изъ толпы случаевъ и способностями. Теперь же между рабочими чувствуется извѣстный *интеллигентный слой*, въ который попадаютъ люди и умные и среднихъ способностей, и даже глупые; попадаютъ рабочіе разныхъ наклонностей, темпераментовъ, взглядовъ. Но всѣ они получили нѣкоторое начальное образованіе,

всѣ усвоили вкусъ къ чтенію и стремленіе мыслить. При той упорной привычкѣ къ труду, которая воспитана въ нихъ поколѣніями, эти люди при всей элементарности ихъ школьной подготовки, пристрастившись къ чтенію, достигаютъ подчасъ удивительныхъ результатовъ. Неудовлетворенные беллетристикой, они набрасываются на книги историческаго, экономическаго, философскаго содержанія. Многимъ изъ нихъ хорошо извѣстны, и не только по именамъ, и Дарвинъ и Тиндаль, и Байронъ и Милль, и Гладстонъ Бисмаркъ, и десятки другихъ великихъ европейскихъ именъ, не говоря уже о всѣхъ крупныхъ русскихъ писателяхъ и дѣятеляхъ. Вѣря въ науку и понимая, какую великую службу можетъ сослужить знаніе, они въ буквальномъ смыслѣ слова жаждутъ просвѣщенія и по серьезности отношенія къ жизни, къ своимъ обязанностямъ и къ печатному слову, конечно, не должны быть поставлены ниже нашей, такъ сказать, привилегированной интеллигенціи. Но этотъ слой образованныхъ людей, для которыхъ чтеніе стало насущнѣйшей потребностью, среди рабочихъ, какъ и среди другихъ классовъ общества, численно составляетъ покуда еще небольшое меньшинство и оказывается, конечно, по количеству слабѣе въ тѣхъ отрасляхъ труда, въ которыхъ заработокъ ниже. На механическихъ заводахъ вы найдете среди рабочихъ значительно больше людей образованныхъ; (да, читатель именно *образованныхъ*), чѣмъ между прядильщиками; прядильщики развитѣе ткачей; чернорабочихъ вы не поставите на одну доску съ ткачами, а кожевники или кирпичники стоятъ въ смыслѣ умственныхъ запросовъ еще почти на той - же ступени, на которой стояли двадцать пять — тридцать лѣтъ назадъ. Въ послѣднихъ группахъ и теперь еще, какъ и въ доброе время, начитанные рабочіе остаются единицами.

Чтеніе несомнѣнно играетъ огромную роль въ жизни рабочей интеллигенціи, но можно ли то же сказать о всей рабочей массѣ?..

Не въ первый разъ задумываюсь я надъ этимъ вопросомъ, но при всемъ желаніи найти возможность дать на него, хотя бы путемъ какихъ нибудь натяжекъ, положительный отвѣтъ, я волей-неволей нисхожу къ неизбежному „нѣтъ“. Для массы рабочихъ, какъ и для массы средняго класса, книжка

еще и до сихъ поръ обыкновенно служить просто средствомъ развлечения. Развлечение же, для того, что бы имъ могло пользоваться большинство, конечно, прежде всего должно быть легко доступно.

Насколько же доступна книга рабочему?

Какъ и откуда, какими путями можетъ получить книжку фабричный рабочій? Можно съ увѣренностью сказать, что въ четырехъ случаяхъ изъ пяти—исключительно изъ фабричной библиотеки или читальни. Заурядный рабочій, живущій на фабрикѣ, удаленной отъ города, поставленъ въ этомъ отношеніи въ полную и непосредственную зависимость отъ доброй воли фабричнаго начальства. Ни частныхъ библиотекъ, ни читаленъ, ни книжныхъ лавокъ около такой фабрики нѣтъ. Торговцы-офени, правда, частенько заглядываютъ на сосѣднее село, и въ ихъ повозкѣ вы всегда увидите сотню — другую книгъ и книжонокъ; но, не говоря уже о томъ, что это за изданія, покупать книгу, стоящую хотя бы гривенникъ, для работаго еще дорого. Покупаютъ книги въ сколько-нибудь значительныхъ количествахъ только тѣ наиболѣе развитые рабочіе, для которыхъ чтение стало уже потребностью; заурядный же рабочій долго подумаетъ прежде, чѣмъ отдастъ за книжку серебрянную монету. Иначе вѣдь и быть не можетъ. Многие ли изъ насъ, изъ лицъ высшихъ сословій, *покупаютъ* книги, кромѣ тѣхъ необходимыхъ изданій, учебныхъ, научныхъ и справочныхъ, безъ которыхъ мы не можемъ обойтись по своей профессіи? Одинъ изъ 20-ти, и того меньше! То же самое мы видимъ и въ рабочей средѣ. Значитъ, кромѣ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда придется получить книжку отъ пріятеля, рабочій загородной фабрики можетъ обратиться за ней только въ фабричную библиотеку или читальню. Но на многихъ ли фабрикахъ онѣ есть? Я припоминаю изрядное количество большихъ и малыхъ мануфактуръ центрального района, но не могу насчитать и полусотни такихъ учреждений, причемъ крайне затрудняюсь дать себѣ отчетъ многія ли изъ нихъ толково составлены и хорошо организованы, многія ли считаются съ повышающимся умственнымъ и нравственнымъ уровнемъ рабочихъ, многія ли идутъ въ этомъ отношеніи рабочему на встрѣчу.

Но допустимъ, что тѣмъ или инымъ путемъ интересная и содержательная книжка рабочимъ получена. Гдѣ же онъ будетъ ее читать? Въ самой библиотекѣ—не всегда удобно: не при всѣхъ библиотекѣхъ даже и есть читальня зала, а гдѣ и есть, то пользоваться ею часто затруднительно. Открыта она только въ опредѣленные часы: чтобы идти туда, фабричный долженъ переодѣться, такъ какъ каждый порядочный рабочій, въ предѣлахъ своего пониманія и своихъ привычекъ, крайне чутко къ вѣшнему приличію. Слѣдовательно, читать приходится дома. Но гдѣ же — *дома*? Въ общихъ казармахъ, пространство которыхъ строго высчитано по кубу на человѣка, нѣтъ ни стола, ни табуретки, ни удовлетворительнаго вечерняго освѣщенія, а возвышаются только нары, приспособленныя, конечно, для спанья, а не для чтенія. Въ каморкѣ, въ духотѣ и тѣсотѣ, помѣщается двѣ, а то и три различныхъ семьи, съ дѣтьми, съ докучливымъ препирательствомъ бабъ, со всѣми неудобствами вынужденнаго тѣснаго сожителства.

Я живо представляю себѣ внутреннюю картину нашихъ фабричныхъ жилищъ и думаю: многіе ли изъ моихъ интеллигентныхъ и пристрастившихся къ книгѣ знакомыхъ могли бы заниматься чтеніемъ при такой обстановкѣ? Немудрено, что въ такихъ условіяхъ рабочіе, читающіе много, являются еще только исключеніями: всѣ же тѣ, для которыхъ чтеніе служить простымъ развлеченіемъ, отдають ему сравнительно мало времени, стремясь въ свободную минуту уйти изъ неуютнаго своего жилья.

Но если вы не видите въ праздничной фабричной толпѣ истиннаго веселья, если чтеніе въ силу тысячи бытовыхъ условій обставлено массою затрудненій и неудобствъ, если физическія упражненія и разныя спортивные игры не въ нравахъ, если эстетическія развлеченія въ родѣ концертовъ, выставокъ, театра, музеевъ, широко распахивающія двери рабочему въ Германіи, Англіи и другихъ западно-европейскихъ странахъ, прямо—таки нашему рабочему недоступны, а общественныя дѣла, въ родѣ разныхъ ферейновъ и кассъ, отсутствуютъ,—то куда же, на что можетъ потратить рабочій свой рѣдкій свободный день?...

И слоняются цѣлыми часами передъ окнами моея квар-

тиры скучныя, вялыя, точно сонныя, кучки рабочихъ; и долго раздумываю я хмурымъ осеннимъ днемъ о томъ, какъ много въ сущности надо имѣть каждому рабочему силы воли и твердости характера, чтобы не поддаваться тѣмъ соблазнамъ, которые тысячами губятъ въ провинціи даже интеллигентныхъ лицъ, —вину, игрѣ, разврату; и меня уже не удивляютъ ни огромныя количества водки, продаваемой сосѣдними кабаками, ни частые между фабричными случаи безшабашнаго увлеченія игрой и картами, ни растущее между ними число венериковъ и сифилитиковъ...

Среди этихъ тяжелыхъ мыслей и обобщеній я, конечно, вспоминаю и тотъ касающійся непосредственно нашей мануфактуры вопросъ, который уже много разъ вставалъ передо мною за послѣдніе 5—6 мѣсяцевъ: что дастъ рабочему затѣянная нами чайная?

— Да, на прошломъ Рождествѣ, при самой дѣятельной поддержкѣ хозяйки и при пассивномъ, даже, быть можетъ, неблагожелательномъ отношеніи къ дѣлу директора, намъ, молодымъ техникамъ, удалось подбить владѣльца фабрики на устройство большой чайной съ эстрадой, приспособленной для чтеній, концертовъ и даже для спектаклей. Словомъ, —въ маломъ размѣрѣ мы затѣяли то, что, по общепринятой и крайне на мой взглядъ неудачной для Россіи терминологіи, носить теперь название „народнаго дома“; но, скромности ради, мы назвали его по просту чайной. Много было у насъ по поводу этой чайной разговоровъ, жаркихъ споровъ; много строительной находчивости потребовало составленіе проекта; много при этомъ было высказано и осуществимыхъ и несбыточныхъ надеждъ. Въ концѣ-концовъ съ первыхъ дней весны началась постройка, и мы надѣемся черезъ мѣсяць открыть собственно чайную, а на Николинъ день—день именинъ хозяина—дать первый спектакль.

Теперь, послѣ того, какъ я въ этотъ скучный осенній день безвыходно просидѣлъ дома до четырехъ часовъ, меня потянуло на постройку. Я вспомнилъ, что уже пять или шесть дней мнѣ не удалось тамъ побывать, и рѣшилъ сейчасъ же сходить посмотреть наше дѣтище, надѣясь заодно и поразмять ноги, и поразвѣять невеселыя мысли, неотступно преслѣдовавшія меня сегодня съ самаго обѣда.

Мѣсто для зданія выбрано очень удачно: широкая площадка на холмикѣ между „казармами“ и улицей маленькихъ домиковъ въ центрѣ заводскаго поселка, достаточно просторная для того, чтобы впослѣдствіи разбить кругомъ чайной садикъ или по меньшей мѣрѣ хорошій палисадникъ. Широкое, одноэтажное, низковатое зданіе казалось немного тяжело съ фасада, но зато было просторно и свѣтло внутри. Я вошелъ и не притворилъ за собой двери, въ которой еще не было замка. Направо отъ вѣхода въ двухъ комнатахъ предполагалось помѣстить библіотеку съ читальней; налѣво—чайную. Прямо за прихожей шла зала съ хорами и сценой чловѣкъ на пятьсотъ зрителей. Двѣ большія комнаты подъ уборными и обширное помѣщеніе для склада бутафоріи и декораций замыкали противоположный конецъ зданія. Предполагалось, что главная зала, когда она будетъ свободна отъ спектаклей и чтеній, можетъ служить помѣщеніемъ для читающихъ и для пьющихъ чай. Въ настоящее время въ домѣ шли еще печныя и столярныя работы, какъ о томъ ясно свидѣтельствовали неоконченныя печи и непоставленныя еще на мѣсто внутреннія рамы; но технику легко уже было представить себѣ, какой видъ приметъ постройка въ готовомъ видѣ. Только отверстіе сцены, къ устройству которой еще не приступали, зіяло какою-то черною пропастью. Медленно обходя все помѣщеніе, осматривая произведенныя работы, я остановился за стѣной, отдѣляющей будущіе подмостки отъ залы, и задумался о томъ, какъ бы ускорить переѣмку декораций, обыкновенно такъ затрудняющую маленькіе театры и страшно затягивающую представленія.

— Что жъ, хорошо!— долетѣлъ до моего слуха чей-то голосъ, гулко раздавшійся въ пустой залѣ. Послышались медленные шаги, и послѣ нѣкоторой паузы второй, хорошо мнѣ знакомый, уже немолодой голосъ, медленно, какъ бы нехотя, спросилъ: „Что хорошо-то?“—Стараясь припомнить, кто же именно говоритъ этимъ вторымъ голосомъ, который мнѣ чуть ли не ежедневно случается слышать, я невольно сталъ внимательно вслушиваться въ разговоръ.—Да все помѣщеніе хорошо: и чайная, и читальня, и театръ. Я здѣсь еще не бывалъ, такъ вотъ и говорю, что мнѣ нравится, — отвѣчала первый голосъ. Послѣ минутнаго перерыва опять заговорилъ

старшій изъ двухъ собесѣдниковъ: „Еще бы не нравиться! Коли денегъ не пожалѣли, да съ умомъ строено, такъ почему-же домъ не понравится?.. А только чаю тутъ пить не будутъ!“

Послѣднія слова были сказаны очень рѣшительно, какъ отрѣзаны. Я поневолѣ встрепенулся.

— Ну, скажи ты мнѣ на милость, кто сюда пойдетъ чай пить? Въ каморкахъ у семейныхъ самовары есть; для холостыхъ въ кухняхъ въ кубахъ горячая вода есть. Ужъ какъ они дешево ни торгуй, а свой чай дома все-жь-таки дешевле придется. Вѣдь здѣсь не то, что въ городѣ, гдѣ извозчики, да приѣзжіе, да плотники не знаютъ, куда ткнуться чаю напиться! Здѣсь люди своимъ домомъ живутъ. Ежели, значить, за чаемъ кто сюда пойдетъ, такъ развѣ пустельга какая-нибудь.

— Ну, что же, Денисъ Ивановичъ, коли чайная торговля не пойдетъ, будутъ водами шипучими, пивомъ, сладями торговать—это все одно; а театръ и читальня все будетъ дѣйствовать. Народу-то вѣдь некуда въ праздникъ дѣться, — уже горячо возразилъ болѣе молодой голосъ. Услышавъ имя, я только удивился, какъ я раньше не узналъ типичнаго, съ легкой хрипотой, голоса токаря Ведрова, извѣстнаго всей фабриктѣ за одного изъ самыхъ разсудительныхъ, начитанныхъ, толковыхъ и безусловно трезвыхъ рабочихъ.

— Ну, пиво-то сюда, пожалуй, не пустятъ! — усмѣхнулся Ведровъ. — Вѣдь все дѣло ради трезвости затѣяно! что бы по праздникамъ народъ въ трезвости бы время проводилъ, а по понедѣльникамъ меньше бы прогуливалъ, что бы хозяйскіе станки даромъ не простаивали бы!

— Что же, Денисъ Ивановичъ, почему же вы усмѣхаетесь? Сами небось знаете, что многихъ изъ нашего брата отъ кабака не оттащишь! И очень это хорошо придумано, чтобы такой домъ построить, гдѣ бы на свободѣ, да въ свѣтлотѣ и въ чистотѣ могъ бы рабочій посидѣть, да еще представленіе или что другое посмотрѣть да послушать! — горячо продолжалъ возраженія молодой голосъ, принадлежавшій, очевидно, какому-то изъ многочитавшихъ рабочихъ, который, какъ кажется, готовъ былъ пустить въ ходъ всѣ извѣстные

ему аргументы, приводимые въ доказательство необходимости устройства народныхъ домовъ.

— А я развѣ говорю, что это худо? Слышалъ ты это отъ меня, что-ли? Чего зря кричишь? — заволновался въ свою очередь Денисъ Ивановичъ, — а только не люблю я, когда въ одно дѣло съ бездѣльемъ мѣшajúтъ! Кто этотъ домъ строить? Кто больше всего о немъ хлопоталъ? Хозяйскій братъ младшій да Владиміръ Семеновичъ! Хозяйскій-то братъ раньше на фабрику и носа не показывалъ, все, говорятъ, въ Москвѣ по театрамъ сидѣлъ, а Владиміра Семеновича тоже рѣдко кто дѣльнымъ человѣкомъ назоветъ. Такъ почему же они за это дѣло горячѣе всѣхъ взялись? знаешь ты это?

— Нѣтъ не знаю.

— А потому, что любятъ они очень сами на сценѣ представлять, вотъ они и подбили хозяйку, да и на „самого“ насѣли.

— Ну, да вѣдь это можетъ такъ, зря болтають. Сами-то вы этого не слыхали, Денисъ Ивановичъ!

— Слышать не слыхалъ, а такъ говорятъ, да и на правду оно похоже. Ты, подумай-ка, кто здѣсь играть будетъ?

— А кто? Я про то не слыхалъ.

— Ну, то-то и есть, что не слыхалъ. А играть-то только свои будутъ: техники, да конторскіе, да учительницы. А у нихъ и своей работы довольно! И ежели они послѣ своего дѣла находятъ еще время театромъ заниматься, такъ значить имъ охота смертная! А какъ они на театрѣ играютъ, мы на прошлыхъ святкахъ видали! Что по-твоему—хорошо или плохо?..

Я не могъ разслышать отвѣта собесѣдника Ведрова, такъ какъ разговаривавшіе, очевидно, повернули и пошли къ выходу. Черезъ нѣсколько мгновеній, однако, до меня долетѣлъ еще звукъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ громкихъ словъ расходившагося Дениса Ивановича, сказанныхъ какъ-будто бы въ поучающемъ тонѣ, которыми онъ, очевидно, старался вразумить своего еще мало опытнаго сотоварища. Я потихоньку вышелъ изъ своей засады, но, спустившись съ крыльца зданія, среди сгустившихся сумерекъ почти нагналъ обоихъ собесѣдниковъ и по дошедшимъ до меня обрывкамъ рѣчи Ведрова могъ понять, что ему обидно, что, затѣвая такое

дѣло, мы не спросили никого изъ рабочихъ о томъ, какъ его лучше приспособить къ нуждамъ и вкусамъ рабочей массы.

А вѣдь сдѣлать это было бы такъ просто! Но, горячася, волнуясь и споря по часамъ изъ-за каждой мелочи въ проектѣ, мы почему-то объ этомъ не догадались...

Черезъ мѣсяцъ, послѣ молебствія и приличныхъ случаю рѣчей, чайная и библіотека были торжественно открыты. Анна Павловна, наша хозяйка, какъ всегда съ необыкновеннымъ вкусомъ одѣтая, очень оживленная, а потому неотразимо привлекательная, первая спросила „пару чаю“ и съ своею обычною любезностью принялась угощать всю нану строительную комиссію. Бухгалтеръ и нѣкоторые служащіе присѣли за сосѣдніе столики; конторщики и болѣе разбитные подсматерья, желая быть пріятными хозяевамъ, тоже заняли столики поодаль. Толпа же рабочихъ, перешептываясь, стояла въ дверяхъ, напоминая собою „народъ“ на сценѣ. Ведрова среди нихъ я не замѣтилъ.

Въ первую недѣлю народу въ чайную заходило много, но больше изъ любопытства; во вторую—посѣтителей было уже гораздо меньше, а черезъ мѣсяцъ перестали топить кубъ и ограничивались самоваромъ, такъ какъ чаю не спрашивалъ почти никто. Позднѣе въ чайной чай пили только въ дни спектаклей или какихъ-нибудь вечернихъ собраній, да и то почти исключительно чистая публика; но незамысловатый буфетъ безъ крѣпкихъ напитковъ, въ который однако пришлось допустить пиво, торговалъ во время представленій довольно бойко. Библіотека и читальня, переѣхавъ въ новое помѣщеніе, не расширили и не пополнили каталога, а потому функционировали такъ же, какъ и раньше.

Но если съ чайной насъ постигло нѣкоторое разочарованіе, за-то спектакли положительно имѣли шумный и блестящій успѣхъ. Публика въ театръ рвалась; желающихъ получить билеты было вчетверо больше числа мѣстъ, и каждая пьеса выдерживала три—четыре представленія. Въ газетахъ

появилось нѣсколько сочувственныхъ замѣтокъ, польстившихъ самолюбію хозяина. Въ нихъ очень много говорилось о прекрасномъ примѣрѣ, поданномъ нашей мануфактурой, объ облагораживающемъ вліяніи театра, объ уменьшеніи прогуловъ подъ вліяніемъ трезво проведеннаго воскресенья. Даже одинъ изъ толстыхъ журналовъ посвятилъ нашимъ спектаклямъ статью.

Всѣ авторы, писавшіе о нашемъ театрѣ, считали долгомъ отмѣтить ту высокую способность пониманія, которую выказали рабочіе на первыхъ спектакляхъ, и то вниманіе, съ которымъ они смотрѣли драму, а кстати хвалили и поведеніе зрителей, смирно и тихо сидѣвшихъ во время спектаклей.

Пробѣгая подобныя строки, мы, постоянные обитатели фабрики, испытывали нѣкоторое недоумѣніе и невольно задавались вопросомъ: почему столичные жители въ похвалу нашимъ рабочимъ не скажутъ чего-нибудь новенькаго, а повторяютъ лишь то, что для насъ всѣхъ давно уже стало чуть-ли не избитой истиной?

Спектакли, однако, шли своимъ порядкомъ. Принявшій на себя режиссерскую часть младшій изъ совладѣльцевъ фабрики требовалъ повторенія и повторенія спектаклей. На Рождествѣ всѣ мы, любители, положительно выбились изъ силъ и не имѣли ни дня, ни вечера свободнаго: то выборъ пьесы, то считка, то репетиція, то спектакль. Но несмотря на такую работу, къ масляницѣ нашъ репертуаръ истощился, а посту мы обрадовались, какъ отдыху. Стали раздаваться голоса за привлеченіе къ театру новыхъ силъ: самихъ рабочихъ, наемныхъ актеровъ, а кто-то высказался даже за приглашеніе антрепренера, которому фабрика могла бы дать субсидію и, опредѣливъ наивысшія цѣны, оставила бы за собой контроль надъ репертуаромъ. И почему знать, не былъ ли бы такой выходъ изъ нашихъ затрудненій самымъ простымъ, раціональнымъ и прочнымъ рѣшеніемъ вопроса? Почему фабричный поселокъ, имѣющій семь—восемь тысячъ жителей и превышающій по числу населенія огромное число нашихъ городовъ, долженъ довольствоваться любительскими силами, а не можетъ имѣть, какъ городъ, постояннаго субсидируемаго театра?

Прошло больше полутора года со дня открытія нашего

„народнаго дома“. Онъ потерялъ прелесть новизны, и всё къ нему давно привыкли. Вечеринки, тамъ устраиваемыя, охотно посѣщаются наиболѣе развитыми рабочими; но Богъ вѣсть, много ли онѣ даютъ рабочей массѣ. Спектакли же удается ставить далеко не каждый праздникъ за недостаткомъ любительскихъ силъ. Режиссерство давно перешло изъ рукъ брата „самого“ въ руки нашего техника Владиміра Семеновича...

И палисадника кругомъ зданія до сихъ поръ не устроили... А въ воскресенье передъ моими окнами по-прежнему беспорядочно двигаются взадъ и впередъ группы скучающихъ рабочихъ, и я часто останавливаюсь на мысли, когда-то поразившей меня въ отрывочныхъ рѣчахъ токаря Ведрова: какъ бы опросить эти сотни и тысячи людей о томъ, чѣмъ можно было бы сдѣлать для нихъ праздникъ веселѣе и оживленнѣе? Какъ можно было бы поднять для нихъ культурное значеніе отдыха?

IX. Коневская гута.

Съ каждой минутой сумерки гуще и гуще окутывали и лѣсъ, и уходящія впередъ глубокія, переполненные грязной жижей колеи размокшей отъ осенняго дождя дороги, и мокрая спины пріуставшей тройки, и лицо моего спутника, откинувшася въ глубину поднятаго верха тарантаса и изрѣдка поныхивавшаго оттуда папирской, при чемъ ея огонекъ на мгновеніе какъ то странно и рѣзко снизу вверхъ краснымъ свѣтомъ освѣщаль его щеки, усы, ноздри и выпуклыя дуги бровей. Зимнее пальто плохо защищало отъ пронизывающей холодной сырости ненастнаго ноябрьскаго вечера. Порывистый вѣтеръ, налетавшій на тарантасъ на лѣсныхъ прогалинахъ, заставлялъ ежиться и поднимать плечи, чтобы какъ можно глубже запрятать въ воротникъ подбородокъ и шею. По глинистой грязи тарантасъ двигался съ утомительной медленностью; всѣ темы дорожныхъ разговоровъ были исчерпаны, и я давно уже мысленно бранилъ себя за

то, что согласился на эту, теперь для меня безцѣльную, глупую поѣздку. Дѣло въ томъ, что огромные лѣса, примыкавшіе къ Коневскому стеклянному заводу, славятся богатой охотой. Недѣлю назадъ, когда круто ставшая зима манила въ лѣсъ cadaго порядочнаго охотника, я, рассчитывая на случайно совпадающіе два праздника подъ-рядъ, самъ назвался въ гости къ хозяину завода, Петру Петровичу Сойкину. Сегодня, согласно уговору, поѣздомъ со станціи онъ любезно заѣхалъ за мною, чѣмъ отрѣзалъ мнѣ всѣ пути отступленія. Волей - неволей, несмотря на мозглую оттепель, смѣнившую первоутокъ, я долженъ былъ пуститься въ длинное, почти пятидесятиверстное путешествіе безъ малѣйшей надежды на сносную охоту. Дорога наводила тоску, молчаніе становилось невыносимо скучно.

— А далеко еще?—не выдержавъ, обратился я къ своему спутнику, не помню въ который уже разъ, просто для того, чтобы что-нибудь сказать.

— Версть пять. Вотъ сейчасъ гать начнется; гать въ триста сажень мѣренныхъ; а отъ конца гати ровно четыре версты до завода.

Дорога повернула; заднія колеса тарантаса круто закатились по скользкой грязи при спускѣ съ невысокаго пригорка, и нѣсколько рѣзкихъ, кидających пассажира изъ стороны въ сторону толчковъ сразу показали мнѣ, что гать дѣйствительно началась. Я не знаю, существуетъ ли гдѣ-либо, кромѣ Россіи, этотъ странный способъ починки колесныхъ путей, который дѣлаетъ дорогу почти непроѣздною; но я лично никогда не могъ понять, почему навалка поперекъ дороги кривыхъ жердей толщиной въ руку здороваго мужика съ легкой засыпкой ихъ сверху землей можетъ считаться исправленіемъ дороги. Двигаясь по такой гати, колеса экипажа, съ трудомъ поднимаются изъ ямы на бревно, стремительно падаютъ съ бревна въ выбоину, скользятъ по краямъ глубокихъ водороннъ и описываютъ при этихъ движеніяхъ самыя невѣроятныя кривыя. Кузовъ тарантаса мечется изъ стороны въ сторону; пассажиръ то хватается за его края, чтобы не навалиться на сосѣда, то плотно сжимаетъ зубы, чтобы не прикусить языкъ на страшномъ толчкѣ. Лошади

выбиваются изъ силъ, и нерѣдко приходится затратить добрый часъ, чтобы проѣхать какую-нибудь пару верстъ.

— Экая у васъ дорога! И какъ вы по ней стекло возите?

— Въ солому укладываемъ,—лаконически отвѣчалъ стеклозаводчикъ.

— Да вѣдь сколько же бою должно быть! Скажите, много его бьется?

— Бываетъ, что и бьется.

— Что же вы дорогу не почините?

— Да вѣдь это не моя земля-то! Земля это крестьянская. Что же я съ ними подѣлаю, если они не хотятъ чинить? Возять на заводъ, возять, сколько имъ за извозъ переплатишь, какіе заработки даешь, а они и дорогу починить не хотятъ! Не знаю, право, чего полиція смотреть! Ужь я съ исправникомъ не разъ ругался, да ничего не помогаетъ. Хочу губернатору жаловаться,—съ внезапнымъ раздраженіемъ, рѣзко повернувшись ко мнѣ, заговорилъ Петръ Петровичъ.

— А развѣ дорогу эту мужики должны чинить?—наивно спросилъ я, не будучи знакомъ съ дорожными порядками нашего уѣзда.

— А то кто же? Ихъ земля—имъ и чинить!

— Но, позвольте, вѣдь по этому пути вы и песокъ, и глину, и сульфатъ, и стекло, и все нужное возите и съ завода, и на заводъ. Пожалуй, девять десятыхъ грузовъ, здѣсь идущихъ, — ваши; должно-быть, ваши именно грузы и дорогу-то такъ разбиваютъ. Развѣ вы не считаете правильнымъ оказать въ этомъ дѣлѣ крестьянамъ нѣкоторую помощь?—спросилъ я совершенно просто.

— Я и то помогаю. Вотъ далъ имъ денегъ взаймы, чтобы они эту гать починили, далъ на льготныхъ условіяхъ: пусть потомъ извозомъ мнѣ уплатятъ. Имъ работой легче уплатить, чѣмъ деньгами.

— Но не находите ли вы, что крестьяне имѣютъ нѣкоторое основаніе считать, что расходы на починку этой дороги вы должны были бы просто принять на себя?

Это мнѣніе, представлявшееся мнѣ такимъ простымъ и логичнымъ, казалось, до послѣдней крайности изумило Петра Петровича. Очевидно, это было, какъ говорится, его боль-

ное мѣсто; съ азартомъ принялся онъ вычислять барыши, которые получаютъ крестьяне, возя на заводъ матеріалъ со станціи и стекло на станцію по три и по четыре копейки съ пуда. Этотъ заработокъ, не превышающій на каждую подводу въ среднемъ сорока копеекъ или шести гривенъ въ сутки, по его мнѣнію, долженъ былъ бы явиться для мужиковъ источникомъ необыкновеннаго благополучія. Если же они этимъ благополучіемъ не пользовались, то только потому, что пьянствуютъ да лѣнятся. Убѣжденно, тономъ, въ которомъ, несмотря на тряску и толчки дороги, звучали даже патетическія ноты, Сойкинъ доказывалъ, что еслибы крестьяне лежавшаго на нашемъ пути села не были лишены способности здраво разсуждать и имѣли бы какое-нибудь понятіе о чувствѣ благодарности, то они давно должны бы были прекрасное шоссе къ его заводу соорудить, а не только починить грунтовую дорогу. Эта оригинальная логика и удивляла меня, и въ то же время смущала своимъ наивнопрямолинейнымъ эгоизмомъ.

— Они вамъ дорогу построятъ, а вы потомъ возьмете да другимъ работу отдадите?—невольно задалъ я вопросъ.

— Зачѣмъ же другимъ?.. пусть эти возьмать, — нѣсколько зашнувшись, проговорилъ мой спутникъ, но, сейчасъ же оправившись, впалъ въ прежній тонъ, и я уже не дѣлалъ болѣе попытокъ остановить потокъ его краснорѣчія.

Мы давно миновали гать. Сумерки превратились въ темную ночь; въ воздухѣ холодало, вѣтеръ усиливался; онъ ринулся на нашъ тарантасъ съ удвоенною злобой, когда кончился лѣсъ, и мы выѣхали на широкую прогалину, въ концѣ которой неуклюжей массой, едва отдѣлявшейся неясными контурами отъ темнаго фона облачнаго неба, означилось зданіе гуты и другихъ заводскихъ построекъ.

— Вы не очень устали?—неожиданно обратился ко мнѣ Петръ Петровичъ.

— Нѣтъ, не усталъ. А что?

— Да домъ мой въ полуверстѣ за заводомъ, а мнѣ надо бы посмотреть, что въ гутѣ дѣлается, да приказчику пару словъ сказать. Такъ, можетъ-быть, вы позволили бы мнѣ на минутку зайти въ заводъ, чтобы потомъ изъ дому не возвращаться?

— Да я самъ охотно туда зайду; со студенческихъ временъ не видалъ стекляннаго дѣла, а вѣдь я—техникъ. Технику каждый новый заводъ интересенъ.

— Вотъ и прекрасно! Степанъ, у гуты остановишься! — хозяйскимъ окрикомъ скомандовалъ Сойкинъ кучеру.

Мы завернули къ заводу. Большое, точно разсѣвшееся въ ширину, съ низкими стѣнами и высокою крышей, главное заводское зданіе было уже совсѣмъ передъ нами, и характерная форма его кровли съ длиннымъ открытымъ фонаремъ, освѣщеннымъ изнутри, обрисовывалась теперь уже совершенно ясно. Въѣхавъ на заводскій дворъ, мы миновали три или четыре неосвѣщенные постройки. По случаю праздника работа шла только у печей, гдѣ варится стекло, и дѣло идетъ непрерывно. Наконецъ лошади стали. Я вслѣдъ за Петромъ Петровичемъ вылѣзъ изъ тарантаса. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, мы очутились передъ распахнутыми воротами, ведшими внутрь главнаго зданія. Четыре окна раскаленной до бѣла печи, внезапно сверкнувшія изъ глубины гуты, ослѣпили меня и заставили на мгновеніе зажмурить глаза, привыкшіе къ темнотѣ осенней ночи. Прошло нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ я могъ осмотрѣться среди странной и непривычной для меня обстановки. Сойкинъ, войдя въ заводъ, сейчасъ же окунулся въ ту дѣловую атмосферу, которая сразу охватываетъ cadaго настоящаго хозяина, возвращающагося къ своему дѣлу послѣ продолжительной отлучки. „Пара словъ“, предназначенныхъ имъ для приказчика, оказалась на самомъ дѣлѣ цѣлымъ рядомъ вопросовъ, обсужденіе которыхъ заняло добрый часъ времени. Мое присутствіе навремя было совершенно забыто. По правдѣ сказать я былъ тому очень радъ, такъ какъ, обогрѣвшись у печи, съ живѣйшимъ любопытствомъ вглядывался въ жизнь кишачаго передо мною рабочаго муравейника, который представлялъ для меня, какъ для техника, въ этомъ малознакомомъ мнѣ производствѣ, массу интересныхъ подробностей и особенностей. Въ центрѣ огромнаго, на живую руку срубленнаго, бревенчатаго сарая съ ухидившей далеко въ высь неподшитой закопѣлой крышей, возвышались три небольшихъ купола стеклянныхъ печей. На двухъ ближайшихъ ко мнѣ шла оживленная работа; третья печь, по обыкновенному порядку подобныхъ заводовъ, находилась

въ ремонтѣ. Мракъ и холодъ осенняго ненастья свободно врывались въ гуту черезъ пару широко распахнутыхъ воротъ, и жестокіе сквозняки разгудивали по всѣмъ направлѣніямъ. Топка печей производилась снаружи, изъ генераторовъ, гдѣ дрянныя дрова превращались въ горючіе газы: блескъ же, который ослѣпилъ меня при входѣ, шелъ отъ рабочихъ оконъ. Внутри печи передъ этими отверстіями стояли огромныя глиняныя горшки, полныя расплавленной стекляннoй массы. Черезъ окна рабочіе набирали это расплавленное стекло на тѣ трубки, на которыхъ выдуваются стеклянныя издѣлія. И расплавленная масса, и горшки, ея содержащіе, и самая печь,—все было нестерпимо раскалено, все бросало черезъ окна цѣлые потоки ослѣпительнаго свѣта и на столпившихся на высокомъ помостѣ, окружающемъ печь, рабочихъ, и на всю неприглядную обстановку работы, и на темныя старыя потрескавшіяся бревна и доски стѣнъ и крыши гуты. Передъ ярко блестящими окнами постоянно двигались тѣни рабочихъ съ длинными трубками въ рукахъ. Эти трубки съ до красна разогрѣтыми пузырями стекла на концахъ ежеминутно мелькали передъ глазами. Рабочіе то высоко поднимали ихъ, то какъ-то встряхивали, то засовывали въ печь для того, чтобы снова разогрѣть до надлежащей степени нѣсколько остывшее стекло, то, напротивъ, опустивъ конецъ трубки со стекляннoй массой внизъ, раскачивали ее въ особыхъ пролетахъ, нарочно для того прорѣзанныхъ въ помостѣ, окружающемъ печь. Иногда мастера крутили трубки вмѣстѣ съ вытянутыми въ видѣ огромныхъ бутылей „холявами“ на подобіе мельничныхъ крыльевъ, причемъ раскаленная холява поочереды или высоко взметывалась кверху, или опускалась въ глубину пролета. Около каждаго окна работало два мастера и два ихъ подручныхъ — трехаля. Эти шестьдесятъ четыре человѣческихъ тѣни, движущіяся около двухъ печей, вырисовывающіяся или черными силуэтами на огненно-яркомъ фонѣ, или, напротивъ, сами освѣщенные яркимъ свѣтомъ какого-то зловѣщаго красноватаго отблеска, среди мрачной декорации гуты довольно живо воспроизводили картину ада, какимъ долженъ онъ былъ рисоваться въ средніе вѣка нашимъ наивнымъ предкамъ. Какъ бы для полноты этой картины вокругъ помоста, гдѣ дѣйствовали взрослые рабочіе,

постоянно и во всѣхъ направлѣнiяхъ непрерывно сновало съ полсотни малорослыхъ подручныхъ-дѣтей; эти малолѣтки, по-заводскому „хлопцы“, на особыхъ лоткахъ относили отъ печи сдѣланныя холявы. Чумазые, почти черные, съ включенными волосами и хрипыми голосами, быстро бѣгающіе взадъ и впередъ, эти ребятишки въ обстановкѣ гуты могли съ усиліемъ сойти за чертенятъ.

Техника еще не нашла лучшаго способа обработки расплавленной стеклянной массы, какъ выдуваніе; а для выдуванія простѣйшими, удобнѣйшими, незамѣтными до сихъ поръ мѣхами оказывается человѣческая грудь. Въ другихъ производствахъ рабочій работаетъ только руками, въ стеклянномъ—руками и легкими. Выдуваніе холявы,—гигантской стеклянной бутылки въ двадцать—двадцать пять вершковъ, а то и больше, высотой, — требуетъ громаднаго искусства, ловкости, быстрой сметки. Выдуть холяву надо такъ, чтобы, обрѣзанная по концамъ, и распластанная на плитѣ въ правильной печи, она дала листъ стекла совершенно ровной и определенной толщины по всей поверхности. Эта хитрая задача хорошими мастерами разрѣшается чуть ли не съ математическою точностью. Средства же для ея разрѣшенія употребляются самыя простѣйшія: медленное и равномерное выдуваніе, охлажденіе слишкомъ горячаго стекла водою, вращеніе трубки вокругъ ея оси, раскачиваніе или пользование центробѣжной силой, причѣмъ трубка съ большою скоростью перекидывается мастеромъ черезъ руку, а раскаленная холява очерчиваетъ высоко надъ головами рабочихъ дугу гигантскаго круга. Физическая сила, вниманіе, легкія—все напряжено. Здоровье рабочаго здѣсь всегда въ опасности. Съ одного бока онъ постоянно подвергается страшному жару, а съ другого охватывается струей наружнаго воздуха, свободно врывающейся въ ворота, въ окна, въ щели и въ отверстія крыши гуты. Зимній холодъ ежеминутно подвергаетъ стеклодѣла риску простуды; лѣтній зной томить его, лица послѣдняго средства освѣжиться. Жара отъ печи, утомленіе отъ работы, постоянно напряженное состояніе легкихъ при выдуваніи, вызываютъ мучительную жажду. Вы всегда то здѣсь, то тамъ видите потнаго, съ включенными, выбивающимися изъ-подъ фуражки волосами, мастера съ красными отъ жары

глазами, жадно припавшаго къ ковшу съ холодной водой. Ревматизмы, легочныя, глазныя болѣзни, тяжелые порѣзы стекломъ—постоянное на этихъ заводахъ явленіе. Впрочемъ, съ этой стороны дѣла я въ подробности познакомился уже позднѣе отъ доктора, время-отъ-времени посѣщавшаго заводъ, который поразсказалъ мнѣ не мало любопытнаго и ознакомилъ меня со всѣми отрицательными сторонами гигиенической обстановки стекляннаго дѣла. А въ то время, когда, оставленный на произволь судьбы хозяиномъ, я бродилъ между печами, холявами и сновавшими взадъ и впередъ „хлопцами“, въ числѣ которыхъ виднѣлось немало и дѣвочекъ, мое вниманіе было всецѣло поглощено самымъ процессомъ работы и тѣмъ искусствомъ и ловкостью, которыя проявляли въ ней рабочіе, и вопросъ объ отрицательныхъ сторонахъ дѣла еще не западалъ мнѣ въ голову. Я пытался раза два взойти на самый помостъ, построенный вокругъ печи, но появленіе моей фигуры среди рабочихъ, очевидно смущало ихъ. Я замѣчалъ, что мѣшаю имъ, такъ какъ, постоянно маневрируя массаи раскаленнаго стекла, они, видимо, боялись прожечь пальто посторонняго барина. На живую руку сколоченный помостъ дрожалъ подъ ногами, и, попятившись отъ проносимой передо мною холявы, я чуть не свалился въ глубокой прорѣзъ пролета.

— Какъ вы не падаете здѣсь?—вырвалось у меня невольное восклицаніе.

Ближайшіе рабочіе только улыбнулись.

— Смотрѣть надо,—кинулъ мнѣ одинъ изъ нихъ черезъ плечо.

— Зачѣмъ падать! Вотъ дядя Герасимъ въ прошломъ году свалился, такъ и ногу сломалъ!—пошутилъ другой.

— Упасть-то легко, а каково встанешь? — подхватилъ третій.

Я осторожно спустился внизъ и увидѣлъ подвигающуюся ко мнѣ фигуру хозяина.

— А я васъ ищу, ищу. Простите, дѣла... заговорился. Ну, ѣдемъ скорѣй чай пить да ужинать... Экая погода завернула!.. — И Петръ Петровичъ выругался крѣпкимъ словомъ по адресу свирѣпѣвшаго вѣтра и усилившагося дождя. Озлобленіе Сойкина находило теперь въ моей душѣ

полное сочувствіе; изсушенное жаромъ печи лицо вдвое сильнѣе прежняго чувствовало непогоду.

— Тяжелая работа,—сказалъ я, усѣвшись въ тарантасъ, болѣе отвѣчая на собственныя мысли, чѣмъ желая вызвать на разговоръ хозяина.

— Чѣмъ тяжелая? Они вѣдь семь—восемь часовъ работаютъ, да часовъ тридцать отдыхаютъ, пока слѣдующая варка идетъ. Работа совсѣмъ легкая; у нихъ шести рабочихъ часовъ въ сутки не выйдетъ.

— Да, но вѣдь условія-то работы каковы!

— Ну, что же вы хотите? Даромъ нынче денежки никому не даются; за-то у нихъ заработки хорошіе.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Еще бы! Хорошій мастеръ рублей до двадцати пяти, а то и больше въ мѣсяцъ возьметъ; плохой, лѣнивый рублей на пятнадцать вытянетъ, да квартиру какую мы имъ даемъ, да покось, огородъ,—посчитайте-ка!.. А въ винтъ вы играете?—внезапно перейдя въ совершенно другой тонъ, подъѣзжая къ дому, вдругъ обратился ко мнѣ Петръ Петровичъ.

Просторный и чистый, убранный комфортабельно, хотя безъ показной роскоши, домъ Сойкиныхъ производилъ впечатлѣніе жилья, устроеннаго солидно и основательно. Красные, натертые воскомъ полы, покрытые отъ двери къ двери цвѣтными дорожками, дубовые косяки и рамы, съ массивными, какъ жаръ блестящими, мѣдными петлями и ручками, ослѣпительной бѣлизны накрахмаленная скатерть и салфетки на столѣ, ярко начищенный самоваръ, — словомъ, все въ домѣ, до холеныхъ, пухлыхъ рукъ хозяйки включительно, носило тотъ отпечатокъ чистоты и довольства, который теперь часто встрѣчается въ усадьбахъ, перешедшихъ въ руки состоятельнаго, получившаго уже нѣкоторый культурный лоскъ, купечества и отличаетъ многія крѣпкія гнѣзда вновь нарастающей россійской буржуазіи отъ доброй половины стародворянскихъ усадебъ средней руки.

Самъ Петръ Петровичъ, прошедшій когда-то три курса одного изъ высшихъ техническихъ учебныхъ заведеній, сидя за хорошо сервированнымъ чайнымъ столомъ и поддакивая своей супругѣ, получившей тоже хорошее образованіе, произ-

водилъ совсѣмъ другое впечатлѣніе, чѣмъ часъ назадъ въ тарантасѣ. Красивый профиль, длинные черные волосы, пріятный голосъ и самоувѣренная любезность дѣлала его представителемъ хозяиномъ и пріятнымъ собесѣдникомъ.

Поглядывая на хорошія французскія гравюры на стѣнахъ и ведя разговоры о недостаточности земскихъ ассигновокъ на школы и дороги, трудно было представить себѣ, что рядомъ съ этой столовой рѣзнаго дуба, предпочитая при гостяхъ оставаться въ своей комнатѣ, сидитъ мать владѣльца завода, повязывающая голову темнымъ повойникомъ, едва умѣющая подписать свое имя, берегающая свѣчные огарки и постоянно ворчащая „на разныя энти новыя моды“. Старушка хорошо, конечно, помнила то время, когда она впервые пріѣхала сюда тридцать пять лѣтъ назадъ съ покойнымъ мужемъ, оставившимъ за собою по второй закладной въ 8.000 р. двѣнадцать тысячъ десятиныхъ лѣса по цѣнѣ въ 10 руб. за десятину; но ни она, ни сынъ не любили вспоминать это время.

— Да, вотъ помѣщики нынче жалуются, а и намъ, стеклодѣламъ, тоже круто приходится, — попалъ на своего любимого конька Петръ Петровичъ, закуривая послѣ ужина сигару. — Конечно, всѣ говорятъ, что мы, заводчики, благоденствуемъ. А не угодно ли наши барыши подсчитать, такъ увидите, что мы еле концы съ концами сводимъ. Только и выгоды, что свои дрова у себя на заводѣ безъ хлопотъ на дѣло сжигаемъ, а дохода — грошъ! Стеклодѣло нынче у насъ стало дѣло мелочное. Всякій еврейшка сколотить два — три десятка тышенокъ и норовить гуту поставить. Заводчики тоже! А намъ цѣны сбиваютъ. Вѣдь это не то, что ваши фабрики. Здѣсь я верчусь, верчусь, а на четверть миліона въ годъ не сработаю. Что же мнѣ отъ этого останется? Какихъ-нибудь тридцать — сорокъ тысячъ, а у меня здѣсь земли подъ лѣсомъ больше четырехъ тысячъ десятиныхъ. Положимъ, неважный лѣсъ, такъ себѣ — мелкія дровишки; а все-же рублей по 200 десятину надо считать. Я бы однихъ процентовъ, лежа на боку, могъ бы съ такихъ денегъ почти столько же получать, сколько мнѣ заводъ даетъ. А хлопоты, а заботы? Наконецъ долженъ же я и свою работу, просто какъ директоръ завода, ну, хоть въ семь — восемь тысячъ

рублей въ годъ положить; вотъ и подумайте, велики ли наши барыши!

Я слушалъ хозяина, и меня охватывало желаніе напомнить ему, за какую ничтожную сумму три десятка лѣтъ назадъ пріобрѣлъ его отецъ эту лѣсную дачу; онъ давно уже, конечно, распродавъ двѣ трети ея по мелочамъ, въ десять разъ покрылъ всѣ затраченныя въ дѣло деньги. Но эти простые слова почему-то не шли у меня съ языка. Вошедшій вовремя бухгалтеръ завода, недостававшій партнеръ для винта, вывелъ меня изъ неловкаго положенія.

На другое утро, проснувшись раньше хозяевъ, которые въ праздникъ не утруждали себя раннимъ вставаньемъ, я пошелъ посмотрѣть заводскій поселокъ. Длинная улица, вытянувшаяся по берегу пруда, скорѣе напоминала село, чѣмъ рабочую слободку. Привыкнувъ съ мыслью о фабричномъ жильѣ соединять представленіе о пяти-этажныхъ казармахъ, я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на эти жилища совѣмъ инаго типа. Они вполне напоминали обыкновенную большую избу, и только отдѣльные ходы съ двухъ концовъ каждаго дома указывали на то, что въ немъ живутъ двѣ семьи. Нѣсколько встрѣтившихся рабочихъ очевидно узнали меня. Я попросилъ позволенія посмотрѣть ихъ квартиры, и они сейчасъ же повели меня по своимъ домамъ. Внутри избы и сарайчика оказалось много хуже, чѣмъ казалось снаружи. Покосившіеся полы, покосившіеся окна, сырость по угламъ портили первое впечатлѣніе, но несмотря на то чувствовалась та семейная обстановка, которая, очевидно, скрашивала для рабочихъ всѣ недостатки постройки; а горшки гераній, фуксій и другихъ незатѣйливыхъ цвѣтовъ на подоконникахъ, бѣлыя занавѣски и бумажныя бахромки на полкахъ вмѣстѣ со многими другими мелочами ясно показывали, что своимъ жильемъ, быть-можетъ и плохимъ, но находящимся въ полномъ распоряженіи его семьи, рабочій дорожитъ и стремится его украсить. Въ одной квартирѣ я сталъ разспрашивать встрѣтившую насъ бабу объ ея хозяйствѣ; оказалось, что у нея есть огородъ, корова и пара свиней; сѣно для коровы косятъ сами съ участка, отводимаго заводомъ въ лѣсу.

— Да вы здѣсь и пашню завести можете,—пошутилъ я.

— И, что вы, батюшка! Зачѣмъ же намъ пашню?

— Какъ зачѣмъ? Хлѣбъ сѣять.

— Да наше ли это дѣло? развѣ мы мужики?

— А кто же вы?

— Мы—заводскіе. Развѣ мы лапти носимъ?— съ сознаниемъ собственного достоинства отвѣчала женщина, и вошедшіе со мной два мастера сочувственно ей поддакнули.

— А развѣ хлѣбъ сѣять плохо?— продолжалъ я въ шутиливомъ тонѣ.

— Плохо не плохо, а не наше это дѣло! Вотъ у меня и отецъ, и дѣдушка уже мастерами были, такъ мнѣ ужъ за соху не браться,— степенно замѣтилъ одинъ изъ пожилыхъ моихъ провожатыхъ.

Возвращаясь домой къ чаю, я встрѣтилъ по дорогѣ хозяина.

— Раненько встали! Плохо спалось?— любезно привѣтствовалъ меня Петръ Петровичъ.

Я разувѣрилъ его, что спалъ прекрасно, а теперь съ удовольствіемъ прогулялся и вмѣстѣ съ тѣмъ осмотрѣлъ заводскій поселокъ.

— Нашимъ житьемъ - бытемъ интересуетесь? Живемъ скромненько. Послѣ вашей-то фабрики, пожалуй, сѣро показалось?

Я сталъ возражать и, желая сдѣлать хозяину комплиментъ, сказалъ, что жилье его мастеровъ по типу мнѣ нравится гораздо больше нашихъ казармъ.

— Еще бы!— воскликнулъ онъ, у насъ не каморки. Мы ровно „по кубу на человѣка“ не отсчитываемъ! Изъ вашихъ казармъ наши рабочіе прямо сбѣжали бы! А намъ приходится мастера баловать, — мы въ его рукахъ, мы мастеровъ должны дорожить!

— Да и вѣдь и наша фабрика рабочимъ дорожить.

— Ну, гдѣ тамъ „дорожить“! Вы мужика отъ сохи возьмете, да въ два мѣсяца ткачемъ сдѣлаете. Простая баба у васъ черезъ полгода опытной работницей становится. А у насъ развѣ такъ? У насъ рабочіе поколѣніями вырабатываются. У насъ вѣдь ни машинъ, ни аппаратовъ никакихъ нѣтъ. Вся наша работа у мастера въ рукахъ. Достоинство товара, репутація завода— все прямо отъ искусства мастера

зависитъ. Ему десятки лѣтъ на этомъ дѣлѣ работать надо, чтобы глазъ и руку какъ слѣдуетъ изощрить. Вотъ мы за мастеромъ и гоняемся, и балуемъ его.

— А есть ли въ заводѣ какія-нибудь благотворительныя учрежденія?

— Какъ же! Школа есть, больница.

Я попросилъ ихъ мнѣ показать.

— Школа—это женино дѣло. А больницу что же смотреть? Интереснаго мало.

— А мнѣ все-таки любопытно.

— Да, пожалуй, — нехотя согласился хозяинъ, зайдемъ, благо намъ по дорогѣ. Вы только съ фабричной не сравнивайте. Хорошую больницу намъ держать не по средствамъ. Дѣлаемъ, что отъ насъ требуется. Не больше того. Докторъ наѣзжаетъ изъ Палкина — село тутъ въ восьми верстахъ — разъ въ недѣлю; а у насъ только фельдшеръ живетъ. Да перемѣнить его надо — пьяница попался! — Ну, вотъ, взгляните, если вамъ любопытно, проговорилъ Петръ Петровичъ, приглашая меня взойти на крыльцо домика въ четыре окна.

Маленькая прихожая, амбулаторія съ крошечнымъ шкафчикомъ для медикаментовъ и двѣ небольшихъ комнатки съ четырьмя желѣзными кроватями съ простыми сѣнниками подъ сѣрыми одѣялами изъ дешевой байки — вотъ и вся больница. Мрачно и неуютно было все это помещеніе съ его маленькими окнами; никакихъ слѣдовъ продолжительнаго пребыванія человека нельзя было замѣтить въ двухъ холодныхъ палатахъ, гдѣ такъ симметрично были размѣщены койки и по парѣ некрашенныхъ столовъ и стульевъ, составлявшихъ убогую обстановку больнички.

— А давно тутъ у васъ больные лежали?

— Право не помню, — равнодушно отвѣтилъ хозяинъ. Наши-то мастера не идутъ въ больницу — все больше дома отлеживаются. Не любить, знаете, русскій рабочій лѣчебницъ!...

Я не сталъ возражать.

— Ну, теперъ пора чай пить. Пойдемте-ко! Жена, поди, давно ждетъ. Мы вышли на дворъ.

— А вонъ тамъ, видите, на холмѣ, школа стоитъ. Вонъ, большой-то домъ, — показалъ рукой Петръ Петровичъ.

Школьное зданіе, по крайней мѣрѣ издали, смотрѣло нарядно и привѣтливо. За чайнымъ столомъ я похвалилъ его.

— Ну, по этой части вы уже съ Марьей Дмитриевной поговорите, — указаль на жену хозяинъ; — это ея дѣло. Кстати, мнѣ на заводъ надо сходить, такъ вамъ и тема для бесѣды готова.

Тема оказалась интересная, и любезная хозяйка долго, обстоятельно и живо рассказывала, какъ она школу устроила, сколько народу въ ней учится, и какъ охотно занимаются ребята, и какъ жалуются, когда по достиженіи ими двѣнадцати лѣтъ отцы возьмутъ ихъ въ заводъ. Очевидно, что тутъ, какъ и у насъ на фабрикѣ, училище было дѣтищемъ хозяйки, а не ея супруга.

— Марья Дмитриевна, — прервала насъ вошедшая горничная, — тамъ изъ Синькова шесть человѣкъ возчиковъ пришли, говорятъ, что хозяинъ велѣлъ имъ по полведра водки на человѣка отпустить.

— Какъ — водки отпустить? — сорвалось у меня невольно. — Развѣ вы платите рабочимъ водкой?

— Это не рабочіе, — спокойно заявила Марья Дмитриевна, — тѣмъ мы не имѣемъ права водку въ счетъ жалованья давать: законъ не разрѣшаетъ, и съ фабричной инспекціей могутъ неприятели выйти; а это возчики, — имъ можно. Они охотно въ счетъ своей работы вино берутъ.

— Но все-же какъ-будто неудобно водкой расплачиваться.

— Отчего же? Я же говорю вамъ, они охотно берутъ; а намъ есть расчетъ. Это дѣло коммерческое. — И устроительница школы пошла распорядиться отпустить водки шестерымъ возчикамъ въ счетъ ихъ заработка.

Я въ недоумѣніи пожалъ плечами.

Х. Инспекторская ревизія.

1. По фабрикѣ.

Наступилъ февраль. Еще въ ноябрѣ хозяева приобрѣли по сходной цѣнѣ тысячи двѣ вѣшъ новаго сорта хлопка.

который раньше на фабрике не перерабатывался. Работа съ этимъ хлопкомъ налаживалась плохо, и пряжа выходила менѣе прочной, чѣмъ обыкновенно. Вопросъ о непрочности пряжи задѣвалъ, конечно, весь техническій персоналъ фабрики и отражался между прочимъ на работѣ ткачей. Стали появляться жалобы на то, что „основы слабы“ и часто рвутся. Когда обрывается хоть одна нить основы, ткачъ долженъ остановить станокъ, чтобы поправить бѣду. Такимъ образомъ на каждое исправленіе тратится время; если же подобныхъ исправленій приходится дѣлать много, и станокъ для нихъ останавливается часто, то количество вырабатываемой ткани сильно понижается; а вмѣстѣ съ тѣмъ падаетъ и заработокъ ткачей, такъ какъ они всегда работаютъ сдѣльно и получаютъ плату по особому раздѣлку за каждый кусокъ сработаннаго товара. Все это заставило меня обратить вниманіе на поступающую къ намъ изъ придельнаго отдѣленія пряжу и серьезнѣе обыкновеннаго браковать каждую партію. Однажды, занимаясь этой работой, я оканчивалъ цѣлый рядъ техническихъ испытаній, когда въ дверь моей конторки, запыхавшись, вбѣжалъ мальчуганъ, служившій для посылокъ въ директорскомъ кабинетѣ, сунулъ мнѣ вчетверо сложенный листокъ бумаги и, произнеся однимъ духомъ „директоръ васъ къ себѣ просить, они въ кабинетѣ“, исчезъ съ такой же быстротой, съ какой появился.

Въ запискѣ стояло: „Если нѣтъ ничего особеннаго, сдайте дежурство теперь же помощнику, такъ какъ будете заняты цѣлый день. Приѣхалъ новый фабричный инспекторъ, хочеть осмотрѣть всю фабрику, а мнѣ съ нимъ возиться некогда. Вы сейчасъ, вѣроятно, свободнѣе другихъ“.

Черезъ пять минутъ, сдѣлавъ необходимыя распоряженія, я отправился къ директору.

— Ну, вотъ, позвольте васъ познакомить: новый фабричный инспекторъ, а это—нашъ ткацкій мастеръ, завѣдующій всѣмъ этимъ отдѣленіемъ, Ѳедоръ Павловичъ П.; онъ вамъ все покажетъ, а меня вы извините, мнѣ некогда.

Инспекторъ замѣтилъ, что теперь онъ и не желаетъ отрывать директора отъ дѣла; но послѣ осмотра, быть-можетъ, явятся кое-какіе вопросы, о которыхъ придется поговорить.

— Къ вашимъ услугамъ,—сухо проговорилъ директоръ и, обращаясь ко мнѣ, прибавилъ:—они вотъ желаютъ всю фабрику осмотрѣть, и казармы, и больницы и школу,—словомъ, все; такъ вы, пожалуйста, проведите и объясните, что придется; я думаю, что лучше всего начать по порядку, съ трепальни.

— Нѣтъ, я съ производствомъ хорошо знакомъ; порядокъ его мнѣ извѣстенъ. Я попрошу меня прямо провести въ тѣ отдѣленія, гдѣ дѣти работаютъ, въ прядильную — къ сельфакторамъ *) или къ проборщикамъ въ сновальню!

— Какъ угодно-съ!

И мы вдвоемъ вышли изъ кабинета.

— А, мое объявленіе уже виситъ!—признесъ, улыбаясь, инспекторъ, просматривая на стѣнѣ, на главной лѣстницѣ, массу законовъ, правилъ, обязательныхъ постановленій и объявленій, которыя требуется вывѣшивать на фабрикѣ во всеобщее свѣдѣніе. Между другими листами здѣсь виднѣлась четвертушка бумаги, гдѣ крупнымъ шрифтомъ было отпечатано, что Василій Васильевичъ Долгополовъ, фабричный инспекторъ такого-то участка, принимаетъ рабочихъ, фабрикантовъ и всѣхъ лицъ, желающихъ имѣть съ нимъ какія-либо объясненія, по субботамъ отъ 12-ти до 6-ти часовъ.

— Я только три дня назадъ прислалъ, а вы ужь и выѣсили, вы аккуратны.

— Мы всегда стараемся быть аккуратными,—замѣтилъ я.

— Ну, конечно, конечно. Большія мануфактуры, гдѣ штатъ служащихъ огромный, гдѣ конторы чуть ли не цѣлый департаментъ составляютъ, всегда исправно исполняютъ всѣ внѣшнія требованія закона.

Это упоминаніе объ исполненіи *внѣшнихъ* требованій закона задѣло меня, какъ лицо причастное къ фабрикѣ.

— Почему же вы говорите только о *внѣшнихъ* требованіяхъ закона. Мы стараемся и суть закона исполнять, его духомъ проникнуться.

*) Сельфакторъ—название особой, большой и весьма остроумной по конструкции прядильной машины. Одна часть этой машины неподвижна, а другая по особымъ маленькимъ рельсамъ непрерывно движется взадъ и впередъ, то вплотную подходя къ первой части, то откатываясь отъ нея аршинъ на пять.

— Да? Что-же, это прекрасно, прекрасно. Я этому очень радъ. А если я о *вытѣшности* заговорилъ, такъ вѣдь прежній опытъ меня на эти печальныя мысли наводитъ. Приходилось, знаете, такія фабрики встрѣчать, которыя о сути закона подѣ-часъ очень своеобразное представленіе имѣютъ, — чуть замѣтно усмѣхнувшись и внимательно глядя мнѣ въ глаза, проговорилъ инспекторъ ровнымъ голосомъ.

Я хотѣлъ возразить, но онъ перебилъ меня.

— Не будемъ спорить, а займемся лучше дѣломъ. Проведите-ка меня, пожалуйста туда, гдѣ пробирается основа. Войдя въ мастерскія, Василій Васильевичъ вынулъ записную книжку и карандашъ и съ видомъ привычнаго человѣка быстро пошелъ по ткацкой, лишь на перекресткахъ узкихъ проходовъ между станками немного замедля шагъ и среди гремящихъ и стучащихъ машинъ взглядомъ спрашивая меня, куда слѣдуетъ идти.

Пройдя двѣ длинныхъ ткацкихъ залы и свернувъ въ сторону, мы вошли въ помещеніе, послѣ шума и тѣсноты ткацкой странно поражавшее тишиной и сравнительнымъ просторомъ. Въ моментъ нашего прихода здѣсь работало около 40 дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ. Они „пробирали“ совершенно готовыя основы. Для того, чтобы образовалась ткань, нити основы, какъ извѣстно, по очереди опускаются и поднимаются, такъ что утокъ, спускающійся со шпульки прокидываемаго то съ одной, то съ другой стороны челнока, образуетъ переплетеніе. Это переплетеніе въ обыкновенныхъ тканяхъ, какъ митгаль, совершенно такое же, какъ въ простой рогожѣ. Для поднятія и опусканія нитей основы служатъ ремизки. Ремизка — тѣсный рядъ вертикальныхъ короткихъ нитей, закрѣпленныхъ на двухъ горизонтальныхъ планочкахъ; длина этихъ планочекъ равна ширинѣ ткани, посреди каждой нити находится петля — глазокъ. Въ эти „глазки“ и надо продѣвать нить основы. Двое ребятъ садятся другъ противъ друга, а ремизки, не менѣе двухъ, вѣшаются на особомъ станкѣ между дѣтьми. Основа, нить за нитью, продѣвается при посредствѣ особыхъ крючковъ въ глазки то одной, то другой ремизки. Всѣ четныя нити попадаютъ въ глазки одной ремизки, а нечетныя — въ глазки другой. На ткацкомъ станкѣ поочереды поднимается то та,

то другая ремизка и поднимаетъ тѣ или другія нити основы. Работа проборщика, на видъ очень легкая, требуетъ большаго вниманія и напряженія зрѣнія, такъ какъ пропускъ двухъ — трехъ нитокъ или глазковъ можетъ испортить все дѣло. Сидячее положеніе, согнутая спина и вынужденная сосредоточенность скоро утомляютъ 12—14-ти лѣтнихъ работниковъ, и дѣти въ этомъ отдѣленіи обыкновенно имѣютъ усталый, нездоровый видъ и желтыя блѣдныя лица.

Василій Васильевичъ осмотрѣлъ ихъ всѣхъ, спросилъ нѣкоторыхъ, посѣщали ли они школу и сколько времени въ день работаютъ. Девятичасовая дѣтская работа двумя упряжками, по четыре съ половиной часа каждая, заставила его недовольно поджать губы. Записавъ въ свою книжку имена и фабричныя нумера нѣсколькихъ самыхъ на видъ маленькихъ дѣтей, онъ круто повернулъ въ ткацкую и, просматривая по дорогѣ расчетныя книжки нѣкоторыхъ рабочихъ, спрашивалъ ихъ, какъ кажется, о томъ, въ которомъ часу они выходятъ на работу, когда кончаютъ, когда обѣдаютъ и т. п. Ткацкіе станы гремяли и ясно разслышать разговоръ инспектора съ ткачами, конечно, было невозможно. На ходу онъ дѣлалъ какія-то отмѣтки въ своей книжкѣ, очевидно относящіяся то къ машинамъ, то къ рабочимъ.

— Скажите, пожалуйста, вы не имѣли за послѣднее время отъ ткачей никакихъ жалобъ и заявленій? — обратился ко мнѣ инспекторъ послѣ того, какъ, обойдя цѣлый рядъ ткацкихъ залъ, мы покончили съ ткацкимъ отдѣленіемъ.

— То есть какихъ заявленій?

— Ну, какихъ -нибудь. Напримѣръ хотя бы о недостаткахъ пряжи?

— Да, были, — отвѣчалъ я.

— Что же, вы находите ихъ неосновательными?

— Да, изъ нихъ заслуживаютъ вниманія только ничтожная часть.

— То есть вы находите, что пряжа послѣднее время была въ общемъ не хуже обыкновеннаго, и ея недостатки не отражались на заработкахъ? — настойчиво, не спуская съ меня глазъ, продолжалъ свои вопросы инспекторъ.

— Нѣтъ, я же говорю, что иногда такіе случаи бывали, но жалобы ткачей преувеличены, а самые случаи очень рѣдки.

— Позвольте, позвольте, я теперь хочу только выяснить, бывали ли за послѣднее время такіе случаи, а насколько они часты—это другой вопрос. Изъ вашихъ словъ я вижу, что это случилось.

— Да, случилось,—наконецъ вынужденъ я былъ признаться.—Но какъ вы объ этомъ узнали?

— Такъ, были анонимныя письма и заявленія.. Пожалуйста, пройдемъ въ прядильное отдѣленіе.

Мы перешли черезъ дворъ и бѣгло обошли весь корпусъ, останавливаясь дольше опять-таки въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ была сосредоточена работа дѣтей и подростковъ.

Мнѣ въ первый разъ приходилось обходить фабрику съ однимъ изъ фабричныхъ инспекторовъ, о которыхъ за послѣднее время мнѣ приходилось не мало слышать и читать. Меня занимало, что этотъ человѣкъ, такой же какъ и я, техникъ по образованію, проводящій подобно намъ мастерамъ, чуть ли не половину жизни между фабричными станками и машинами, смотреть на нихъ и на всю картину фабричной жизни совершенно не такъ, какъ смотримъ мы. Минутами мнѣ представлялось, что у него какъ-будто одѣты какія-то особыя очки, которыя предъ его умственными глазами увеличивали во много разъ все то, что для техника казалось мелкимъ, несущественнымъ, и, напротивъ, затѣняли все важное, серьезное, чѣмъ обуславливалось техническое и коммерческое совершенство фабрики.

Ужъ въ первый моментъ, при самомъ входѣ въ мастерскія, меня поразило это долгое внимательное разсмотрѣніе правилъ, постановленій и разныхъ объявленій, которыя фабрика обязана вывѣшивать. Я лично никогда не заглядывалъ въ эти огромныя печатныя бланки, и добрая половина ихъ по содержанію была мнѣ совершенно незнакома; такъ же относились къ нимъ и мои сотоварищи. Директоръ же только проницески посмѣивался, когда получалъ что-нибудь новое съ предложеніемъ „вывѣсить на видномъ мѣстѣ во всеобщее свѣдѣніе!“

„Ну, скоро мы лѣстницу въ родѣ какъ обоями покроемъ. И чѣмъ только они тамъ въ фабричномъ присутствіи занимаются! Удивительно! А намъ на рамки со стекломъ расходъ лишній. И кто это читаетъ!“

Проходя мимо станковъ, Василій Васильевичъ обыкновенно пристально всматривался въ такія части и мелочи, къ которымъ администрація фабрики относилась почти равнодушно или, по меньшей мѣрѣ, небрежно.

— Что это, какой у васъ полъ неровный?—спрашиваетъ онъ, напимѣръ, выходя изъ ткацкой.

Я оглядываюсь, и только теперь привычная и примелькавшаяся моему глазу непримечательность нашего пола бросается мнѣ въ глаза: выбившійся, скользкій, онъ мѣстами представляетъ цѣлыя рытвины.

— Да, надо поисправить...

— Даже и поскорѣе!—въ тонъ перебиваетъ меня инспекторъ.—На такомъ полу и ноги поломать можно и, поскольку знувшись, подъ машину угодить.

Идемъ по прядильнѣ. По желѣзнымъ рельсамъ взадъ и впередъ на колесикахъ регулярно и безостановочно двигаются каретки сельфаторовъ, Присучальщики и прядильщики, наблюдая за машиной и поправляя порвавшіяся нити, постоянно ходятъ по полу вдоль катящейся машины, то нагоняя ее сзади, то отступая, когда она надвигается. Рабочіе, особенно подростки, часто наступаютъ на рельсъ, и при малѣйшей неосторожности накатывающееся колесо можетъ отдавить имъ ногу.

— Почему это у васъ на нѣкоторыхъ сельфаторахъ колеса имѣютъ огражденія, которыя отодвигаютъ при приближеніи машины ногу рабочаго съ рельса, а на другихъ машинахъ ихъ нѣтъ?—любопытствуетъ инспекторъ.

— Да у насъ кажется, нигдѣ нѣтъ; я что-то не припомню.

Мы возвращаемся назадъ, и на шести мюляхъ дѣйствительно находимъ огражденія. Я, мало знакомый съ прядильнымъ корпусомъ, не могу дать надлежащее объясненіе. Обращаемся къ подмастерью. Оказывается, что это—машины новыя и съ огражденіями пришли уже изъ Англїи.

— Ну, теперь ясно,—говорю я: Фабрика тутъ непричемъ. Машины прямо въ такомъ видѣ пришли съ англійскаго завода!

— То есть ясно,—перебиваетъ инспекторъ,—что можно сдѣлать огражденія, и что это настолько просто, что любой вашъ слесарь сумѣетъ ихъ сдѣлать. Но почему вы по этимъ

образцамъ на другихъ мяляхъ колесъ не закрыли,—это со-
всѣмъ неясно. По крайней мѣрѣ, для меня,—въ шутливомъ
тонѣ добавляетъ Василій Васильевичъ.

Я ради приличія пытаюсь что-то возразить, но спутникъ,
торопясь, увлекаетъ меня дальше.

Бѣглый обходъ корпусовъ потребовалъ около двухъ часовъ
времени. При выходѣ изъ придильни мы сѣли въ пролетку,
поданную намъ по приказанію директора, проѣхали къ кра-
сильнѣ, а оттуда, закусивъ по дорогѣ въ нашемъ клубѣ,
начали объѣздъ всего, раскинувшагося на полторы квадрат-
ныхъ версты, фабричнаго поселенія, — школу, жилые кор-
пуса, больницу. Особенно много времени, сверхъ всякаго для
меня ожиданія, взяла лавка. Эту лавку, называемую въ шутку
на фабрикѣ нашимъ „Мюрь и Мерилизомъ“, я раньше почти
не зналъ. Мое знакомство съ ней ограничивалось лишь тѣмъ,
что кухарка забирала въ ней необходимые продукты, и про-
дукты эти были недурны. Подробный осмотръ ея возбуждалъ
во мнѣ даже нѣкоторый интересъ, такъ какъ, по существу
дѣла, она представляла отдѣльное коммерческое учрежденіе,
довольно серьезное по размѣру. На фабрикѣ носились слухи,
что дѣло въ лавкѣ ведется добросовѣстно; хозяева, кажется,
старались, какъ это бываетъ въ другихъ мѣстахъ, не дѣлать
изъ нея спеціальнаго средства наживы и, продавая служа-
щимъ, рабочимъ, а частью и постороннимъ лицамъ въ общей
суммѣ тысячъ на четыреста—пятьсотъ въ годъ, ограничивали
свои барыши тѣмъ, что накидывали на покупную цѣну то-
варовъ отъ пяти до пятнадцати процентовъ чѣмъ и покрыва-
лись расходъ по содержанію лавки, процентъ на капиталъ,
вложенный въ это дѣло, и нѣкоторыя неизбѣжныя потери,
въ родѣ усушки керосина или порчи до негодности съѣст-
ныхъ припасовъ. Убытка, конечно, лавка не давала, но тѣ
десять—пятнадцать тысячъ рублей, которыя оставались въ
теченіе года въ барышахъ, не играли серьезной роли въ
огромныхъ доходахъ хозяевъ, и они готовы были ими по-
ступиться ради доброй славы своей лавки,—тѣмъ болѣе, что
добрая слава фабрики вообще и лавки въ частности привле-
кала на мануфактуру рабочихъ.

Когда мы подъѣхали къ большому, въ двѣнадцать оконъ,
флигелю, занимаемому нашимъ магазиномъ, то въ дверяхъ

насъ встрѣтилъ завѣдующій торговлей приказчикъ. Плотный, высокаго роста, съ сильною просѣдью въ густыхъ волосахъ и окладистой бородѣ, съ розовыми щеками и узкимъ разрывомъ сѣрыхъ плутоватыхъ глазъ, Степанъ Ѳомичъ представлялся мнѣ типичнымъ сидѣльцемъ бойкой базарной торговли въ селѣ или въ уѣздномъ городѣ Средней Россіи. Онъ понималъ прекрасно всѣ выгоды своего положенія на фабрикѣ, дорожилъ ими и зналъ, что хозяева отъ него требуютъ добросовѣстнаго веденія дѣла. Этого было, конечно, болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы „добросовѣстность“ стала для него девизомъ. Онъ негодовалъ на своихъ помощниковъ, если замѣчалъ хотя малѣйшее отступленіе отъ установленныхъ правилъ, въ двадцать четыре часа уволилъ приказчика за отпускъ несвѣжей селедки и поднималъ шумъ чуть не на весь дворъ, когда однажды замѣтилъ, что въ заборной книгѣ всѣ отпускаемаго артели граборовъ хлѣба были помѣчены выше дѣйствительнаго. Пошумѣть по такому случаю онъ и умѣлъ, и любилъ; любилъ именно потому, что въ это умѣнье „шумѣть“ очень нравилось въ немъ и ховяину, и рабочимъ.

Но, странное дѣло, чѣмъ больше горячился Степанъ Ѳомичъ, доказывая необходимость строго наблюдать въ лавкѣ интересы фабричнаго населенія, тѣмъ больше чувствовалъ я, что стоить владѣльцу шепнуть слово—и сейчасъ же симпатія, энергія и работа ловкаго приказчика получить совершенно иное направленіе.

И какъ немного, въ сущности, надо было, чтобы превратить фабричный магазинъ въ надежнѣйшее средство эксплуатаціи всего этого восьмитысячнаго населенія, которому нигдѣ, кромѣ фабричной лавки, никто безъ ручательства конторы на полтинникъ въ кредитъ иначе, какъ за бѣшеные проценты, не повѣритъ. Закупать товары чуть-чуть похуже да накинуть на всѣ главнѣйшіе продукты по полторы, по двѣ копейки въ цѣнѣ—вотъ и все! А вѣдь это вполне возможно, несмотря ни на какія таксы фабричной инспекціи, такъ какъ инспекція не имѣетъ же данныхъ для опредѣленія дѣйствительно минимальной цѣны каждаго сорта каждаго товара. Такими нехитрыми приемами при обезпеченномъ полу-милліонномъ оборотѣ безъ всякихъ особыхъ усилій можно было бы поднять доходъ лавки до доброй сотни тысячъ

рублей въ годъ, и трудно было бы придумать какое-либо средство защиты фабричнаго люда противъ такого веденія торговли; дѣйствительнымъ могло бы въ этомъ случаѣ оказаться лишь полное воспрещеніе отпуска товаровъ въ кредитъ.

Нашъ законъ давно уже отнесся къ фабричнымъ лавкамъ въ принципѣ неодобрительно; такъ же относятся къ нимъ и общественное мнѣніе, а русская жизнь для борьбы съ злоупотребленіями въ фабричныхъ магазинахъ выработала довольно дѣйствительный палліативъ—подчиненіе ихъ надзору инспекціи съ предоставленіемъ ей права устанавливать продажныя таксы; но радикальное средство противъ зла,—средство испытанное и одобренное на Западѣ,—полное воспрещеніе отпуска товаровъ въ кредитъ и требованіе выдачи фабрикою всего заработка исключительно наличными деньгами,—до сихъ поръ еще не вошло у насъ ни въ жизнь, ни въ законъ. А уничтоженіе фабричныхъ лавокъ, при существованіи которыхъ возможны и недоразумѣнія, и эксплуатація, само по себѣ, конечно желательно. Для подтвержденія этой мысли достаточно припомнить, съ какимъ ожесточеніемъ разбивались подобные магазины при нѣкоторыхъ фабричныхъ беспорядкахъ.

Однако надо же сказать что-нибудь и въ защиту дѣйствующаго закона. За него говорить полное отсутствіе у насъ тѣхъ формъ взаимопомощи рабочихъ, которыя такъ распространены на Западѣ. У насъ нѣтъ ни правильно поставленныхъ потребительныхъ обществъ, ни кассъ взаимопомощи. Нашъ рабочій, является на фабрику одиночкой, безъ денегъ, безъ сбереженій. Для того, что бы онъ могъ какъ нибудь пропитаться до первой получки, ему необходимо кредитъ. Иногда правда, онъ находитъ этотъ кредитъ въ артели, но если артели рабочихъ на фабрикѣ нѣтъ, то онъ нигдѣ не найдетъ болѣе льготныхъ условій для забора харчей въ долгъ, какъ въ хозяйской лавкѣ. При низкихъ заработкахъ и рѣдкихъ выдачахъ денегъ, которыя обыкновенно выплачиваются не чаще одного раза въ мѣсяцъ, рабочій, конечно, нуждается въ кредитѣ. Такое положеніе вещей до извѣстной степени оправдываетъ снисходительное отношеніе нашего закона къ фабричной лавкѣ. И можно, пожалуй, думать, что воспрещеніе отпуска рабочимъ изъ хозяйскихъ лавокъ харчей въ

вредить на первое время, вѣроятно, не безъ затрудненія перенеслось бы и самими рабочими.

Надо сказать, однако, что войдя съ Василиемъ Васильевичемъ въ лавку, мы не могли заниматься этими теоретическими разсужденіями, такъ какъ Степанъ Ѳомичъ сразу же оглушилъ насъ потоками своего краснорѣчія.

— Пожалуйте, пожалуйста! Очень рады. А я ужъ жалѣлъ! Думалъ, что по позднему времени не заѣдете. А намъ вѣдь всегда пріятно показать фабричной инспекціи дѣла наши, да кстати и кое о чемъ посовѣтоваться, потому какъ хозяева наши очень интересуются, чтобы все было въ полномъ порядкѣ и къ тому же прежде всего, чтобы безъ всякой обиды для рабочаго человѣка и по всѣмъ правиламъ!

Вотъ-съ это лабазъ,—проговорилъ онъ, обводя рукой комнату, въ которой мы стояли.—Не угодно ли хлѣба откушать, мѣки посмотрѣть. Отличныя у насъ нынче мѣки! Мельница-то своя, а рожь была просто на рѣдкость—больше девяти съ половиною пудовъ. Чудесную рожь въ Козловѣ нынче купили!

Вотъ-съ рыбное отдѣленіе—тарань, сельди... Мясо прекрасное со своей бойни, въ иной день по шести скотинъ бьемъ... И, не давая намъ рта открытъ, Степанъ Ѳомичъ водилъ насъ по огромному, въ пять большихъ оконъ, лабазу и по мясной отъ товара къ товару. Тѣмъ же порядкомъ были показаны содержимые въ образцовой чистотѣ пекарня, въ которой выпекалось до четырехсотъ пудовъ ржанаго хлѣба въ день, и погреба, гдѣ въ трехсотъ пудовыхъ кадкахъ хранилось неизчислимое количество солонины и капусты; затѣмъ мы вернулись въ лабазъ и черезъ него прошли въ большое помещеніе, гдѣ продавалась посуда и желѣзный товаръ.

Потокъ краснорѣчія Степана Ѳомича не прекращался ни на минуту, такъ что даже фабричный инспекторъ, при всей своей выдержанности, начиналъ высказывать нѣкоторые признаки нетерпѣнья. Наконецъ, мы вошли въ послѣднюю, третью, часть лавки, гдѣ былъ расположенъ огромный для уѣзднаго захолустья магазинъ мануфактурнаго, галантерейнаго и парфюмернаго товара. Здѣсь вы могли найти все, что угодно, начиная отъ дешеваго ситца и кончая духами Сіу и Бровара.

— Зачѣмъ вы такія - то вещи держите? — спросилъ Василій Васильевичъ, указывая на дорогой парфюмерный товаръ.

— А нельзя-съ, — спрашиваютъ. Ей-Богу, даже мастеровые спрашиваютъ. Любятъ, знаете, тоже, напримѣръ, духовъ или мыльца своей душенькѣ поднести; и окрестные жители тоже берутъ, вотъ станціонные, помѣщики нѣкоторые. Конечно, въ кредитъ рабочимъ этого мы не отпускаемъ. Ни-ни! Это ужъ строжайшій отъ хозяина запретъ. Мы этимъ товаромъ на наличныя торгуемъ. И вотъ, извольте видѣть, вы все нашу таксу исправляете и даже нѣкоторыя вещи въ ней зачеркнуть изволили, а долженъ я сказать, что рабочему это. не въ пользу. Напримѣръ, обувь, сапоги тамъ, ботинки; фабричная инспекція намъ продавать такой товаръ не разрѣшаетъ!...

— Какъ не разрѣшаетъ? — прервалъ надоѣдливо-непрерывную рѣчь говоруна инспекторъ. — Я не разрѣшаю въ *кредитъ* продавать; они могутъ брать на наличныя.

— Вотъ именно, я на счетъ кредита и говорю-съ. Мы имъ въ кредитъ не продаемъ, а однако же здѣсь кругомъ фабрики до десяти сапожниковъ живетъ, и всѣ они нашимъ рабочимъ сапоги шьютъ и все въ кредитъ, — а только за то, что у насъ три рубля стоить, онъ, каналья, пять беретъ, — и платятъ-съ ему, платятъ, потому что сапоги, скажемъ сегодня развалились, а расчетъ еще черезъ три недѣли, а безъ сапогъ между прочимъ нельзя-съ.

— Ну съ этимъ я ужъ ничего не могу подѣлать, — пожалъ плечами Василій Васильевичъ... Въ кредитъ, знаете, забирается слишкомъ легко. Разрѣши рабочимъ щегольскіе пиджаки да лаковые ботинки въ кредитъ покупать, такъ у нихъ на необходимое ничего не останется. Такой товаръ они могутъ на чистыя деньги брать. Пусть контора чаще съ рабочими рассчитывается.

— Помилуйте, у насъ и такъ каждый мѣсяцъ расчетъ!

— А за границей такъ каждую недѣлю.

— У насъ этого нельзя: пьянствовать больше будутъ.

— Ну, тамъ, гдѣ это заведено, пьянство не увеличивается. Это просто одно изъ нашихъ старыхъ заблужденій, которыя повторяются всѣми безъ всякихъ основаній и до-

казательствъ, обратился уже ко мнѣ Василій Васильевичъ.

— Но, знаете, рассчитывать каждую недѣлю четыре тысячи рабочихъ—вѣдь это ужасно затруднительно; у насъ вѣдь всѣ получаютъ сдѣльно; сколько же времени должна контора потратить только на то, чтобы ихъ заработокъ подсчитать! постарался я защитить наши порядки.

— Но скажите же, почему за-границей такія же фабрики, а то и гораздо большія, рассчитываютъ акуратно каждую недѣлю и не жалуются?...

Я, слабо знакомый съ иностранными заводскими обычаями, могъ только въ недоумѣніи пожать плечами; а Степанъ Омичъ, видя, что нашъ разговоръ принимаетъ щекотливое направление политично постарался перевести его на другую тему.

— Вотъ тоже, началъ онъ, насчетъ посуды...

Но Василій Васильевичъ торопливо простился и попросилъ меня отвезти его въ то помѣщеніе, гдѣ ему придется почевать, чтобы отдохнуть передъ ужиномъ.

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда около 7-ми часовъ, проѣздивши по фабрикѣ цѣлый день, мы подѣзжали къ особому дому, въ восемь прекрасно меблированныхъ комнатъ, предназначенному специально для пріѣзжихъ.

— До завтра! простился со мной инспекторъ. Завтра я еще въ школы побываю да съ директоромъ поговорить надо. Мнѣ очень хотѣлось бы, чтобы вы присутствовали при моемъ разговорѣ съ директоромъ. Вы можете мнѣ возстановить въ памяти кое-что. Могу ли я васъ просить завтра, часовъ въ одиннадцать? Хорошо?

Мнѣ, конечно, оставалось только выразить согласіе; и мы пожали другъ другу руки.

Я направился къ директору, чтобы рассказать ему о нашей поѣздкѣ по фабрикѣ, но оказалось, что онъ уѣхалъ въ Москву и долженъ вернуться только ночью.

2. Въ директорскомъ кабинетѣ.

На другой день послѣ объѣзда мануфактуры съ фабричнымъ инспекторомъ я по обыкновенію вышелъ въ ткацкую въ шесть часовъ утра. На недостатокъ работы у насъ не

приходилось жаловаться никогда, теперь же, послѣ того, какъ цѣлый день мнѣ пришлось провести внѣ мастерской, ея накопилось, конечно, больше обыкновеннаго. Занятой дѣломъ я не замѣтилъ, какъ миновалъ назначенный Василемъ Васильевичемъ часъ и былъ почти удивленъ, когда въ четверть двѣнадцатаго за мной прибѣжалъ тотъ же самый мальчуганъ, который и наканунѣ принесъ мнѣ директорскую записку. Разговоры съ инспекторомъ успѣли мнѣ пріѣсться уже за вчерашній день и теперь, когда я подумалъ, что имъ придется посвятить еще нѣсколько часовъ, меня охватило чувство досады, и я готовъ былъ уже послать записку о неотложныхъ дѣлахъ, задерживающихъ меня въ ткацкой. Однако послѣ минувшаго колебанія такой выходъ изъ затруднительнаго положенія показался мнѣ не деликатностью и малодушіемъ въ одно и то же время. Я зашелъ на минуту въ свою конторку, чтобы умыть руки и стряхнуть пыль съ пиджака, и направился въ директорскій кабинетъ.

Объ этой комнатѣ, отъ обстановки которой вѣяло духомъ какой-то суровой дѣловитости, стоитъ сказать, нѣсколько словъ. Въ отсутствіе директора туда не проникалъ никто, а при немъ входили либо по его приглашенію, либо попросивъ предварительнаго разрѣшенія. Когда директоръ уходилъ, то комната воегда была заперта на ключъ; когда же онъ былъ здѣсь, то у дверей постоянно стоялъ дежурный мальчикъ. Скучную меблировку составляли два огромныхъ письменныхъ стола, заваленные конторскими и техническими книгами, и два совершенно простыхъ, но очень большихъ шкафа, набитыхъ тѣмъ же, нѣсколько приборовъ для испытанія пряжи и хлопка, микроскопъ на особомъ столикѣ у окна и 3—4 стула. Эти стулья зачастую тоже чѣмъ-нибудь были завалены, почему молодымъ техникамъ, вызываемымъ въ кабинетъ для дѣловыхъ объясненій, нерѣдко приходилось стоять въ продолженіе всей бесѣды съ нашимъ Юпитеромъ.

Такъ убранъ былъ кабинетъ, гдѣ человекъ, получавшій свыше двадцати пяти тысячъ рублей въ годъ, проводилъ за усиленной работой цѣлые дни, а нерѣдко, можетъ-быть, и большую часть ночи; по крайней мѣрѣ, проходя поздною порой по двору, техники частенько замѣчали свѣтъ въ окнѣ кабинета и отличали въ немъ характерный профиль съ рѣз-

кими очертаніями лба и носа и съ большою окладистою чисто-русскою бородой. Что скудость и жесткость этой обстановки, такъ мало напоминавшей роскошныя кабинеты директоровъ многихъ фабрикъ и заводовъ, была только умно рассчитана и не соответствовала дѣйствительнымъ вкусамъ директора, въ томъ убѣждался всякій, кому случалось хоть разъ повидать уютную, комфортабельную обстановку его собственной квартиры.

Когда я вошелъ въ кабинетъ, въ немъ царилъ глубокая тишина, которая не предвѣщала ничего хорошаго. Директоръ, откинувшись на спинку стула, нервно барабанилъ пальцами по столу, а сидѣвшій противъ него фабричный инспекторъ угрюмо молчалъ, перелистывая свой журналъ; передъ нимъ возвышалась гора развернутыхъ расчетныхъ книжекъ, а сбоку на столѣ лежало пять или шесть огромныхъ конторскихъ книгъ въ черныхъ переплетахъ съ сѣрыми корешками.

— Такъ, вотъ-съ, я и говорю, что расчетная книжка, представляющая собою договоръ, заключаемый между рабочимъ и фабрикой, должна вестись строго согласно установленной формѣ. И я очень просилъ бы васъ придерживаться этой формы. А то у васъ попадаютъ книжки, въ которыхъ не указано, напримѣръ, на своихъ или хозяйскихъ харчахъ рабочіе. Есть и такія, гдѣ сроки выдачи денегъ не опредѣлены, а о срокѣ найма я уже и не говорю: онъ нигдѣ, ни въ одной книжкѣ не вписанъ!..

Такими словами, медленно, скучно-ровнымъ голосомъ, какъ говорятъ вещи, которыя приходится повторять каждый день, черезъ нѣсколько минутъ молчанія началъ прерванный моимъ приходомъ разговоръ инспекторъ.

— Да вѣдь я же уже объяснялъ, что всѣ наши рабочіе прекрасно знаютъ, что фабрика нанимаетъ ихъ на срокъ, и что срока этихъ два—по Пасху и по Покровъ.

— Я это тоже знаю, но если рабочій пойдетъ почему-нибудь жаловаться на фабрику въ судъ или ко мнѣ, то ему именно важно въ книжкѣ имѣть указаніе, на какой срокъ онъ нанятъ.

— Это видно изъ правилъ внутренняго распорядка.

— Эти правила могутъ быть вклеены въ книжки, а мо-

гуть и не быть. Во всякомъ случаѣ, повторяю, установленная форма требуетъ...

— Форма! Но вѣдь это же совершенно не существенно! Это формализмъ!—начиналъ горячиться директоръ.

— Видите ли, эта форма можетъ сослужить рабочему въ иныхъ случаяхъ серьезную службу.

— Никогда-съ форма серьезна быть не можетъ! Только вы придаете ей значеніе. Рабочій на нее не смотритъ. Въ его глазахъ она ничего не стоитъ, глухимъ голосомъ возражалъ директоръ.

— Рабочій на нее не смотритъ до поры—до времени. А представьте, что фабрика уволить его безъ законныхъ основаній. Если онъ обратится съ жалобой на это въ судъ, то и для него, и для судьи въ этомъ случаѣ очень важно указаніе срока найма въ самой книжкѣ.

— Ну-съ, повѣрьте, что и я, и каждый мастеръ, если захотимъ, всегда сумѣемъ рабочаго уволить на совершенно законномъ основаніи. Да просто любой подмастерье можетъ такъ, какъ говорится, его донять, что онъ самъ уйдетъ.

— Неужели же вы думаете, что я этого не знаю?—глядя въ упоръ на директора, заговорилъ его собесѣдникъ. —И злоупотребленія, и обходъ всякаго закона всегда возможны. Это—азбучная истина и, къ сожалѣнію, намъ, фабричнымъ инспекторамъ, она слишкомъ хорошо извѣстна. Наше дѣло по мѣрѣ силъ поставить препятствія недобросовѣстности съ обѣихъ сторонъ, сузить проявленіе произвола,—словомъ, помочь водворенію *понятія законности*, а отдѣльные случаи нарушенія закона надо каждый разъ разбирать отдѣльно. А если вы захотите отъ рабочаго отдѣлаться во что бы то ни стало, то это конечно, даже на вполне законномъ основаніи, всегда возможно, сдѣлать. У меня въ практикѣ бывали случаи, когда фабрика ставила рабочему только одно требованіе: чтобы онъ къ работѣ не прикасался—и человекъ самъ убѣгалъ. Скажутъ ему: получай столько же, сколько ты раньше получалъ, но не стой у машины, а въ той же мастерской, гдѣ раньше работалъ, сиди въ уголкѣ смиренно на табуреткѣ—и отъ такого дурацкаго положенія человекъ бѣжитъ безъ оглядки. Конечно, долженъ сказать, что такое отношеніе фабрики къ личности рабочаго—исключеніе, и,

надѣюсь, рѣдкое исключеніе. Теперь же для меня интересны не рѣдкостные случаи, а общее правило.

Василій Васильевичъ замолчалъ и опять углубился въ книги и книжки.

— Да, фабрику вы преслѣдуете за нарушеніе закона, а съ рабочаго-то что вы возьмете? Не выдержавъ молчанія, началъ директоръ. Вотъ у меня въ прошломъ году въ самое нужное время 20 прядильщиковъ ушло, такъ что даже за-насныхъ не хватило; пришлось четыре машины остановить. Знали, каналы, когда уйти. Видѣли, что пряжа нужна; думали, что я имъ прибавлю! Ну, конечно, меня на это не такъ то легко поддѣть—я старый воробей! Но не въ этомъ дѣло! Я Вася спрашиваю,—что же я могъ съ ними сдѣлать?

— Какъ что? Да вы обратились бы къ тогдашнему фабричному инспектору, онъ бы ихъ привлекъ къ судебной отвѣтственности; земскій начальникъ ихъ бы подъ арестъ посадилъ.

— Благодарю покорно! Къ земскому начальнику! А тогъ ихъ оправдаетъ или на три дня подъ арестъ посадитъ, а я канителиться буду! За такой уходъ рабочаго слѣдовало бы...

Директоръ не сразу могъ найти достаточно сильное наказаніе для рабочаго.

— Въ каторгу ссылать?—пошутилъ инспекторъ. Ну, мы здѣсь съ вами, пожалуй, и не сойдемся во мнѣніяхъ. Мнѣ думается, что и такъ законъ нашъ очень строгъ къ рабочему. Онъ вѣдь, уходя, не уголовщину какую-нибудь совершаетъ, а только вамъ убытки наноситъ, ну и ищите съ него убытки. А за что же арестовывать человѣка?

— А что съ него взять?

— Это ужъ ваше дѣло. Полагаю только, что если ему на фабрикѣ не хуже жить, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ, выгодно такъ онъ и не пойдетъ никуда. Вѣдь не дуракъ же онъ въ самомъ дѣлѣ, чтобы отъ добра добра искать! Такъ вы тамъ и устраивайтесь такъ, чтобы ему у васъ выгоднѣе было жить, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ. А если попадутся между вашими рабочими такіе, которые безъ всякихъ причинъ шатаются съ одной фабрики на другую—директора фабрикъ часто говорятъ, будто бы встрѣчаются такіе бродячіе рабочіе, котъ зомхъ и не видаль—увольняйте ихъ въ законные сроки, подбирайте себѣ людей...

Директоръ хотѣлъ что то возразить, но инспекторъ перебилъ его.

— Оставимъ однако отвлеченные споры. Мнѣ много еще работы осталось. Вотъ надо еще справочку навести; я семь штрафовъ въ расчетныхъ книжкахъ нашель; позвольте мнѣ взглянуть, когда они внесены въ штрафной капиталъ и вписаны въ штрафную книгу?

Василій Васильевичъ всталъ и началъ внимательно перелистывать толстую прошнурованную книгу, которая была наполовину* заполнена краткими, но многозначительными записями въ родѣ слѣдующихъ: „№ 3,322—Матрена Карпова. За подплетины — 15 к.“ „№ 670. Прокопій Соколовъ. За спанье на работѣ 30 к.“ и т. п. Изъ цѣлаго ряда такихъ записей, въ которыхъ цифры варьировали отъ пяти копѣекъ до одного рубля и выше, ежемѣсячно составлялись порядочныя суммы въ 600—800 р., такъ что штрафной капиталъ, собираемый въ теченіе года, доходилъ до восьми—девяти тысячъ рублей и каждый рабочій уплачивалъ въ среднемъ до двухъ рублей штрафа въ годъ.

Два рубля въ среднемъ на человѣка за годъ — стоитъ ли разговаривать о такой ничтожной суммѣ? — подумаетъ читатель. Но вѣдь надо же припомнить, что и средній годичный заработокъ на человѣка колебался на фабрикѣ около 110 рублей, такъ что этотъ штрафъ, при всей своей незначительности, составлялъ до двухъ процентовъ общей получки рабочаго. Вдобавокъ онъ, конечно, не ложился равномерно на всѣхъ, и если немало было совершено исправныхъ, то за-то были и такіе, для которыхъ изъ этихъ гривенниковъ и двугривенныхъ въ теченіе года слагались серьезныя величины въ семь—восемь рублей. Фабрика не имѣла права касаться этихъ денегъ. По смыслу закона, она только хранила этотъ капиталъ, расходуемый съ разрѣшенія инспекціи лишь на нужды самого фабричнаго населенія, но это въ сущности мало утѣшало тѣхъ, кто подвергался сильному штрафованію. И могло ли быть иначе? Что сказалъ бы какой-нибудь интеллигентный работникъ, если бы его начальство могло бы безапелляціонно, по своему усмотрѣнію, удерживать хотя бы на нужды благотворенія по полсогни рублей въ годъ изъ его полугоратысячнаго жалованья? А

вѣдь относительное значеніе цифръ въ нашемъ примѣрѣ для рабочаго болѣе неблагоприятно, чѣмъ для интеллигента.

Мелкія, но частыя взысканія раздражали рабочихъ и вызвали недовольство, хотя наложеніе штрафовъ производилось со строжайшимъ соблюденіемъ формъ закона, по особымъ табличкамъ, гдѣ каждая возможная провинность рабочаго была оцѣнена въ копѣйкахъ, а вся эта странная такса была утверждена фабричнымъ инспекторомъ и въ рамкахъ за стекломъ красовалась во всѣхъ мастерскихъ. Директоръ, хорошо помнившій тѣ времена, когда годовыя суммы взысканій съ рабочихъ составляли солидный кушъ въ тридцать—сорокъ тысячъ рублей и шли непосредственно въ пользу хозяина, находилъ, что теперь штрафованіе ничтожно, что объ немъ не стоитъ и разговаривать. Внимательное наблюденіе за этой стороной отношеній фабрики къ рабочимъ казалось ему особенно мелочнымъ и смѣшнымъ. Слѣдя сначала молча за фабричнымъ инспекторомъ, внимательно сличавшимъ записи о взысканіяхъ въ расчетныхъ книжкахъ съ записями въ штрафной книгѣ, онъ, наконецъ, не выдержавъ и иронически замѣтилъ:

— Вы вотъ тутъ, кажется, цѣлыхъ два съ половиной насчитали. Что же, вы думаете, что мы этими несчастными двумя рублями штрафовъ, которые вы разыскали въ книжкахъ, захотимъ воспользоваться, что-ли, незаконно и изъ штрафнаго капитала въ кассу фабрики переложимъ?

— О, нѣтъ!—спокойно, но тоже съ ироніей въ голосѣ отвѣтилъ Василій Васильевичъ, — я надѣюсь, что это не случится; но вѣдь я у васъ на фабрикѣ въ первый разъ. Долженъ же я убѣдиться, насколько правильно ведется ваша штрафная книга.

Директоръ замолчалъ, но пальцы его лѣвой руки забарабанили по столу сильнѣе прежняго.

Покончивъ со штрафной книгой, инспекторъ вынулъ изъ своего портфеля какое-то письмо и передалъ его директору. Это было коллективная анонимная жалоба ткачей фабрики на паденіе заработка вслѣдствіе дурнаго качества основы.

— Я потому и просилъ сюда Федора Навловича, что это дѣло его, какъ ткацкаго мастера, особенно близко касается

Въ жалобѣ, написанной толково, хотя тяжелымъ языкомъ и крупнымъ, неровнымъ почеркомъ, какъ пишутъ люди, не привыкшіе излагать свои мысли на бумагѣ, заявлялось, что съ начала января мѣсяца основы стали плохи, что это затрудняетъ работу и ткачи не могутъ выработать того, что выработывали раньше, хотя и прежняго заработка еле хватало „на харчи намъ и дѣтямъ нашимъ да на уплату повинностей, что мы, крестьяне, должны въ казну уплачивать“. Далѣе указывалось, что тѣ ткачи, которые прежде по 16—17 руб. зарабатывали, теперь только 9 получаютъ. Письмо заключалось просьбой „разобрать все дѣло серьезно, чтобы обошлось безъ неприятностей“. Въ письмѣ рабочіе предостерегали инспектора, что если онъ вниманія на ихъ дѣло не обратитъ, то они пойдутъ и „дальше, куда слѣдуетъ“.

Вмѣсто подписи оказался рядъ цѣпляющихся одно за другое колечекъ—цѣпочка, которая у нашихъ рабочихъ часто является символомъ ихъ взаимной солидарности.

— Эта жалоба неосновательна!—рѣзко заявилъ директоръ, что заставило меня опустить глаза.

Для меня было несомнѣнно, что въ письмѣ рабочихъ, рядомъ съ вздорными претензіями и неправильными замѣчаніями имѣются и вполнѣ основательныя указанія. Только теперь понималъ я истинное значеніе разспросовъ Василія Васильевича и ясно увидѣлъ ту неловкость, которую я допустилъ, не успѣвъ во время предупредить директора объ инспекторскихъ замѣчаніяхъ. Но дѣло уже было сдѣлано и исправлять его было поздно.

— Во-первыхъ, у насъ на миткаляхъ по 17 руб. и раньше никогда не зарабатывали, а во-вторыхъ, у порядочнаго ткача въ девятирублевого заработка и теперь не увидите. Конечно, пьяница какой-нибудь, который по два дня въ недѣлю гуляетъ, можетъ быть и 9 р. не получить, но у трезваго работника вы меньше 12 р. не найдете.

— Я не спорю, что въ жалобѣ есть преувеличенія; они всегда бываютъ. Но нѣтъ ли въ ней доли основательныхъ претензій? Что вы объ этомъ скажете, Федоръ Павловичъ?—спросилъ Василій Васильевичъ уже прямо меня.

Положеніе мое становилось щекотливымъ. Я лучше всѣхъ, конечно, зналъ, что въ жалобѣ есть доля, и немалая доля,

кредитъ на первое время, вѣроятно, не безъ затрудненія перенеслось бы и самими рабочими.

Надо сказать, однако, что войдя съ Василиемъ Васильевичемъ въ лавку, мы не могли заниматься этими теоретическими разсужденіями, такъ какъ Степанъ Ѳомичъ сразу же оглушилъ насъ потоками своего краснорѣчія.

— Пожалуйте, пожалуйста! Очень рады. А я ужъ жалѣю! Думалъ, что по позднему времени не заѣдете. А намъ вѣдь всегда пріятно показать фабричной инспекціи дѣла наши, да кстати и кое о чемъ посоветоваться, потому какъ хозяева наши очень интересуются, чтобы все было въ полномъ порядкѣ и къ тому же прежде всего, чтобы безъ всякой обиды для рабочаго человѣка и по всѣмъ правиламъ!

Вотъ-съ это лабазъ,—проговорилъ онъ, обводя рукой комнату, въ которой мы стояли.—Не угодно ли хлѣба откусывать, мѣки посмотреть. Отличныя у насъ нынче мѣки! Мельница-то своя, а рожь была просто на рѣдкость—больше девяти съ половиною пудовъ. Чудесную рожь въ Козловѣ нынче купили!

Вотъ-съ рыбное отдѣленіе—тарань, сельди... Мясо прекрасное со своей бойни, въ иной день по шести скотинъ бьемъ... И, не давая намъ рта открыть, Степанъ Ѳомичъ водилъ насъ по огромному, въ пять большихъ оконъ, лабазу и по мясной отъ товара къ товару. Тѣмъ же порядкомъ были показаны содержимые въ образцовой чистотѣ пекарня, въ которой выпекалось до четырехсотъ пудовъ ржанаго хлѣба въ день, и погреба, гдѣ въ трехсотъ пудовыхъ кадкахъ хранилось неизчислимое количество солонины и капусты; затѣмъ мы вернулись въ лабазъ и черезъ него прошли въ большое помѣщеніе, гдѣ продавалась посуда и желѣзный товаръ.

Потокъ краснорѣчія Степана Ѳомича не прекращался ни на минуту, такъ что даже фабричный инспекторъ, при всей своей выдержанности, начиналъ высказывать нѣкоторые признаки нетерпѣнья. Наконецъ, мы вошли въ послѣднюю, третью, часть лавки, гдѣ былъ расположенъ огромный для уѣзднаго захолустья магазинъ мануфактурнаго, галантерейнаго и парфюмернаго товара. Здѣсь вы могли найти все, что угодно, начиная отъ дешеваго ситца и кончая духами Сіу и Брокера.

— Зачѣмъ вы такія - то вещи держите? — спросилъ Василій Васильевичъ, указывая на дорогой парфюмерный товаръ.

— А нельзя-съ, — спрашиваютъ. Ей-Богу, даже мастеровые спрашиваютъ. Любятъ, знаете, тоже, напримѣръ, духовъ или мыльца своей душенькѣ поднести; и окрестные жители тоже берутъ, вотъ станціонные, помѣщики нѣкоторые. Конечно, въ кредитъ рабочимъ этого мы не отпускаемъ. Ни-ни! Это ужъ строжайшій отъ хозяина запретъ. Мы этимъ товаромъ на наличныя торгуемъ. И вотъ, извольте видѣть, вы все нашу таксу исправляете и даже нѣкоторыя вещи въ ней зачеркнуть изволили, а долженъ я сказать, что рабочему это, не въ пользу. Напримѣръ, обувь, сапоги тамъ, ботинки; фабричная инспекція намъ продавать такой товаръ не разрѣшаетъ!...

— Какъ не разрѣшаетъ? — прервалъ надоѣдливо-непрерывную рѣчь говоруна инспекторъ. — Я не разрѣшаю въ *кредитъ* продавать; они могутъ брать на наличныя.

— Вотъ именно, я на счетъ кредита и говорю-съ. Мы имъ въ кредитъ не продаемъ, а однако же здѣсь кругомъ фабрики до десяти сапожниковъ живетъ, и всѣ они нашимъ рабочимъ сапоги шьютъ и все въ кредитъ, — а только за то, что у насъ три рубля стоить, онъ, каналья, пять беретъ, — и платятъ-съ ему, платятъ, потому что сапоги, скажемъ сегодня развалились, а расчетъ еще черезъ три недѣли, а безъ сапогъ между прочимъ нельзя-съ.

— Ну съ этимъ я ужъ ничего не могу подѣлать, — пожалъ плечами Василій Васильевичъ... Въ кредитъ, знаете, забирается слишкомъ легко. Разрѣши рабочимъ щегольскіе пиджаки да лаковые ботинки въ кредитъ покупать, такъ у нихъ на необходимое ничего не останется. Такой товаръ они могутъ на чистыя деньги брать. Пусть контора чаще съ рабочими рассчитывается.

— Помилуйте, у насъ и такъ каждый мѣсяцъ расчетъ!

— А за границей такъ каждую недѣлю.

— У насъ этого нельзя: пьянствовать больше будутъ.

— Ну, тамъ, гдѣ это заведено, пьянство не увеличивается. Это просто одно изъ нашихъ старыхъ заблужденій, которыя повторяются всѣми безъ всякихъ основаній и до-

казательствъ, обратился уже ко мнѣ Василій Васильевичъ.

— Но, знаете, рассчитывать каждую недѣлю четыре тысячи рабочихъ—вѣдь это ужасно затруднительно; у насъ вѣдь всѣ получаютъ сдѣльно; сколько же времени должна контора потратить только на то, чтобы ихъ заработокъ подсчитать! постарался я защитить наши порядки.

— Но скажите же, почему за-границей такія же фабрики, а то и гораздо большія, рассчитываютъ акуратно каждую недѣлю и не жалуется?...

Я, слабо знакомый съ иностранными заводскими обычаями, могъ только въ недоумѣніи пожать плечами; а Степанъ Омичъ, видя, что нашъ разговоръ принимаетъ щекотливое направление политично постарался перевести его на другую тему.

— Вотъ тоже, началъ онъ, насчетъ посуды...

Но Василій Васильевичъ торопливо простился и попросилъ меня отвезти его въ то помѣщеніе, гдѣ ему придется ночевать, чтобы отдохнуть передъ ужиномъ.

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда около 7-ми часовъ, пройдя по фабрикѣ цѣлый день, мы подъѣзжали къ особому дому, въ восемь прекрасно меблированныхъ комнатъ, предназначенному специально для пріѣзжихъ.

— До завтра! простился со мной инспекторъ. Завтра я еще въ школѣ побываю да съ директоромъ поговорить надо. Мнѣ очень хотѣлось бы, чтобы вы присутствовали при моемъ разговорѣ съ директоромъ. Вы поможете мнѣ возстановить въ памяти кое-что. Могу ли я васъ просить завтра, часовъ въ одиннадцать? Хорошо?

Мнѣ, конечно, оставалось только выразить согласіе; и мы пожали другъ другу руки.

Я направился къ директору, чтобы рассказать ему о нашей поѣздкѣ по фабрикѣ, но оказалось, что онъ уѣхалъ въ Москву и долженъ вернуться только ночью.

2. Въ директорскомъ кабинетѣ.

На другой день послѣ объѣзда мануфактуры съ фабричнымъ инспекторомъ я по обыкновенію вышелъ въ ткацкую въ шесть часовъ утра. На недостатокъ работы у насъ не

приходилось жаловаться никогда, теперь же, послѣ того, какъ цѣлый день мнѣ пришлось провести внѣ мастерской, ея накопилось, конечно, больше обыкновеннаго. Занятой дѣломъ я не замѣтилъ, какъ миновалъ назначенный Василиемъ Васильевичемъ часъ и былъ почти удивленъ, когда въ четверть двѣнадцатаго за мной прибѣжалъ тотъ же самый мальчуганъ, который и наканунѣ принесъ мнѣ директорскую записку. Разговоры съ инспекторомъ успѣли мнѣ прѣсться уже въ вчерашній день и теперь, когда я подумалъ, что имъ придется посвятить еще нѣсколько часовъ, меня охватило чувство досады, и я готовъ былъ уже послать записку о неотложныхъ дѣлахъ, задерживающихъ меня въ ткацкой. Однако послѣ минувшаго колебанія такой выходъ изъ затруднительнаго положенія показался мнѣ неделикатностью и малодушіемъ въ одно и то же время. Я зашелъ на минуту въ свою конторку, чтобы умыть руки и стряхнуть пыль съ пиджака, и направился въ директорскій кабинетъ.

Объ этой комнатѣ, отъ обстановки которой вѣяло духомъ какой-то суровой дѣловитости, стоитъ сказать, нѣсколько словъ. Въ отсутствіе директора туда не проникалъ никто, а при немъ входили либо по его приглашенію, либо попросивъ предварительно разрѣшенія. Когда директоръ уходилъ, то комната воегда была заперта на ключъ; когда же онъ былъ здѣсь, то у дверей постоянно стоялъ дежурный мальчикъ. Скучную меблировку составляли два огромныхъ письменныхъ стола, заваленные конторскими и техническими книгами, и два совершенно простыхъ, но очень большихъ шкафа, набитыхъ тѣмъ же, нѣсколько приборовъ для испытанія пряжи и хлопка, микроскопъ на особомъ столикѣ у окна и 3—4 стула. Эти стулья зачастую тоже чѣмъ-нибудь были завалены, почему молодымъ техникамъ, вызываемымъ въ кабинетъ для дѣловыхъ объясненій, нерѣдко приходилось стоять въ продолженіе всей бесѣды съ нашимъ Юпитеромъ.

Такъ убранъ былъ кабинетъ, гдѣ человекъ, получавшій свыше двадцати пяти тысячъ рублей въ годъ, проводилъ за усиленной работой цѣлые дни, а нерѣдко, можетъ-быть, и большую часть ночи; по крайней мѣрѣ, проходя позднею порою по двору, техники частенько замѣчали свѣтъ въ окнѣ кабинета и отличали въ немъ характерный профиль съ рѣз-

кими очертаніями лба и носа и съ большою окладистою чисто-русскою бородой. Что скудость и жесткость этой обстановки, такъ мало напоминавшей роскошные кабинеты директоровъ многихъ фабрикъ и заводовъ, была только умно рассчитана и не соответствовала дѣйствительнымъ вкусамъ директора, въ томъ убѣждался всякій, кому случалось хоть разъ повидать уютную, комфортабельную обстановку его собственной квартиры.

Когда я вошелъ въ кабинетъ, въ немъ царилъ глубокая тишина, которая не предвѣщала ничего хорошаго. Директоръ, откинувшись на спинку стула, нервно барабанилъ пальцами по столу, а сидѣвшій противъ него фабричный инспекторъ угрюмо молчалъ, перелистывая свой журналъ; передъ нимъ возвышалась гряда развернутыхъ расчетныхъ книжекъ, а сбоку на столѣ лежало пять или шесть огромныхъ конторскихъ книгъ въ черныхъ переплетахъ съ сѣрыми корешками.

— Такъ, вотъ-съ, я и говорю, что расчетная книжка, представляющая собою договоръ, заключаемый между рабочимъ и фабрикой, должна вестись строго согласно установленной формѣ. И я очень просилъ бы васъ придерживаться этой формы. А то у васъ попадаютъ книжки, въ которыхъ не указано, на примѣръ, на своихъ или хозяйскихъ харчахъ рабочіе. Есть и такія, гдѣ сроки выдачи денегъ не опредѣлены, а о срокѣ найма я уже и не говорю: онъ нигдѣ, ни въ одной книжкѣ не вписанъ!..

Такими словами, медленно, скучно-ровнымъ голосомъ, какъ говорятъ вещи, которыя приходится повторять каждый день, черезъ нѣсколько минутъ молчанія началъ прерванный моимъ приходомъ разговоръ инспекторъ.

— Да вѣдь я же уже объяснялъ, что всѣ наши рабочіе прекрасно знаютъ, что фабрика нанимаетъ ихъ на срокъ, и что срока этихъ два—по Пасху и по Покровъ.

— Я это тоже знаю, но если рабочій пойдетъ почему-нибудь жаловаться на фабрику въ судъ или ко мнѣ, то ему именно важно въ книжкѣ имѣть указаніе, на какой срокъ онъ нанятъ.

Это видно изъ правилъ внутренняго распорядка.

— Эти правила могутъ быть вклеены въ книжки, а мо-

дутъ и не быть. Во всякомъ случаѣ, повторяю, установленная форма требуетъ...

— Форма! Но вѣдь это же совершенно не существенно! Это формализм!—начиналъ горячиться директоръ.

— Видите ли, эта форма можетъ сослужить рабочему въ иныхъ случаяхъ серьезную службу.

— Никогда-съ форма серьезна быть не можетъ! Только вы придаете ей значеніе. Рабочій на нее не смотритъ. Въ его глазахъ она ничего не стоитъ, глухимъ голосомъ вворажалъ директоръ.

— Рабочій на нее не смотритъ до поры—до времени. А представьте, что фабрика уволить его безъ законныхъ основаній. Если онъ обратится съ жалобой на это въ судъ, то и для него, и для судьи въ этомъ случаѣ очень важно указаніе срока найма въ самой книжкѣ.

— Ну-съ, повѣрьте, что и я, и каждый мастеръ, если захотимъ, всегда сумѣемъ рабочаго уволить на совершенно законномъ основаніи. Да просто любой подмастерье можетъ такъ, какъ говорится, его донять, что онъ самъ уйдетъ.

— Неужели же вы думаете, что я этого не знаю?—глядя въ упоръ на директора, заговорилъ его собесѣдникъ. —И злоупотребленія, и обходъ всякаго закона всегда возможны. Это—азбучная истина и, въ сожалѣнію, намъ, фабричнымъ инспекторамъ, она слишкомъ хорошо извѣстна. Наше дѣло по мѣрѣ силъ поставить препятствія недобросовѣстности съ обѣихъ сторонъ, сузить проявленіе произвола,—словомъ, помочь водворенію *понятія законности*, а отдѣльные случаи нарушенія закона надо каждый разъ разбирать отдѣльно. А если вы захотите отъ рабочаго отдѣлаться во что бы то ни стало, то это конечно, даже на вполне законномъ основаніи, всегда возможно, сдѣлать. У меня въ практикѣ бывали случаи, когда фабрика ставила рабочему только одно требованіе: чтобы онъ къ работѣ не прикасался — и человекъ самъ убѣгалъ. Скажутъ ему: получай столько же, сколько ты раньше получалъ, но не стой у машины, а въ той же мастерской, гдѣ раньше работалъ, сиди въ угольѣ смирно на табуреткѣ — и отъ такого дурацкаго положенія человекъ бѣжитъ безъ оглядки. Конечно, долженъ сказать, что такое отношеніе фабрики къ личности рабочаго — исключеніе, и

надѣюсь, рѣдкое исключеніе. Теперь же для меня интересны не рѣдкостные случаи, а общее правило.

Василій Васильевичъ замолчалъ и опять углубился въ книги и книжки.

— Да, фабрику вы преслѣдуете за нарушеніе закона, а съ рабочаго-то что вы возьмете? Не выдержавъ молчанія, началъ директоръ. Вотъ у меня въ прошломъ году въ самое нужное время 20 прядильщиковъ ушло, такъ что даже занасныхъ не хватило; пришлось четыре машины остановить. Знали, каналы, когда уйти. Видѣли, что пряжа нужна; думали, что я имъ прибавлю! Ну, конечно, меня на это не такъ то легко поддѣть—я старый воробей! Но не въ этомъ дѣло! Я Вася спрашиваю,—что же я могъ съ ними сдѣлать?

— Какъ что? Да вы обратились бы къ тогдашнему фабричному инспектору, онъ бы ихъ привлекъ къ судебной отвѣтственности; земскій начальникъ ихъ бы подъ арестъ посадилъ.

— Благодарю покорно! Къ земскому начальнику! А тотъ ихъ оправдаетъ или на три дня подъ арестъ посадитъ, а я канителиться буду! За такой уходъ рабочаго слѣдовало бы...

Директоръ не сразу могъ найти достаточно сильное навазаніе для рабочаго.

— Въ каторгу ссылатъ?—пошутилъ инспекторъ. Ну, мы здѣсь съ вами, пожалуй, и не сойдемся во мнѣніяхъ. Мнѣ думается, что и такъ законъ нашъ очень строгъ къ рабочему. Онъ вѣдь, уходя, не уголовщину какую-нибудь совершаетъ, а только вамъ убытки наноситъ, ну и ищите съ него убытки. А за что же арестовывать человѣка?

— А что съ него взять?

— Это ужъ ваше дѣло. Полагаю только, что если ему на фабрикѣ не хуже жить, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ, *выгодно*, такъ онъ и не пойдетъ никуда. Вѣдь не дуракъ же онъ въ самомъ дѣлѣ, чтобы отъ добра добра искать! Такъ вы тамъ и устраивайтесь такъ, чтобы ему у васъ выгоднѣе было жить, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ. А если попадутся между вашими рабочими такіе, которые безъ всякихъ причинъ шатаются съ одной фабрики на другую—директора фабрикъ часто говорятъ; будто бы встрѣчаются такіе бродячіе рабочіе, хоть зомхъ и не видаль—увольняйте ихъ въ законные сроки, подбирайте себѣ людей...

Директоръ хотѣлъ что то возразить, но инспекторъ перебилъ его.

— Оставимъ однако отвлеченные споры. Мнѣ много еще работы осталось. Вотъ надо еще справочку навести; я семь штрафовъ въ расчетныхъ книжкахъ нашель; позвольте мнѣ взглянуть, когда они внесены въ штрафной капиталъ и вписаны въ штрафную книгу?

Василій Васильевичъ всталъ и началъ внимательно перелистывать толстую пропнурованную книгу, которая была наполовину заполнена краткими, но многозначительными записями въ родѣ слѣдующихъ: „№ 3,322—Матрена Карпова. За подлетины — 15 к.“ „№ 670. Прокопій Соколовъ. За спанье на работѣ 30 к.“ и т. п. Изъ цѣлаго ряда такихъ записей, въ которыхъ цифры варьировали отъ пяти копѣекъ до одного рубля и выше, ежемѣсячно составлялись порядочныя суммы въ 600—800 р., такъ что штрафной капиталъ, собираемый въ течение года, доходилъ до восьми—деяти тысячъ рублей и каждый рабочій уплачивалъ въ среднемъ до двухъ рублей штрафа въ годъ.

Два рубля въ среднемъ на человѣка за годъ—стоитъ ли разговаривать о такой ничтожной суммѣ?—подумаетъ читатель. Но вѣдь надо же припомнить, что и средній годичный заработокъ на человѣка колебался на фабрикѣ около 110 рублей, такъ что этотъ штрафъ, при всей своей незначительности, составлялъ до двухъ процентовъ общей получки рабочаго. Вдобавокъ онъ, конечно, не ложился равномерно на всѣхъ, и если немало было совершенно исправныхъ, то за-то были и такіе, для которыхъ изъ этихъ гривенниковъ и двугривенныхъ въ течение года слагались серьезныя величины въ семь—восемь рублей. Фабрика не имѣла права касаться этихъ денегъ. По смыслу закона, она только хранила этотъ капиталъ, расходуемый съ разрѣшенія инспекціи лишь на нужды самого фабричнаго населенія, но это въ сущности мало утѣшало тѣхъ, кто подвергался сильному штрафованію. И могло ли быть иначе? Что сказалъ бы какой-нибудь интеллигентный рабочій, если бы его начальство могло бы безапелляціонно, по своему усмотрѣнію, удерживать хотя бы на нужды благотворенія по полсотни рублей въ годъ изъ его полуторатысячнаго жалованья? А

вѣдь относительное значеніе цифръ въ нашемъ примѣрѣ для рабочаго болѣе неблагопріятно, чѣмъ для интеллигента.

Мелкія, но частыя взыскапія раздражали рабочихъ и вызывали недовольство, хотя наложеніе штрафовъ производилось съ строжайшимъ соблюденіемъ формъ закона, по особымъ табличкамъ, гдѣ каждая возможная провинность рабочаго была оцѣнена въ копѣйкахъ, а вся эта странная такса была утверждена фабричнымъ инспекторомъ и въ рамкахъ за стекломъ красовалась во всѣхъ мастерскихъ. Директоръ, хорошо помнившій тѣ времена, когда годовыя суммы взыскапій съ рабочихъ составляли солидный кушъ, въ тридцать—сорокъ тысячъ рублей и шли непосредственно въ пользу хозяина, находилъ, что теперь штрафованіе ничтожно, что объ немъ не стоитъ и разговаривать. Внимательное наблюденіе за этой стороной отношеній фабрики къ рабочимъ казалось ему особенно мелочнымъ и смѣшнымъ. Слѣдя сначала молча за фабричнымъ инспекторомъ, внимательно сличавшимъ записи о взыскапіяхъ въ расчетныхъ книжкахъ съ записями въ штрафной книгѣ, онъ, наконецъ, не выдержавъ и иронически замѣтилъ:

— Вы вотъ тутъ, кажется, цѣлыхъ два съ половиной насчитали. Что же, вы думаете, что мы этими несчастными двумя рублями, штрафовъ, которые вы разыскали въ книжкахъ, захотимъ воспользоваться, что-ли, незаконно и изъ штрафнаго капитала въ кассу фабрики переложимъ?

— О, нѣтъ!—спокойно, но тоже съ ироніей въ голосѣ отвѣтилъ Василій Васильевичъ,—я надѣюсь, что это не случится; но вѣдь я у васъ на фабрикѣ въ первый разъ. Долженъ же я убѣдиться, насколько правильно ведется ваша штрафная книга.

Директоръ замолчалъ, но пальцы его лѣвой руки забарабанили по столу сильнѣе прежняго.

Покончивъ со штрафной книгой, инспекторъ вынулъ изъ своего портфеля какое-то письмо и передалъ его директору. Это было коллективная анонимная жалоба ткачей фабрики на паденіе заработка вслѣдствіе дурнаго качества основы.

— Я потому и просилъ сюда Федора Павловича, что это дѣло его, какъ ткацкаго мастера, особенно близко касается

Въ жалобѣ, написанной толково, хотя тяжелымъ языкомъ и крупнымъ, неровнымъ почеркомъ, какъ пишутъ люди, не привыкшіе излагать свои мысли на бумагѣ, заявлялось, что съ начала января мѣсяца основы стали плохи, что это затрудняетъ работу и ткачи не могутъ выработать того, что выработывали раньше, хотя и прежняго заработка еле хватало „на харчи намъ и дѣтямъ нашимъ да на уплату повинностей, что мы, крестьяне, должны въ казну уплачивать“. Далѣе указывалось, что тѣ ткачи, которые прежде по 16—17 руб. зарабатывали, теперь только 9 получаютъ. Письмо заключалось просьбой „разобрать все дѣло серьезно, чтобы обошлось безъ неприятностей“. Въ письмѣ рабочіе предостерегали инспектора, что если онъ вниманія на ихъ дѣло не обратитъ, то они пойдутъ и „дальше, куда слѣдуетъ“.

Вмѣсто подписи оказался рядъ цѣпляющихся одно за другое колечекъ—цѣпочка, которая у нашихъ рабочихъ часто является символомъ ихъ взаимной солидарности.

— Эта жалоба неосновательна!—рѣзко заявилъ директоръ, что заставило меня опустить глаза.

Для меня было несомнѣнно, что въ письмѣ рабочихъ, рядомъ съ вздорными претензіями и неправильными замѣчаніями имѣются и вполне основательныя указанія. Только теперь понялъ я истинное значеніе разспросовъ Василія Васильевича и ясно увидѣлъ ту неловкость, которую я допустилъ, не успѣвъ во время предупредить директора объ инспекторскихъ замѣчаніяхъ. Но дѣло уже было сдѣлано и исправлять его было поздно.

— Во-первыхъ, у насъ на миткаляхъ по 17 руб. и раньше никогда не зарабатывали, а во-вторыхъ, у порядочнаго ткача въ девятирублевого заработка и теперь не увидите. Конечно, пьяница какой-нибудь, который по два дня въ недѣлю гуляетъ, можетъ быть и 9 р. не получить, но у трезваго работника въ меньше 12 р. не найдете.

— Я не спору, что въ жалобѣ есть преувеличенія; они всегда бываютъ. Но нѣтъ ли въ ней доли основательныхъ претензій? Что вы объ этомъ скажете, Федоръ Павловичъ?—спросилъ Василій Васильевичъ уже прямо меня.

Положеніе мое становилось щекотливымъ. Я лучше всѣхъ, конечно, зналъ, что въ жалобѣ есть доля, и немалая доля,

правды; вчера я, хотя и нерешительно, высказал это инспектору, но изъяснить все дело сейчас же казалось мне невозможным. Прежде всего самолюбие техника, работающего на известном деле, не позволяло признать, что дело это в каком-нибудь отношении шло неудовлетворительно; особенно трудно было признать это перед посторонним человеком, перед чиновником, да еще перед чиновником-технологом, бросившим свою специальность и перешедшим с „вольной работы“ „на казенные хлеба“. Категорическое заявление директора о неосновательности жалобы еще увеличило мое затруднение, так как сказать теперь же полную правду—значило окончательно и безвозвратно попортить наши с ним отношения. Я попытался, и очень неудачно, найти средний путь, объяснив, что хотя за последний месяц оказалось несколько слабых основ, но это было временное и исключительное явление.

Инспектор, казалось, именно такого ответа и ждал с моей стороны.

— Да, да, так вы не отрицаете, что такие случаи были? Видите, Федоръ Павловичъ говоритъ, что слабыя основы попадались,—обратился онъ къ директору.

Тотъ метнулъ на меня взоръ, полный досады.

— Я же,—продолжалъ неугомонный инспекторъ,—при просмотрѣ книжекъ замѣтилъ у нѣкоторыхъ ткачей паденіе заработка, хотя и не такое, какъ въ жалобѣ указано, но все же порядочное. Вотъ, напримѣръ, Иванъ Ереминъ,—продолжалъ онъ, раскрывая одну изъ книжекъ,—въ ноябрѣ онъ заработалъ 15 р. 20 к., въ декабрѣ, когда было пять праздниковъ,—13 р. 40 к., а въ январѣ, гдѣ всего два праздника,—11 р. 50 к. А вотъ и другая книжка съ подобными же записями, а вотъ и третья. Какъ, господа, вы объясните мнѣ эти цифры?

— Случайность какая-нибудь,—буркнулъ директоръ.

— А ваше мнѣніе, Федоръ Павловичъ?

Я вынужденъ былъ сказать, что этимъ ткачамъ попадались дурныя основы.

— Ну, а что же вы вѣ такихъ случаяхъ думаете дѣлать?—спросилъ Василій Васильевичъ директора.

— То-есть, какъ это; что дѣлать? Ничего.

Но вѣдь эти ткачи потеряли часть заработка не по своей винѣ, а по причинамъ, зависящимъ отъ фабрики? Они заработали меньше, чѣмъ обыкновенно потому, что получили матеріалъ хуже, чѣмъ всегда. Согласитесь, что это вина фабрики.

Я говорю вамъ, что это случайность. Ткачи прекрасно знаютъ, что въ зависимости отъ матеріала они могутъ работать больше и меньше.

Но обыкновенно заработокъ колеблется не въ такой степени. Я положительно просилъ бы васъ, если такіе случаи еще будутъ повторяться, прибавлять для плохихъ основъ процентовъ 12—15 на расцѣнокъ, платить дороже.

— Я этого сдѣлать не могу-съ, — рѣзко перебилъ директоръ. — Такой прибавки всѣ захотятъ.

Послѣ безрезультатнаго спора на эту острую тему, во время котораго мое начальство, отвыкнувши отъ противорѣчій, уже еле себя сдерживало, инспекторъ началъ понемногу тоже разгорячаться; наконецъ, онъ взялъ книгу для инспекторскихъ замѣчаній. Изложивъ въ ней суть дѣла, указавъ на примѣры, найденные въ книжкахъ, и на мое признаніе относительно слабости основъ, онъ записалъ официальное предложеніе уплачивать ткачамъ на слабыхъ основахъ сумму, которую они, по поденному расчету, не доработаютъ до средняго заработка за послѣдніе три мѣсяца.

Директоръ, прочитавъ написанное, снова заявилъ, что такое предложеніе онъ не считаетъ для себя обязательнымъ и исполнять не будетъ.

— Какъ угодно, — отвѣтилъ Василій Васильевичъ, вполне овладѣвши собой со времени писанія. — Это можетъ вызвать большія неприятности; а я свое дѣло сдѣлалъ — предупредилъ.

Инспекторъ перебросилъ нѣсколько листовъ своей записной книжки и задумался.

— У меня есть еще нѣсколько вопросовъ, но которыми я хотѣлъ бы получить отъ васъ объясненія, — продолжалъ онъ спустя нѣсколько секундъ.

— Что же вамъ угодно?

— Вамъ надо бы кое-гдѣ позаботиться объ огражденіи опасныхъ частей машинъ.

— Гдѣ же это? У насъ, кажется, все серьезно ограждено

— Примеры я еще вчера Федору Павловичу показывал; вот хотя бы на некоторых сельфакторах колеса ограждены так, что не могут ногу рабочего, наступившего на рельсы, раздавить, а на других — нѣтъ.

— Мы не виноваты; въ такомъ видѣ машины намъ изъ Англии выслали.

— Да, но вы могли бы по новому образцу и на старыхъ сельфакторах огражденія сдѣлать; вѣдь это такъ недорого, по нѣсколько рублей на машину, а ихъ всѣхъ у васъ должно быть не болѣе 70 штукъ.

— Тутъ не въ деньгахъ дѣло.

— А въ чемъ же?

— Да не къ чему ихъ дѣлать! Въ сущности говоря такія огражденія и не нужны.

— Помилуйте, да они прекрасно ноги рабочихъ защищаютъ!

— Это ничего не значитъ. Неужели вы серьезно полагаете, что эти огражденія имѣютъ дѣйствительное значеніе? Никакой роли они не играютъ, и играть не могутъ!

— Какъ такъ? изумился Долгополовъ, не ошибаетесь ли вы? Хорошія то огражденія всѣ авторитетные техники рекомендуютъ!

— Было очевидно, что нашъ Юпитеръ, какъ говорится, зарвался. Фабричная дисциплина, однако, не позволяла мнѣ возражать, и я могъ только усиленно отвертываться въ сторону, чтобы не дать замѣтить Василию Васильевичу, что мое сочувствіе всецѣло клонится на его сторону.

— Если рабочій невнимателенъ, онъ все-равно вездѣ можетъ изувѣчиться, а внимательный вездѣ цѣлъ останется; нанимъ рабочій другой разъ самъ, что называется, на рожонъ лѣзетъ!

— Тѣмъ необходимѣе для него огражденія. Вы вѣдь, конечно, прекрасно знаете безшабашность и невнимательность русскаго рабочаго; а разъ это вамъ извѣстно, что, конечно, вамъ слѣдуетъ особенное вниманіе на огражденія опасныхъ машинъ обращать!

Да это вѣдь и обязательными постановленіями требуется.

— Обязательными постановленіями? Да эти ваши постановленія... директоръ очевидно хотѣлъ сказать какую-то рѣзкость; но вовремя спохватился и только пожалъ плечами!

Василій Васильевичъ, не тратя времени на возраженія, началъ обстоятельно заносить въ инспекторскую книгу замѣчанія объ огражденіяхъ и прочель вслухъ директору. Тотъ не считель нужнымъ возражать.

— Я хотѣлъ бы еще нѣсколько словъ о школахъ сказать, — началъ онъ, покончивъ съ замѣчаніями.

— А могу я васъ попросить о школахъ переговорить съ хозяйкой? Школою хозяйка занимается, а я мало знаю, что тамъ дѣлается.

— Но вѣдь хозяйки нѣтъ на фабрикѣ!

— Да, но можетъ-быть у васъ дѣло не очень сибъшное. А если вы весной здѣсь будете, то увидите ее.

— Пожалуй, — послѣ минутнаго раздумья отвѣтилъ инспекторъ, — я подожду.

Ему, видимо, не хотѣлось продолжать разговоръ съ раздраженнымъ человѣкомъ. Да и результатовъ отъ такого разговора нельзя было ожидать никакихъ, кромѣ дальнѣйшаго раздраженія. Инспекторъ началъ укладывать въ портфель свои бумаги.

Директоръ поднялся съ своего кресла и сталъ упорно смотрѣть въ окно. Въ кабинетѣ опять воцарилась тишина; то было грозное молчанье — недолго длилось оно, такъ какъ директоръ не выдержалъ.

— Знаете, — началъ онъ дѣланно-споконнымъ голосомъ, — меня удивляетъ отношеніе фабричной инспекціи. Вы роетесь цѣлый часъ въ книжкахъ, дѣлаете замѣчанія о какихъ-то мелочахъ, о томъ, на примѣръ, вписанъ ли тамъ всѣмъ извѣстный срокъ найма, да записанъ ли штрафъ въ гривеникъ, а что съ нами рабочіе, благодаря своей беспорядочности и пьянству, дѣлаютъ, вы не смотрите. Вотъ третьяго дня, въ понедѣльникъ, у меня изъ семидесяти слесарей на работѣ еле сорокъ были. Что въ на это скажете? — постепенно противъ желанія повышая тонъ, говорилъ директоръ.

— Ничего не скажу! Вы должны подбирать трезвыхъ рабочихъ, принимать мѣры къ тому, чтобы отвлекать ихъ отъ пьянства.

— Ну, ужъ, кажется, на этотъ счетъ у насъ довольно хлопотутъ! И чайная, и театръ, и библиотека. На все на это, знаете, не мало тысячъ брошено, а что то результатовъ не видно.

— Нельзя же въ такихъ вещахъ ожидать результатовъ черезъ какой-нибудь годъ времени. Подождите. Радъ бы вѣрить, да не вѣрится! Но спорить не стану— можетъ быть когда-нибудь въ послѣдствіи результаты и получатся, но вѣдь работать мнѣ не черезъ десятки лѣтъ приходится; рабочихъ то мнѣ сейчасъ нужно! Такъ вы потрудитесь мнѣ сказать, что мнѣ именно теперь съ тѣми рабочими дѣлать, которые систематически понедѣльничаютъ?

— Мое дѣло— фабрикой управлять, а не будущія поколѣнія рабочихъ воспитывать.

— Я уже сказалъ Вамъ, что слѣдуетъ приложить особія старанія къ систематическому подбору рабочихъ; наконецъ, если хотите, вы имѣете право штрафовать ихъ за прогуль.

— Наконецъ, вы имѣете право штрафовать ихъ за прогуль! Штрафовать? Это по рублю-то въ день? Да развѣ нашего слесаря этимъ проймешь? Нѣтъ-съ, это вамъ, чиновникамъ, легко такъ говорить. Съ нашимъ рабочимъ другія мѣры нужны. Если бы я былъ фабричнымъ инспекторомъ, то я, напримѣръ, на вашемъ мѣстѣ дѣйствовалъ бы совсѣмъ не такъ, — ужъ чуть не кричалъ директоръ. — Вамъ бы слѣдовало...

— Позвольте-съ, — перебилъ инспекторъ, — меня въ участкѣ около 150-ти фабрикъ. Не находите ли вы, что если директоръ каждой фабрикѣ станетъ мнѣ указывать, что мнѣ слѣдовало бы дѣлать, то такихъ указаній получится ужъ чрезмѣрно много? — съ видимымъ усиліемъ сдерживая себя, тихо замѣтилъ инспекторъ.

— До свиданья...

И простившись, Василій Васильевичъ быстро вышелъ изъ кабинета.

Директоръ еще выждалъ, чтобы закрылась дверь.

— Не любятъ они, когда имъ правду скажешь! Терпѣть не могутъ! — съ досадою въ голосѣ и, вопреки своимъ обычаямъ, быстро шагая по кабинету, говорилъ онъ, видимо разсерженный только-что миновавшею необходимостью такъ долго и непривычно сдерживаться. — Каково! Тряцамъ за подохія основы по дватринадцать процентовъ прибавлять! Вотъ еще выдумалъ! И на какой вздоръ, на какія мелочи они вниманіе обращаютъ! Глупости говорить какія!

— Собственно *глупостей* я отъ него не слышала, — попытался я возразить.

— Не слышали? Очень жаль! Надо вамъ сказать, что мнѣ ваши замѣчанія объ основахъ нѣсколько странно показались. Вы могли бы, кажется, меня поддержать. Это я вамъ такъ на будущее время говорю! А теперь вы меня извините, мнѣ некогда!

Я раскланялся и вышелъ. На душѣ у меня было смутно.

XI. Ткачи поцумѣли.

День за днемъ однообразно тянулась вопедшая въ обычную колею фабричная жизнь. Прошли святки, миновала поздняя масляница, наступила вторая недѣля поста. Солнце закатывалось позднѣе, въ полдень на дворѣ стояли лужи, воробьи усиленно чирикали, дали отливали синевою. Весна была близко, и рѣзкій холодокъ, захватывавшій по вечерамъ крѣпкимъ настомъ уже осѣдающій снѣгъ, не грозилъ превратиться въ зимнюю стужу.

На средняго интеллигентнаго человѣка весенняя атмосфера обыкновенно навѣваетъ настроеніе до нѣкоторой степени легкомысленное. Хочется побывать въ лѣсу, проѣхать въ поле, полюбоваться закатомъ солнца, вообще лишній часъ провести на свѣжемъ воздухѣ и насколько возможно, сократить время обязательнаго пребыванія въ четырехъ стѣнахъ за обычной монотонной работой. Не такое дѣйствіе оказываетъ ранняя весна на рабочихъ въ ткацкой. По старой традиціи для нихъ постъ — время самой усиленной работы. Еще въ тѣ времена, когда большая часть ткачей работала на ручныхъ станкахъ, а добрая половина ихъ съ Пасхи бросала фабричную работу и принималась за соху, установился обычай, слѣдующему которому, каждый ткачъ усиленно работаетъ весь постъ, стараясь изо всѣхъ силъ какъ можно больше заработать къ Пасхѣ. Теперь уже девяносто процентовъ рабочихъ на ме-

ханических ткацких фабриках работают круглый год, не превращаясь на лето в землепашцев; но традиция держится крепко. Желание приволнить кое-что к большому празднику, во время которого работа прекращается на десять-пятнадцать дней, а частью крайняя необходимость послать денег родственникам в деревню, где весной особенно сильно чувствуется нужда, заставляют ткачей, всегда получающих задвѣльную плату, еще и теперь постомъ работать съ особенной энергией.

Въ это время вы не увидите, чтобы рабочій безъ серьезной причины зачѣмъ-нибудь уходилъ отъ своихъ станковъ*); онъ не бѣгаетъ ежеминутно пить или курить; онъ не заболтается лишней минутой съ товарищемъ, забирая для себя утокъ. Каждая случайная задержка въ работѣ, — ожиданіе основы, порча станковъ, — въ это время года вызываетъ у ткача такое неудовольствіе, какового вы не замѣтите въ подобныхъ случаяхъ ни лѣтомъ, ни осенью. вмѣстѣ съ тѣмъ напряженный трудъ дѣлаетъ людей болѣе безпокойными и раздражительными. Старые директора видятъ въ этой раздражительности вліяніе той-же весны, которая навѣваетъ легкомысліе на технику: „жаворонки запѣли, вотъ и рабочіе начали метаться“, — говорятъ нѣкоторые изъ нихъ. Но, какое-бы объясненіе мы не приняли, это не измѣняетъ фактической стороны картины.

До поры, до времени однако постъ и весна, какъ уже сказано, ничѣмъ не нарушали монотонности жизни нашей фабрики. Въ свое время гудѣли фабричные гудки, въ свое время мѣнялись на работѣ тысячи рабочихъ; въ свое время, потягиваясь отъ сна и ежась отъ утренняго холода, являлись въ мастерскія техники, по-прежнему изолированно державъ себя директора. Словомъ, все, казалось, шло именно такъ, какъ ему и идти слѣдовало, но это только казалось...

Занятый какимъ-то подсчетомъ, я сидѣлъ за рабочимъ столомъ въ своей конторкѣ. За перегородкой, въ верхней половинѣ стеклянной, перегородкой раздавался однообразный, непре-

*) Ткачи на механическихъ ткацкихъ фабрикахъ работаютъ одновременно на двухъ станкахъ.

рывный дязгъ нѣсколькихъ сотенъ ткацкихъ станковъ; голова, утомленная одиннадцатичасовымъ пребываніемъ на фабрикѣ, работала вяло, и дѣло подвигалось медленно.

Послышался слабый скрипъ двери, и вслѣдъ за нимъ раздалось легкое покашливанье. Я вскинулъ глаза и увидѣлъ передъ собою крупную, нѣсколько сутуловатую, уже не молодую фигуру одного изъ старѣйшихъ служащихъ мануфактуры, подмастерья Байкова, известнаго всей фабрикѣ по его отчеству подъ именемъ „Федотыча“. На обычный вопросъ „что надо?“ онъ доложилъ, что у него поломался одинъ станокъ, а двое ткачей, сказавшись больными, отпросились въ больницу.

Сдѣлавъ нѣкоторыя распоряженія я уже собирался снова погрузиться въ лежащую передо мною таблицу, но, чувствуя, что Федотычъ не уходитъ, машинально спросилъ: „Еще что-нибудь есть?“ Федотычъ не отвѣчалъ. Я поднялъ голову и взглянулъ на него. Во всей его высокой фигурѣ, начиная съ вытянутой впередъ шеи, и кончая приподнятыми, слегка сведенными бровями и поджатыми губами, была видна какая-то нерѣшительность. Казалось, что Байковъ хочетъ сказать что-то, по его мнѣнію, очень серьезное, но неуверенъ, слѣдуетъ-ли ему говорить, и не знаетъ, какъ приступить къ дѣлу.

— Да вотъ въ ткацкой-то у насъ... Богъ ихъ знаетъ, что на умѣ-то у нихъ, а я всё-таки примѣчаю, что будто-бы что-то затѣваютъ... Это я только вамъ, Федоръ Павловичъ, глазъ на глазъ докладываю, а вы сами извольте посмотреть, потому мнѣ точно ничего неизвѣстно...

— Да говорите, Байковъ, по-просту, что такое? Я ничего не понимаю.

— Да всё тоже,— все изъ-за основъ...

— Вы хотите сказать, что ткачи недовольны слабыми основами?

— Это ужъ что говорить! само собою недовольны. Довольнень-то ими, конечно, никто не будетъ! Они и раньше недовольны были; а только теперь какъ-будто очень большіе разговоры пошли...

Сообщеніе было важное. Я чувствовалъ, что такой опытный, съѣвший зубъ на фабричной работѣ, человекъ, какъ

Байковъ, даромъ, безъ серьезныхъ основаній ничего подобнаго не скажетъ. Что ткачи жалуются на слабыя, легко рвущіяся основы, — это было известно давно. Не только рабочіе, но и всѣ мы служащіе, отъ директора до послѣдняго подмастерья, съ удовольствіемъ ждали момента, когда окончится та, по коммерческой оплошности хозяина попавшая въ ноябрь на фабрику партія хлопка, которая давала слабую пряжу.

Фабрика не получала никакихъ выгодъ, обрабатывая такой матеріалъ, который понижая достоинства ткани, заставлялъ морщиться покупателей. Былъ даже одинъ — два случая возвращенія части запродаанныхъ партій, — случаи, небывалые въ лѣтописяхъ нашей мануфактуры. Но, не смотря ни на что, двѣ тысячи кипъ плохого хлопка, стоившія большихъ денегъ, нельзя было оставить переработанными, и директоръ, понадеявшись на старательность ткачей передъ Гасхой, пустилъ эту партію въ работу съ февраля мѣсяца въ усиленной пропорціи.

Стараясь скрыть и любопытство, и охватывавшую меня понятную тревогу, я напомнилъ Федотычу о томъ, что слабыя основы попадаются уже мѣсяца три; ткачи это знаютъ; на нашей мануфактурѣ это рѣдкость, а на другихъ — обыкновенное дѣло. Байковъ, искушенный въ тонкостяхъ фабричныхъ отношеній и политики, очевидно подумалъ, что я по какой-нибудь особенной причинѣ не хочу показать вида, что его сообщеніе меня заинтересовало, и сейчасъ же перешелъ на другой тонъ.

Конечно, Федоръ Павловичъ, ужъ про нашу мануфактуру ничего сказать нельзя; у насъ не то, что у Сильвестрова тамъ или у кого другого; у насъ всегда и товаръ, и заработки, можно сказать, изъ лучшихъ. Я такъ, въ слову связаль, а тамъ, какъ вамъ будетъ угодно.

Мнѣ пришлось убѣдиться, что хитрить съ Федотычемъ трудно.

— А вы сами какъ думаете, Байковъ, очень плохи основы?

— Ну, какъ же не плохи, Федоръ Павловичъ! — встрепенувшись, сейчасъ же совершенно иначе заговорилъ Федотычъ. Изъ рукъ вонъ! У лучшихъ ткачей то и дѣло станки стоять слабо — илихтовали!) — плохо было; а какъ вы приказали

*) Илихтовать — крахмалить. Предъ нами какъ одному изъ станковъ на ткацкой станокъ, ее на особыхъ машинахъ слабо крахмалить и просушивать — илихтовать.

силы не шликтовать, едва ли что не хуже пошло! Ломается, да и все тутъ. За этотъ мѣсяцъ даже Козловъ, — это былъ одинъ изъ лучшихъ ткачей, — и тотъ едва ли на двѣнадцать рублей сработаетъ, а о другихъ и говорить нечего. Вотъ завтра книжки отбирать будемъ для подсчета; какъ заработокъ то всѣмъ впишемъ, — смотрите, что будетъ!

— Но что же вы замѣтили, что видѣли?

— А вотъ какъ миткаль отъ ткачей принимаемъ, такъ ужъ третій день я вижу, что у складальни либо Федька Рыжій, либо Тихоновъ точно дежурятъ, да всѣхъ тѣхъ, которыхъ съ приѣма отпустили, что то все распраниваютъ. Еще примѣчаю, очень много народу около этихъ самыхъ мѣстъ, — Федотычъ не захотѣлъ употребить неприличное по его мнѣнію слово, — толчется. Соберутся тамъ, разговариваютъ, кричатъ; вчера сторожъ сталъ гнать ихъ, а они его самого вытолкали. Въ воскресенье у перевоза въ кабакъ что то галдѣли; мальчишки оттуда потомъ бѣгутъ, да и кричатъ: „всю фабрику остановимъ“.

— Ну, посмотримъ, что будетъ, пока я ничего сказать не могу. Ступайте, Байковъ.

Подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ этого разговора я хотѣлъ прямо пройти въ складальню, на приѣмку, чтобы по книгамъ точно провѣрить количество миткаля, принятое отъ каждаго ткача. Но мысль о томъ, что недовольные сейчасъ же начнутъ выводить разныя заключенія, сопоставляя продолжительное пребываніе въ моей конторкѣ Федотыча съ моимъ появленіемъ въ складальнѣ въ необычное время, остановила меня, и, выждавъ приближеніе конца смѣны, я отправился къ директору. Онъ по обыкновенію былъ за работой. Когда, поздоровавшись, я началъ кратко передавать ему свой разговоръ съ Байковымъ, онъ сейчасъ же перебилъ меня:

— Это вы относительно того, что у перевоза третьяго дня галдѣли, мнѣ сообщить хотите? Это я давно знаю.

— Оказалось, что директору уже извѣстно почти все тоже, что и мнѣ. Читая нѣкоторое удивленіе въ моихъ глазахъ, онъ поглядывалъ на меня съ едва замѣтной снисходительно-иронической усмѣшкой. Онъ былъ доволенъ, что его всѣмъ извѣстное искусство въ организаціи на фабрикѣ шпионства

и соглядатайства и на этот раз оказалось на недобающей высоте. Не даром же про него говорили, что у него уши по всей фабрике слышать.

— Что же вы думаете делать? — спросил я его, убедившись, что онъ въ сущности совершенно согласенъ съ опасеніями Байкова.

— А ничего.

— То-есть какъ — ничего? Вѣдь, мнѣ кажется, волненіе можетъ охватить всю ткацкую?

— Не думаю. Все это давай пять — шесть ткачей: Федоръ Колесникъ, знаете, этотъ высокій, рыжий, да Самохваловъ, да еще трое — четверо. Передъ получкой, когда зарплатки всѣмъ будутъ подсчитаны, сильные разгудоры пойдутъ, — въ то время лучше выяснится, кто коноводы. Тогда я ихъ и выгоню, а остальные спокойно работать станутъ.

Я выразилъ опасеніе, что увольненіе нѣсколькихъ лицъ, не успокоивъ остальныхъ, можетъ усилить неудовольствіе, причины котораго лежатъ именно въ пониженіи заработной затрогивающае всѣхъ или очень многихъ ткачей.

— Не очень многихъ, а всего шестьсотъ — семьсотъ изъ двухъ съ половиною тысячъ. Это далеко не всѣ! — перебилъ меня директоръ.

Я попробовалъ указать, что нѣкоторая прибавка къ будущей выдачѣ платы тѣмъ ткачамъ, которые работали на основахъ изъ новаго хлопка, могла бы, пожалуй, предотвратить большія непріятности. Такое предложеніе сразу раздражило директора; раздражило, быть можетъ, именно потому, что оно исходило не отъ него, а въ первый разъ было высказано мѣсяца, долтора назадъ фабричнымъ инспекторомъ.

— Ну-съ, прибавлять-то я не вижу ни малѣйшихъ основаній; прибавить — это значитъ выбросить три-четыре тысячи рублей хозяйскихъ денегъ безъ всякихъ серьезныхъ причинъ; вѣдь ткачи все понимаютъ, что ихъ заработокъ, глядя по качествамъ пряжи, можетъ значительно колебаться. Небось, въ прошломъ году, когда лучший хлопокъ и на основу, и на утокъ пошелъ и они стали чуть не на двадцать процентовъ больше обмѣновеннаго, зарабатывать такъ имъ нѣтъ цѣну не спустили! фабрика имъ тогда противъ соблазновъ мануфактуръ, сколько лишняго переплатила? Ну, давай

почему-же теперь мы опять-таки на себя будем переплату принимать? Теперь они могут мѣсяць-другой потерпѣть! А каковъ-бы это былъ примѣръ для сосѣдей? Каковъ прецедентъ на будущее время: чуть ткачи закапризничали—сейчасъ имъ прибавлять! Нѣтъ-съ, такъ поступать нельзя!

Я попробоваль-было перенести дѣло на коммерческую почву и по возможности мягко намекнуть на то, что въ случаѣ крупныхъ неудовольствій фабрику, можетъ-быть, придется на нѣсколько дней остановить; а каждый день просто, по вычисленію того-же директора, хозяевамъ не менѣе двухъ съ половиною тысячъ прямого убытка наносить; слѣдовательно за экономію на заработкѣ, пожалуй, придется черезчуръ дорого заплатить при забастовкѣ. Такая постановка вопроса, не произведя никакого впечатлѣнія, только усилила неудовольствіе директора; онъ категорически заявилъ, что забастовки бояться, по его мнѣнію, нечего; а если-бы она и произошла, то коснется это дѣло прежде всего его, директора, и онъ въ этомъ случаѣ беретъ отвѣтственность на себя. Мнѣ приходилось уйти, и, прощаясь я только попросилъ разрѣшенія направлять непосредственно въ директорскій кабинетъ всѣхъ ткачей, которымъ-бы вѣдумалось обратиться ко мнѣ съ какими-нибудь жалобами или съ претензіями на низкіе заработки.

— Пожалуйста, пожалуйста, — какъ-бы обрадовался директоръ. Онъ, должно-быть, боялся, что я могу сказать ткачамъ въ такомъ случаѣ что-нибудь лишнее.

II.

Съ тѣхъ поръ, какъ Федотычъ указалъ мнѣ на возможность крупныхъ неудовольствій въ ткацкой, прошло дней семь. Отъ ткачей по заведенному порядку, въ свое время были отобраны расчетныя книжки, былъ подсчитанъ ихъ заработокъ, и въ субботу на третьей недѣлѣ они должны были получить обычный расчетъ. Я пристально присматривался за это время къ ткацкой и съ каждымъ днемъ убѣждался въ вѣроятности возникшихъ у насъ догадокъ. Поминутно то тамъ, то здѣсь собирались кучки въ пять-шесть человѣкъ,

немедленно расходившихся, какъ только невдалекѣ показывался подмастерье, или при моемъ приближеніи. Многіе изъ ткачей не смотрѣли мнѣ въ глаза; Федька Рыжій высокій, скуластый, худощавый ткачъ, съ размашистыми движеніями и нахальнымъ взглядомъ; то тутъ, то тамъ чаще другихъ попадался мнѣ на встрѣчу. Я дважды долженъ былъ пригрозить ему штрафами за отлучку отъ его станка безъ всякой надобности.

Приземистый, широкоплечій, съ выпуклымъ лбомъ и вдумчивыми симпатичными глазами, Тихоновъ, также нерѣдко оказывался въ центрѣ отдѣльныхъ группъ молодые рабочіе, зеленая молодежь ткацкой, тоже выказывали особенную, бросающуюся въ глаза, нервную подвижность. Въ настроеніи чувствовалась напряженность, усиливавшаяся со дня на день; но рабочіе не дѣлали еще ни одного рѣзкаго шага, какъ-бы чего-то выжидая. Первое опредѣленное заявленіе съ ихъ стороны было сдѣлано мнѣ въ самой скромной формѣ дня за два до субботней полочки. Вечеромъ, въ шесть часовъ, когда одна половина рабочихъ явилась на смѣну другой, и на лицо въ корпусѣ оказался весь комплектъ ткачей, къ моей конторкѣ подошла кучка челоуѣкъ въ восемь рабочихъ. Черезъ стеклянную перегородку я видѣлъ, что прежде чѣмъ войти они на минуту остановились, какъ-бы въ нерѣзительности; двое или трое обернулись къ товарищамъ, очевидно желая что-то сказать, но другіе только кивнули имъ рѣзкимъ движеніемъ головы и подбородка кверху, которое должно было означать: „не болтай зря! Иди, коли пошелъ!“ Ручка моей двери скрипнула.

„Начинается“, — невольно промелькнуло въ головѣ. На секунду какое-то жуткое чувство охватило меня, точно именно въ это мгновеніе ярко блеснула передо мною мысль, что какая-то непреодолимая сила толкаетъ меня навстрѣчу чему-то неизвѣстному, огромному, тяжелому. Но какъ только кучка рабочихъ съ хорошо мнѣ знакомыми, мирными лицами показалась въ дверяхъ, мнѣ стало стыдно за себя за эту секунду внутреннего смущенія. Сами вошедшіе, казалось, были смущены еще больше меня. Ожидая, пока они заговорятъ, я разсматривалъ всю группу. Между ними не оказалось ни одного рабочаго, который чѣмъ-бы то ни было выдѣлялся

изъ массы среди обычной, мирной жизни ткацкой. Очевидно ткачи позаботились о томъ, чтобы никто изъ выбранныхъ ими для начала дѣла не могъ быть сочтенъ за воновода.

— Что скажете? — началъ я, чтобы прервать неловкое молчаніе.

Заговорили не сразу.

— Ну, что же, говорите кто-нибудь, — послышался голосъ одного изъ стоящихъ сзади.

— Говори ты, Синицынъ.

Синицынъ рѣзко обернулся назадъ, точно хотѣлъ заставить замолчать товарища, навязывавшаго ему первую роль.

— Ну, о чемъ-же ты мнѣ долженъ сказать? — обратился я уже прямо къ названному рабочему.

— Да это не я, Федоръ Павловичъ, это мы всѣ! — началъ стоявшій впереди всѣхъ Синицынъ.

— Да, само собою мы всѣ! всѣ мы къ вамъ, потому вы нашъ мастеръ, — заговорило вдругъ сразу нѣсколько голосовъ.

— Говори кто-нибудь одинъ. Молчали, молчали, да всѣ сразу начали, — такъ понять ничего нельзя.

Прошло еще нѣсколько минутъ въ такомъ-же словесномъ топтаніи на одномъ мѣстѣ, прежде чѣмъ одинъ изъ ткачей рѣшился повести рѣчь толкомъ. Говорилъ онъ связно, разумно, говорилъ то, что мнѣ было хорошо извѣстно; зная напередъ, что онъ скажетъ, я больше обдумывалъ свой отвѣтъ, чѣмъ слушалъ; тѣмъ болѣе, что въ это время мой слухъ былъ отвлеченъ совсѣмъ другимъ: привычное ухо уловило ослабленіе звука въ ткацкой. Этотъ все покрывающій шумъ какъ-будто бы понемногу терялъ свою силу.

Вотъ кажется, остановились станы въ концѣ лѣвой половины корпуса... вотъ ослабѣваютъ звуки въ средней его части... Правое крыло тоже стучитъ не такъ усиленно, какъ раньше! Черезъ нѣсколько мгновеній въ столь знакомомъ мнѣ непрерывномъ, сплошномъ лязгѣ оказывается возможнымъ уже отличать отдѣльные звуки. Еще черезъ минуту только нѣсколько разрозненныхъ станковъ щелкаютъ тутъ и тамъ, но и они, наконецъ, смолкаютъ. Слышны шаги массы людей. Я оглядываюсь и вижу, что моя конторка окружена ткачами и ткачихами, лица которыхъ съ выраженіемъ любопытства и ожиданія видны сквозь стеклянную перегородку, от-

дѣляющую меня отъ рабочаго помѣщенія. Задніе ряды ткачей тѣснятъ ближнихъ. Ближайшіе почти вплотную прилегаютъ лицомъ къ стеклу, при чемъ головы проборщиковъ и другихъ юнцовъ, пробившихся, какъ всегда, впередъ, еле выглядываютъ изъ за нижней, деревянной части стѣнки. И Тихоновъ и Ѳедоръ Рыжій стоятъ тоже въ первыхъ рядахъ, но стоятъ совершенно спокойно.

— Чего-же вы хотите?—спросилъ я пришедшихъ въ мою конторку ткачей, послѣ того, какъ замолчалъ говорившій.

— Да вотъ всѣ ткачи просятъ, чтобы за этотъ мѣсяць за плохія основы намъ прибавили по пятнадцатому на кусокъ, и чтобы на будущіе мѣсяцы этихъ основъ не работать.

— Я самъ, вы знаете, ничего сдѣлать не могу, это зависитъ отъ директора. Но вы несообразно много просите. По пятнадцати копѣекъ на кусокъ—это вѣдь за мѣсяць чуть не по четыре рубля прибавки на человѣка выйдетъ. Теперь ступайте къ станкамъ, я передамъ директору вашу просьбу только тогда, когда всѣ стануть на работу.—Съ этими словами я вышелъ въ ткацкую и громко повторилъ то же самое, обращаясь уже ко всѣмъ ткачамъ. Прошло двѣ—три минуты;—толпа стояла беззвучно, но не расходилась. Пришлось повторить снова.

— Ребята, не расходись!—крикнулъ кто-то сзади.

Но Тихоновъ и нѣсколько другихъ рабочихъ, очевидно пользовавшихся вліяніемъ, обернувшись, только тихо бросили въ толпу „тише, не кричать“—и все сразу смолкло. Это былъ тотъ начальный періодъ неудовольствій, когда страсти еще не разгораются и не нарушаютъ дисциплины.

— Ну, что же, ребята, Ѳедоръ Павловичъ, общается за насъ поговорить директору. Нечего зря стоять. Идемъ работать!—крикнуло нѣсколько человѣкъ. Минута колебаній, затѣмъ два—три человѣка изъ первыхъ рядовъ круто повернули къ станкамъ, дневная смѣна потянулась къ выходу: въ одномъ—двухъ мѣстахъ ударили погонялки, и черезъ пять—шесть минутъ ткацкая приняла обычный видъ.

Я отправился къ директору. Онъ выслушалъ меня молча и задумался.

— Такъ сразу всѣ принялись за работу?—наконецъ спросилъ онъ.

— Да, сразу.

— И никто из верховодовъ къ вамъ въ контору не пришель? Хитро задумано!—И пальцы директора нервно застучали по столу.

— Что же я долженъ передать ткачамъ?

— Прикажете, тѣмъ, что у васъ были, завтра послѣ завтрака, часовъ въ девять придти ко мнѣ. Я пожалуй, обещаю имъ прибавить по гривеннику на рубль заработка съ тѣмъ, чтобы они и дальше тѣ же основы работали. А съ десятокъ человѣкъ въ субботу все-таки уволю съ фабрики. Рыжого да Тихонова, конечно, прежде всѣхъ.

— Рѣшеніе директора мнѣ не нравилось. Прибавка по гривеннику на рубль не могла удовлетворить тѣхъ, кто недоработывалъ двадцать—двадцать пять процентовъ. Увольнять же популярныхъ среди рабочихъ лицъ въ такой моментъ мнѣ казалось верхомъ неосторожности. Я сказала объ этомъ директору, но онъ, по обычаю, стоялъ на своемъ.

На другой день объясненія ткачей съ нашимъ высшимъ начальствомъ не привели ни къ чему. Рабочіе прямо заявили, что обѣщанной прибавки имъ мало и что плохихъ основъ они работать не желаютъ. Въ субботу работа началась обычнымъ порядкомъ. Всѣмъ тѣмъ, кто работалъ на плохой пряжѣ, несмотря на прибавку, пришлось, конечно, къ выдачѣ гораздо меньше того, что они получили обыкновенно.

Вечеромъ многіе изъ ткачей не вышли на ночную работу*), а пришедшіе къ станкамъ со слабыми основами туго принимались за дѣло и стояли на своихъ мѣстахъ, кажется, только для соблюденія приличія. Я вышла на главную лѣстницу. По ней вверхъ и внизъ безпрестанно съ озабоченнымъ видомъ двигались рабочіе. Мальчуганы безпрестанно сновали взадъ и впередъ. Внизу, на входной площадкѣ, передъ дверью, ведущей въ конторку кассира, гдѣ производился расчетъ, толпилось человѣкъ двѣсти народу. Вдругъ до меня долетѣли нарастающіе звуки громкаго говора. Дверь кассы растворилась. Нѣсколько мальчишекъ выскочили оттуда и стрѣлой промчались вверхъ по лѣстницѣ.

— Тихонова уволили! Оедьку Рыжого директоръ расчи-

*) Работа подъ воскресенье оканчивается утромъ.

тать велѣлъ! Симонова увольняютъ! Ребята! Симонова увольняютъ!

Эти крики послужили какъ бы сигналомъ.

— Бросай работу!—пронеслось волной по всемъ ткацкимъ помѣщеніямъ; черезъ минуту на площадѣ каждаго этажа показалось три, пять, десять человѣкъ, и вслѣдъ затѣмъ вся дѣстница покрылась все возрастающей толпой, сбѣгающей внизъ. Только въ тѣхъ ткацкихъ залахъ, гдѣ работали болѣе высокіе сорта такъ-называемыхъ фасонныхъ матерій, которыхъ совершенно не коснулось дѣло о плохихъ основахъ, ткачи остались спокойны, и работы въ нихъ шли по-прежнему. Всѣ же остальные помѣщенія ткацкого корпуса опустѣли совершенно.

— Что вы дѣлаете?—попробовалъ я остановить нѣкоторыхъ бѣгущихъ мимо меня, но было уже поздно. Общее настроеніе захватило участниковъ, и прежде чѣмъ я успѣлъ телефонировать въ квартиру директора о всемъ случившемся, тогда въ семь или восемь сотъ ткачей густой стѣной стояла уже на дворѣ передъ входомъ въ корпусъ. Слышался массовый говоръ; но при появленіи авторитетной фигуры директора, все стихло.

— Чего вы столпились?—спросилъ она сдержанно и спокойно рабочихъ.

— Просимъ прибавки. На плохія основы надо еще прибавить.

— Вы получили прибавку.

— Мало! Надо на кусокъ по дятіалтынкому!—Нѣтъ, по двугривенному!—А затѣмъ ткачей увольняютъ?—Всѣхъ ткачей оставить!—Мы все равны, затѣмъ десятерыхъ уволятъ?—раздались голоса изъ заднихъ рядовъ быстро растущей кучи. Голоса теперь звучали рѣзко и громко. Было очевидно, что настроеніе среди ткачей сейчасъ уже совсемъ не то, что было два дня назадъ. Директоръ попробовалъ авторитетно предложить разойтись, но это была совершенно тщетная попытка. Тѣмъ временемъ вѣстиво событіякъ очевидно полетѣли по всей мануфактурѣ. Въ прядильномъ корпусѣ окна были покрыты любопытными; у выходныхъ дверей столпились цѣлыя кучи, наблюдающія рѣдкое на нашей фабрикѣ явленіе. Желая покончить неудобное положеніе, ди-

ректоръ объявилъ, что съ толпою онъ говорить не можетъ, а будетъ говорить лишь съ тѣми ткачами, которые были у него наканунѣ, и направился въ контору. Я послѣдовалъ за нимъ. Свистки и насмѣшки посыпались намъ вслѣдъ.

Изъ конторы немедленно были посланы депеши хозяину, фабричному инспектору и исправнику; послѣднему—съ просьбой похлопотать о закрытіи двухъ кабаковъ у перевоза. Къ сожалѣнію, эта простая мѣра могла быть приведена въ исполненіе только на завтра.

Когда мы съ директоромъ отходили отъ расходившихся рабочихъ, то среди ткачей слышался усиленный говоръ, потомъ отдѣльные крики, пришедшіе подъ конецъ въ какое-то сплошное галдѣніе, разобраться въ которомъ для посторонняго человѣка было бы невозможно. Но всё еще стояли на одномъ мѣстѣ.

— Ребята, къ перевозу!—раздался голосъ какого-то находчиваго человѣка.

— Къ перевозу! — сейчасъ же подхватили семь-восемь голосовъ. Нѣсколько секундъ длилось колебаніе, но когда группа человѣкъ въ пятнадцать, среди которой я даже въ надвигавшихся сумеркахъ могъ впереди другихъ отличить высокую фигуру рыжаго Федора, рѣшительно двинулась къ воротамъ, толпа сплошною стѣною послѣдовала за ними. Только отдѣльные рабочіе, только ничтожныя кучки въ три—четыре человѣка то тамъ, то здѣсь отставали отъ огромнаго чернаго пятна, которымъ выдѣлялась эта масса людей на голубоватомъ фонѣ мартовскаго снѣга; конечно, не меньше двухъ третей всѣхъ недовольныхъ черезъ пять минутъ оказались подлѣ каруселей между двухъ кабаковъ.

— Теперь пойдетъ потѣха! — увидѣвъ движеніе толпы, мрачно буркнулъ директоръ.

III.

Фабричный инспекторъ, уже знакомый намъ Василій Васильевичъ Долгополовъ, пріѣхалъ рано утромъ и сразу очутился въ очень тяжеломъ и неловкомъ положеніи. Во-первыхъ, желая говорить съ рабочими, онъ не могъ начать эти

переговоры, не созывая специально для этой цѣли праздную въ воскресенье толпу, къ которой просто отъ нечего дѣлать сегодня могли применить не только ткачи, а и все многотысячное населеніе фабрики. Съ другой стороны, на немъ лежала обязанность усдвоить неудовольствіе; а между тѣмъ онъ уже полтора мѣсяца назадъ официально указалъ директору фабрики на основательность доводовъ ткачей. Разобравъ дѣло, онъ предложилъ директору объявить ткачамъ о томъ, что фабрика согласна увеличить расцѣнокъ для плохаго матеріала по гривеннику на штуку. Директоръ рѣзко запротестовалъ. Еще болѣе острое пререканіе вызвало увольненіе нѣсколькихъ ткачей. Никакихъ законныхъ причинъ, кромѣ огульныхъ подозрѣній, къ ихъ внезапному расцету не оказалось; и инспекторъ высказалъ мнѣніе, что лучше всего, разъ они уже расчитаны, было бы уплатить имъ по примѣрному подсчету по Пасху, до которой всѣ рабочіе были наняты. Нашъ Юпитеръ, само сабою разумѣется, не хотѣлъ о томъ и слышать. Видя натянутость положенія, Васидій Васильевичъ просилъ дать вторую денешу хозяину о желательности его присутствія на фабрикѣ.

Прослышавъ о пріѣздѣ инспектора, ткачи кучками стали подходить къ конторѣ; вдали собирались болѣе значительныя группы. Затягивать неопредѣленность положенія было положительно неудобно. Долгополовъ, попросивъ директора и меня идти съ собою, вышелъ къ ближайшей группѣ рабочихъ. Сейчасъ же къ ней подошли другія; толпа нарастала съ поразительной быстротой; вскорѣ мы были окружены сплошной живой стѣной. Какъ привычный человекъ, инспекторъ не испытывалъ никакого смущенія среди этой необычайной обстановки. Директоръ тоже сохранялъ спокойствіе; я же чувствовалъ себя, въ особенности сначала, неловко; но эта неловкость скоро пропала. Спокойно-добродушный тонъ инспектора придавъ всему объясненію вполне миролюбивый характеръ, минутами не лишенный даже шутки и юмора. Желанія ткачей за ночь очевидно уже успѣли значительно возрасти. Теперь рѣчь шла уже не только о плохихъ основахъ и объ уволенныхъ рабочихъ. Изъ заднихъ рядовъ то-и-дѣло раздавались возгласы, одобрительно поддерживаемые многими, о высокихъ штрафахъ, о томъ, что харчи дороги, объ увольненіи ста-

риковъ и о томъ, что всѣ расцѣнки на работы очень низки. Последнее замѣчаніе сильно задѣло директора; онъ началъ доказывать, что расцѣнки на мануфактурѣ выше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, и немало труда стоило. Василью Васильевичу прекратить этотъ бесполезный, не во-время возникшій споръ. После нѣсколькихъ бесплодныхъ попытокъ свести дѣло на первоначально указанные поводы неудовольствія, инспекторъ сталъ убѣждать рабочихъ завтра съ утра выйти на работу, обѣщая въ такомъ случаѣ подробно разобрать и постараться уладить все дѣло. Его объясненіе, конечно, не удовлетворило ткачей; когда же онъ заявилъ рабочимъ, что въ случаѣ ихъ упорства онъ не можетъ помочь имъ, и что лишь при полномъ спокойствіи фабрики онъ имѣетъ право хлопотать объ удовлетвореніи ихъ законныхъ желаній, слышались только ироническіе возмасы: „Слыхали мы такіе разговоры! — И не надо! — Ступайте лучше съ директоромъ завтракать!“

До обѣда дѣло не подвинулось ни на шагъ, переговоры съ рабочими пришлось отложить до завтра. Рабочіе двинулись толпой къ перевозу; но увидавъ, что кабаки закрыты, постепенно разошлись, и вторая половина воскреснаго дня прошла спокойно. Къ вечеру пріѣхалъ хозяинъ. Прежде всего онъ заперся въ своемъ кабинетѣ съ директоромъ и фабричнымъ инспекторомъ; примѣрно черезъ часъ и я былъ приглашенъ къ совѣщанію. Нетрудно было сразу замѣтить, что оно не привело ни одного изъ участниковъ въ особенно пріятное расположеніе духа. Нервность и взаимное неудовольствіе чувствовались въ позѣ, въ мнѣнїи, въ тонѣ каждаго изъ трехъ собесѣдниковъ.

— Вотъ, Федоръ Павловичъ, я хотѣлъ бы ваше мнѣніе узнать обо всей нашей непріятной исторіи. Вы специалистъ, вы завѣдуете всѣмъ ткацкимъ отдѣленіемъ, — изысканно любезно началъ хозяинъ.

Я рассказалъ, что зналъ.

— Такъ вы думаете, что ткачи имѣли основаніе жаловаться на основы?

— Да, имѣли.

— Это ваше окончательное мнѣніе?

Я подтвердилъ его цифрами.

— Въ такомъ случаѣ намъ придется по возможности удов-

летворить ихъ основательныя претензіи, — обратился хозяинъ къ директору.

— Я уже два раза объяснялъ, почему я не могу считать претензіи ткачей основательными. Вы забалуете народъ. Если вы все-таки желаете прибавить, я дальше спорить не стану; деньги ваши—дѣло ваше! Я только категорически заявляю, что я считаю это излишнимъ, — мѣрно отчеканилъ директоръ.

Обмѣнявшись еще нѣсколькими незначительными замѣчаніями, мы вчетверомъ составили объявленіе о томъ, что ткачамъ, которые получили или получатъ слабыя основныя изъ ноябрьской партіи хлопна, будетъ прибавлено по десяти копѣекъ на кусокъ.

— Ну-съ, одно дѣло мы повончили; теперь другое—объявленіи увольненіи ткачей, — началъ инспекторъ.

— Нѣтъ-съ, это уже невозможно. Взять назадъ людей, которые народъ мутятъ, нельзя: даромъ имъ за мѣсяць заплатить, — это тоже, воля ваша, черезчуръ, — обрушились на него сразу и директоръ, и хозяинъ.

— Позвольте, но вѣдь нѣтъ никакихъ доказательствъ!

— Какія же тутъ могутъ быть доказательства: вездѣ ходили, со всѣми говорили, — ясно, что это ихъ рукъ дѣло!

Споръ принялъ сразу горячій, даже страстный характеръ. Къ соглашенію, очевидно, придти было невозможно. Василию Васильевичу только оставалось категорически заявить свое мнѣніе и объяснить оппонентамъ, что онъ долженъ будетъ указать уволеннымъ ткачамъ дорогу въ судъ; черезъ судъ они могутъ искать съ фабрики деньги, причитающіяся имъ по срокъ найма, т. е. по Пасху.

Прошла ночь. Въ понедѣльникъ въ обычное время раздались протяжные гудки, въ обычное время явились на работу, директоръ и всѣ техники. Прядильный корпусъ пошелъ, пошли три ткацкихъ залы съ фасонными станками; но безнадежная пустота царилла во всемъ остальномъ ткацкомъ корпусѣ. Сотни три любопытныхъ ткачей и ткачихъ кучкой стояли у входа, но на мое предложеніе идти къ станкамъ только молча переглянулись. Я указалъ на объявленіе о прибавкѣ, вывѣщенное на дверяхъ; но мои слова не произвели никакого дѣйствія и вызвали только отдѣль-

ные возгласы въ видѣ отрывистыхъ репликъ: „Мало!“ „А зачѣмъ ткачей уволили?“ „Съ хозяиномъ говорить желаемъ!“
Я прошелъ по корпусу. Свѣтало. На востокъ поднималась уже широкая алая полоса мартовской зари. Мастерскія, ярко освѣщенные огнями, но безлюдныя и безмолвныя, производили странное, гнетущее впечатлѣніе чего-то безжизненнаго, ненужнаго. Я приказалъ потушить свѣтъ.

Прошло съ четверть часа неопредѣленнаго томительнаго ожиданія. Со двора слышались крики. Взглянувъ въ окно, я увидѣлъ значительно выросшую толпу ткачей, посреди которыхъ что-то говорилъ фабричный инспекторъ, но рабочіе его почти не слушали и что-то кричали, обратившись къ подходившему директору.

Я сошелъ внизъ. Теперь въ массѣ чувствовалось уже рѣзкое возбужденіе; нѣсколько громкихъ голосовъ выкрикивали, что прибавки, обѣщанной объявленіемъ, мало, что надо еще прибавить, надо рассчитанныхъ ткачей вернуть, надо штрафы уничтожить.

Въ первый рядъ протискался болѣзненный, малорослый ткачъ съ красными воспаленными глазами и съ высокимъ звонкимъ голосомъ; горячо началъ онъ перечислять всѣ тѣ обиды и притѣсненія, которымъ якобы подвергались ткачи на фабрикѣ. Толпа сочувственно ему поддакивала и одобряла отдѣльными возгласами.

Теперь претензіи рабочихъ разрастались уже до необычайныхъ предѣловъ, и если бы можно повѣрить говорившему отъ лица всѣхъ, тщедушному ткачу, то слѣдовало придти въ заключенію, что мы находимся не на одной изъ лучшихъ мануфактуръ, а на такой фабрикѣ, гдѣ хозяева только и думаютъ о томъ, какъ бы прижать рабочаго. Душевное и умственное волненіе, получившее первоначальный импульсъ въ дѣдѣ съ плохими основами, очевидно разрасталось, какъ круги отъ камня, брошеннаго въ воду.

Недополучившіе сравнительно съ обычнымъ заработкомъ два—три рубля, ткачи, выбитые изъ колеи событіями послѣднихъ недѣль и въ особенности двухъ послѣднихъ дней, сразу припомнили все, что когда-нибудь вызвало въ комъ-нибудь хоть малѣйшее неудовольствіе. Каждый случай, вадѣвшій когда-либо кого-либо въ ткацкой, теперь, упоманутый

среди праздної толпы и повторенный въ теченіе двухъ дней десяти—пятнадцати разъ, принималъ въ ея глазахъ необычное значеніе. Раббчій, оштрафованный два раза въ годъ и двугривенный, назлектризованный обстановкой, готовъ былъ теперь кричать, что ему житья нѣтъ отъ штрафованія; если когда-нибудь, соблазненный удвоенной платой за праздничную работу, ткачъ проработалъ по нѣскольку часовъ три—четыре воскресенья подрядъ, то теперь онъ уже доказывалъ, что ему приходится работать силошь всѣ праздники. Словомъ, настроеніе толпы поднялось до той точки, знакомой всѣмъ, кто когда-нибудь имѣлъ дѣло съ недовольной массой, когда всякіе переговоры прекращаются за невозможностью ихъ веденія.

— Что съ ними говорить! Къ хозяину! — раздался звичный гомозъ, повторенный какъ эхомъ сотней рабочихъ, и всѣ ткачи кинулись въ хозяйскому дому.

Хозяинъ, послѣ нѣкотораго колебанія, вышелъ на крыльцо; но при такомъ положеніи дѣлъ, конечно, переговоры съ нимъ не могли привести къ миролюбивому соглашенію. Когда, повторивъ текоть объявленія, владѣлецъ фабрики просилъ всѣхъ ткачей вернуться къ станкамъ, указывая на то, что превращеніе работъ, убыточное для него, разорительно и для нихъ самихъ, раздалась возгласы: „Ничего, мы потерпимъ“, и масса двинулась обратно, направляясь мимо ткацкой къ казармамъ.

— А въ фасонной-то работаютъ. Ужъ имъ бока намнемъ! Выгнать ихъ! — слышались отдѣльные голоса...

Подростки и ребята, сопровождавшіе толпу взрослыхъ, и смотрѣвшіе на непріятныя событія послѣднихъ дней, какъ на интересное представленіе, дававшее въ тому же возможность побалагурить и покричать вмѣсто того, чтобы стоять на скучной работѣ, нагнулись къ землѣ за камнями. Десятка три булыжниковъ полетѣло въ окна. Нѣсколько стеколъ, звянувъ, въ осколкахъ посыпались на землю.

Хотя старики тутъ же остановили не въ мѣру расходившуюся молодежь, но эта глупая выходка не прошла даромъ: къ вечеру „для охраненія спокойствія и фабричнаго имущества“ пришла сотня казаковъ. Дѣла для казаковъ, однако, не оказалось.

Прошло дней десять. Беспорядки на фабрикѣ миновали. Ткацкая уже четыре дня работала, хотя въ концѣ-концовъ не восемь, а 27 рабочихъ были уволены. Обѣщанная прибавка на плохія основы, конечно, была ткачамъ дана. На разспросы постороннихъ лицъ о томъ, что собственно произошло на фабрикѣ, директоръ отвѣчалъ съ дѣланно-небрежнымъ видомъ: „Да ничего особеннаго; такъ-себѣ, немного ткачи пошумѣли!“

Тяжелыя впечатлѣнія, пережитыя за послѣдній мѣсяцъ, просились наружу. Стѣсняясь свободно говорить о нихъ на фабрикѣ, я высказалъ ихъ въ письмѣ къ пріятелю, служившему на одномъ изъ большихъ южныхъ заводовъ, и въ отвѣтъ отъ него получилъ совѣтъ бросить ~~напѣть~~ старый фабричный районъ и ѣхать на Югъ, гдѣ онъ могъ меня рекомендовать на мѣсто помощника механика. „Сейчасъ мѣсто неважное, да зато въ этой русской „Америкѣ“ карьеру сдѣлаешь“. Предложеніе это сначала показывалось мнѣ прямо-таки нелѣпнымъ: было слишкомъ тяжело и грустно покидать дѣло, на которомъ прошло шесть лучшихъ лѣтъ жизни. Но скоро я былъ поставленъ въ такое положеніе, въ которомъ мнѣ не оставалось выбора. Директоръ сдѣлался со мною необычайно сухъ съ самаго того момента, когда мои слова въ хозяйскомъ кабинетѣ заставили послѣдняго принять рѣшеніе, съ которымъ нашъ Юпитеръ былъ не согласенъ. При первомъ удобномъ случаѣ онъ сдѣлалъ мнѣ какое-то рѣзкое замѣчаніе; я возразилъ на него и получилъ отвѣтъ, въ которомъ директоръ выражалъ крайнее сожалѣніе, что въ послѣднее время ему приходится слишкомъ часто со мною не соглашаться.

— Долженъ ли я принять ваше замѣчаніе за намекъ на то, что вамъ было бы пріятнѣе не видѣть меня на фабрикѣ? — рѣзко оборвалъ я его.

— Какъ хотите, такъ и понимайте! — бросилъ онъ мнѣ въ отвѣтъ, уходя изъ ткацкой.

Къ Пасхѣ я былъ уже въ Екатеринославской губерніи.

Изъ заграничныхъ впечатлѣній.

I. На французскомъ судостроительномъ заводѣ.

Въ 1897 году въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль мнѣ очень часто приходилось любоваться цѣлымъ рядомъ французскихъ боевыхъ гигантовъ, стоявшихъ на якорѣ въ Тулонскомъ заливѣ. Я не сталъ бы настаивать что слово „любоваться“ употреблено здѣсь совершенно правильно. По крайней мѣрѣ я, профанъ и не специалистъ, несмотря на указанія знакомыхъ моряковъ, до конца не могъ найти въ этихъ современныхъ чудовищахъ ничего такого, что подходило подъ понятіе „красоты“, которой вѣдь только и можно любоваться на самомъ дѣлѣ. Ни смѣло поднимающіяся вверхъ мачты, ни изящныя очертанія парусовъ, округляемыхъ вѣтромъ и дающихъ легкій кренъ судну, не тѣшаль глазъ наблюдателя современнаго военнаго флота. Все это отошло въ область преданій и считается бесполезной и даже вредной забавой. Новыя суда вооружаются, какъ извѣстно, не только совершенно безъ парусовъ и такелажа, но перѣдко даже и со старыхъ красавцевъ, лѣтъ десять назадъ щеголявшихъ на всѣхъ рейдахъ Европы соразмѣрностію и элегантностію своей оснастки, безжалостно сносятся всю ихъ красоту. Желѣзная броня, широкія и некрасивыя боевыя башни, далеко выдающіеся изъ нихъ каналы орудій, безобразно укороченныя, точно обрѣзанныя мачты, обращенныя въ батареи для скорострѣльныхъ пушекъ и рядъ огромныхъ дымовыхъ трубъ отъ топокъ па-

ровыхъ котловъ—вотъ все, что можно увидѣть при внѣшнемъ осмотрѣ современной боевой эскадры. Здѣсь нечего любоваться, зато найдется не мало такого, чему можно удивляться. И техникъ и не-техникъ сразу чувствуютъ, что для постройки этихъ металлическихъ громадъ, гдѣ цѣлыя башни, вѣсящія съ вооруженіемъ десятки тысячъ цудовъ, вращаются однимъ человѣкомъ, гдѣ машины огромныхъ силъ должны работать для передвиженія этихъ плывучихъ батарей съ несслыханной прежде быстротой, нужна масса знанія, нуженъ громадный запасъ технической умѣлости, цѣлыя арміи привычныхъ профессиональныхъ рабочихъ и цѣлыя литаты ученыхъ инженеровъ и мастеровъ.

Насмотрѣвшись на рядъ боевыхъ кораблей, я съ особеннымъ любопытствомъ поглядывалъ на построившій многіе изъ нихъ крупный судостроительный заводъ, виднѣвшійся въ глубинѣ залива, и при первомъ удобномъ случаѣ осматривалъ одного знакомаго инженера цѣлымъ рядомъ вопросовъ—объ устройствѣ и порядкахъ этого заведенія.

— Да не хотите ли взглянуть самый заводъ?— предложилъ онъ мнѣ. Я съ радостію согласился и не безъ нетерпѣнія ожидалъ тотъ день, который былъ назначенъ для нашего перваго посѣщенія верфи.

По прекрасному шоссе подходимъ мы къ тому мѣстечку, которое самымъ своимъ существованіемъ на три четверти обязао заводу, такъ изъ 5 тысячъ его жителей почти 4—рабочіе.

Мой слугчикъ извинился передо мною за то, что ради сокращенія пути, онъ долженъ провести меня очень грязной и вонючей улицей, заселенной специально бѣдняками-рабочими—итальянцами, работающими на томъ же заводѣ. Уже совсемъ подходя къ цѣли нашего пути, я невольно спросилъ своего чичероне,—гдѣ же та ужасная улица, про которую онъ столько говорилъ.

— Да мы идемъ по ней!— Я осмотрѣлся. Вѣлыя трехэтажные дома, асфальтовые тротуары, прекрасная мостовая, всюду проведенная вода. Правда, по лоткамъ вдоль улицы текла быстрыми ручьями мутноватая жидкость, но она не имѣла никакого запаха, и самое ея количество показывало на обильное водоснабженіе. Конечно, на порогахъ домовъ,

мы видѣли не мало черноволосыхъ ребятишекъ, которыми не мѣшало бы умыться, но ни одинъ изъ нихъ не напомнилъ намъ, русскаго, всѣмъ знакоматоу мальчику безъ штановъ. Хотя мнѣ и объясняли, что это итальянское гнѣздо только благодаря хорошей погодѣ кажется болѣе или менѣе сноснымъ, я, невольно припоминая низкую степень благоустройства нашихъ русскихъ рабочихъ кварталовъ, все же долженъ былъ остаться въ настоящемъ вопросѣ при особѣи мнѣнїи.

Черезъ 10 минутъ я съ интересомъ осматривался въ кабинетѣ одного изъ четырехъ инженеровъ завода, завѣдующаго постройкой нѣсколькихъ судовъ. Большая комната съ письменнымъ и чертежнымъ столомъ, по стѣнамъ рядъ моделей и чертежей и цѣлый шкафъ съ солиднымъ количествомъ справочныхъ книгъ по спеціальнымъ вопросамъ. Практика инженеровъ завода настолько обширна, приемы такъ выработаны и техническія средства такъ богаты, что коммерческое судно самыхъ крупныхъ размѣровъ для трансатлантическихъ плаваній можетъ быть выпущено съ завода черезъ 9 мѣсяцевъ со дня подписанія контракта на постройку. Роскошныя частныя яхты и боекыя суда, конечно, требуютъ болѣе времени, но и самые крупные броненосцы съ установкою всего вооруженія (самъ заводъ орудій не производитъ), могутъ быть окончены не долѣе, какъ въ три года. Нужно сказать, что по отзыву нашихъ русскихъ строителей, работа завода отличается необыкновенною тщательностію пригонки отдѣльных частей, что обуславливаетъ конечно, высокое достоинство постройки. Нѣкоторые приемы, которыми достигаются въ этомъ случаѣ блестящіе результаты, интересны и для не-спеціалиста. Такъ напримѣръ, на заводѣ, послѣ того какъ окончены подробныя чертежи судна, его корпусъ точно воспроизводится въ видѣ большой модели аршина въ 4 длиною. На этой модели мастеромъ въ подробностяхъ наносится распложеніе всѣхъ листовъ обшивки и всѣхъ шпангаутовъ (реберъ) судна. Эта работа мастера тщательно провѣряется инженерами, а затѣмъ съ этой модели уже при соответственномъ увеличеніи, снимаются рабочіе чертежи всѣхъ частей въ натуральную величину.

При такомъ способѣ работы при пригонкѣ частей на мѣстѣ не бываетъ случаевъ, чтобы онѣ какъ говорится у насъ, „не пришлись“. Постороннему посетителю все это кажется настолько просто, цѣлесообразно и, при сложныхъ кораблестроительныхъ работахъ, такъ необходимо, что съ трудомъ вѣришь, когда русскіе моряки говорятъ, что у насъ въ Россіи подобные приемы почти не практикуются. За то при нашихъ постройкахъ „пригонка“ частей на мѣстѣ нерѣдко оказывается особой сложной и трудной работой, такъ какъ онѣ очень уже часто „не приходятся“.

Когда изъ модельной мастерской, помѣщающейся во второмъ этажѣ, мы вышли на площадку наружной лѣстницы, нашимъ глазамъ представилась странная картина. На чудномъ фонѣ моря при яркомъ, солнечномъ блескѣ рѣзко выдѣлялась цѣлая шеренга изъ восьми или десяти огромныхъ океанскихъ кораблей. Высоко задравъ свои носы кверху стояли они на элингахъ въ различныхъ переходахъ работы. У нѣкоторыхъ, сплошь окруженныхъ лѣсами, еще еле-еле обозначается остовъ, и гигантскій скелетъ изъ форштевня и желѣзныхъ реберъ со связями только указывалъ размѣръ и форму судна; другіе, уже обшитые листами, загрунтовывались ярко-красной, рѣзавшей глаза краской; на третьихъ, почти готовыхъ, подвѣшанные уже въ бухтахъ громадные якоря, вырисовываясь высоко въ воздухѣ, поражали глазъ, привыкшій ихъ видѣть лишь близь поверхности воды. Десятки крановъ разнообразныхъ размѣровъ и конструкцій непрерывно двигались и, мѣрно и методически вращая своими гигантскими руками, легко и какъ бы безъ малѣйшаго усилія переносили съ мѣста на мѣсто большія тяжести. А внизу подъ нами, далеко уходя вправо и влево, тянулся оживленный заводскій дворъ. Здѣсь бросались въ глаза десятка полтора разбросанныхъ крупныхъ мастерскихъ, склады, рельсовые пути, по которымъ огромные кони таскали тяжело нагруженные вагонетки и масса рабочихъ, занятыхъ своимъ дѣломъ прямо на улицѣ. Благодушный климатъ даетъ себя чувствовать. Вся постройка судовъ велась прямо подъ открытымъ небомъ; для тѣхъ же работъ, которыя непременно должны производиться подъ крышей, зданія строятся вчетверо легче, чѣмъ у насъ.

Здѣсь нѣтъ надобности прятаться отъ мороза, укрываться отъ дождя и вьюги.

Я любовался панорамой такъ долго, что французъ-инженеръ, мой любезный провожатый, началъ выказывать признаки нетерпѣнія и наконецъ спросилъ, что же собственно привлекаетъ мое вниманіе? Я затруднился отвѣтомъ и могъ только сказать, что, зная внѣшній видъ многихъ русскихъ заводовъ, я очень заинтересованъ отсутствіемъ сходства, вѣрнѣе сказать — огромной разницей, между русской и французской картиной.

Въ Россіи на такомъ заводѣ, расположенномъ въ отдаленіи отъ крупнаго города, вы увидѣли бы прежде всего огромное населеніе; съ массой малыхъ и большихъ домовъ, съ рабочей колоніей, со школой, церковью, больницей, съ садами и пустырями, среди которыхъ, занимаемая сравнительно небольшое пространство, видѣлись бы мастерскія.

Здѣсь же былъ только заводъ, только то, что строго необходимо для производства. Люди приходили сюда только для работы. Отработаютъ и уйдутъ. Жизнь же, обычная человеческая жизнь этого четырехтысячнаго рабочаго населенія шла; очевидно, совершенно внѣ этого заводскаго двора, который, какъ особый мірокъ, высокой каменной стѣной слѣва и моремъ справа былъ отдѣленъ отъ всего окружающаго.

Я постарался выяснитъ свои впечатлѣнія инженеру.

— А вотъ что! можетъ быть вы и правы, равнодушно проговорилъ онъ. Идемъ дальше!

Разбросанность построекъ невольнo привела меня къ вопросу о томъ, какъ же передается движеніе отъ центральныхъ машинъ во все концы заводскаго двора? Дѣло объяснилось очень просто:—во все мастерскія кромѣ одной, ближайшей, движеніе переносится электрическимъ токомъ. Двѣ огромныя динамо машины, стоящія рядомъ съ паровой, плетутъ токи, приводящія въ движеніе электрическія машины въ каждой отдѣльной мастерской. Съ валовъ этихъ отдѣльныхъ машинъ движеніе къ различнымъ станкамъ передается уже самыми обыкновенными способами. Если у насъ и теперь еще лишь въ немногихъ заводахъ можно

увидѣть широкое примѣненіе электричества, то три года назадъ оно было въ Россіи еще чуть ли не рѣдкостью; во Франціи же оно уже положительно вошло въ обычный техническій обиходъ, и электрическую передачу движенія французы считаютъ почти не дороже и гораздо удобнѣе ременной, канатной и т. п. Впрочемъ не одна электрическая передача представляла на заводѣ послѣднее слово техники. Вездѣ, гдѣ требуется точность и аккуратность въ работѣ ответственныхъ частей, заводъ очевидно слѣдитъ за всѣми техническими усовершенствованіями, и нѣкоторыя его механическія токарно-слесарныя мастерскія, свѣтлыя, прекрасно устроенныя и снабженныя самыми усовершенствованными станками, показались мнѣ положительно образцовыми. Это можно было сказать не о всѣхъ частяхъ завода, но въ общемъ конечно, нельзя было не признать его весьма богато обставленнымъ. Впрочемъ меня не столько интересовала обстановка самого завода, сколько рабочіе, и я принужденъ сказать, что я далеко не съ должною внимательностью ознакомился съ технической стороной дѣла. Бѣглый осмотръ громаднаго промышленнаго заведенія, посѣщеннаго всего лишь три раза, далъ мнѣ, само собой разумѣется, лишь очень поверхностное представленіе какъ о характерѣ французскаго рабочаго-техника, такъ и о сложнѣйшихъ вопросахъ взаимныхъ отношеній завода къ рабочему и рабочаго къ заводу. Но и то немногое, что мнѣ удалось повидать и подмѣтить, не лишено характерности и интереса. Бродя среди этой громадной массы рабочихъ разныхъ специальностей, я по странной ассоціаціи идей невольно вспомнилъ впечатлѣніе, которое произвелъ на меня Берлинъ при первомъ моемъ посѣщеніи этого города. Въ густой толпѣ, покрывавшей въ праздники Unter den Linden и главныя аллеи Тиргартена, русскій глазъ искалъ и не находилъ „мужика“. Толпа при поверхностномъ взглядѣ казалась почти однородна. Одинаковый у всѣхъ покрой костюма и культурныя привычки низшихъ классовъ къ вышнему приличію и опрятности совершенно не давали вновь прибывшему опорныхъ точекъ для опредѣленія общественного положенія лицъ, составлявшихъ толпу. Тоже самое чувствовалось въ миниатюрѣ и на огромномъ фран-

цузскомъ заводѣ. Общій, почти одинаковъ у всѣхъ рабочихъ костюмъ — „блуза“, сѣрая или синяя, одинаковое и ровное обращеніе каждаго съ каждымъ, почти сглаживали для посторонняго наблюдателя внѣшнее различіе между итальянскимъ чернорабочимъ таскающимъ тяжести за три франка въ день и мѣдникомъ, литейщикомъ или слесаремъ, зарабатывающимъ шесть—семь франковъ. Та внѣшняя разница между рабочими разныхъ категорій, напри- мѣръ между слесаремъ и чернорабочимъ, которая бросается въ глаза на русскихъ заводахъ, здѣсь давно затушевалась. Въ Россіи вы зачастую встрѣчаете занятого на заводѣ всего 6—7 мѣсяцевъ въ году крестьянина съ его типичною мужицкою внѣшностію рядомъ съ разбитымъ мастеровымъ, заводской косточкой, дѣдъ и прадѣды кото- раго уже работали на заводахъ. Это два обособленные типа, два характера, даже два общественныхъ класса. На французскомъ заводѣ есть конечно, рабочіе лучше и хуже поставленные, есть группы хорошо обеспеченныя, есть и такія, которыя выдѣляются впоследствии, по словамъ пессе- мистовъ, пятое сословіе, но эти двѣ крайности, раздѣляясь между собою лишь высотой и постоянствомъ заработка, об- ъе совмѣщаются въ одномъ и томъ же общественномъ классѣ и различить ихъ можно только при ближайшемъ съ ними знакомствѣ.

Присматриваясь къ типамъ рабочихъ, я поневолѣ при- сматривался къ приемамъ ихъ работы. Здѣсь обращаетъ вни- маніе ихъ привычка къ измѣренію и точности; на глазокъ работается какъ можно меньше и понятно, это только улучшаетъ качество работы.

Отношеніе всей заводской администраціи къ рабочему чисто дѣловое. Определеннаго стремленія къ улучшенію быта рабочаго, большой заботы объ его личной участи, сло- вомъ той „душевности“ отношеній, которую мы, русскіе, такъ часто ищемъ и такъ высоко цѣнимъ, я не замѣтилъ и слѣда. Французъ инженеръ, показывавшій заводъ, какъ кажется, даже очень удивлялся, что я занимаюсь подобными неинтересными вещами. При такомъ положеніи дѣлъ все, сдѣланное на пользу рабочаго съ извѣстной точки зрѣнія, является особенно интереснымъ.

Проходя заводомъ, я въ некоторыхъ мѣстахъ замѣчалъ отсутствие или неудовлетворительное устройство ограждений опасныхъ механизмовъ и обратилъ на это вниманіе французамъ.

— Да-да, конечно, у насъ не все ограждено. Вотъ на примѣръ Лѳеа при постройкѣ судовъ; у нихъ далеко не вездѣ есть перила, и рабочіе часто падаютъ и расшибаются; чтобы по возможности уменьшить жалобы и неудовольствія, мы застраховали ихъ всѣхъ за счетъ компаніи. Они получаютъ въ случаѣ болѣзни, глядя по заработку, отъ 2 до 3-хъ франковъ въ день; въ случаѣ инвалидности или смерти, эта же сумма принимается за основаніе для исчисления страховой преміи, получаемой семьей.

Выгода быть застрахованнымъ за счетъ компаніи, конечно, весьма понятна каждому французскому рабочему, и вотъ владельцы, стремясь создать у себя постоянный контингентъ хорошихъ рабочихъ, сочли возможнымъ и удобнымъ для себя сдѣлать страхованіе однимъ изъ средствъ прівлеченія рабочихъ въ свои мастерскія.

Въроятно подобными же побужденіями слѣдуетъ объяснить въ значительной степени и то участіе, которое компанія завода принимаетъ въ кассѣ взаимопомощи рабочихъ. Касса эта, организованная заводомъ, управляется особымъ бюро, въ составъ котораго входятъ обязательно нѣсколько членовъ заводской администраціи и шесть выборныхъ отъ рабочихъ. Общество даетъ и съ своей стороны 22.500 фр. въ годъ и представляетъ благоустроенную амбулаторію; годовою бюджетъ кассы колеблется между 100.000 и 110.000 франковъ, при чемъ дѣлаются такъ, что къ концу года имѣется обыкновенно свободный излишекъ доходовъ надъ расходами, составляющій около десятка или полутора десятка тысячъ франковъ, зачисленныхъ въ запасный капиталъ. Цѣль кассы—доставлять членамъ и ихъ семьямъ медицинскую помощь, поддерживать членовъ во время болѣзни и по возможности оказывать постоянную помощь тѣмъ, кто окажется неспособнымъ къ работѣ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда рабочій получаетъ страховую премію, помощь кассы, если нужно оказывается сверхъ тѣхъ суммъ,

которыя получаютъ отъ страхового общества. Я получилъ подробный отчетъ кассы за 4-й триместръ 1896 г. т. е. за періодъ съ 31-го Сентября по 31-е Декабря. За это время израсходовано кассой 23.843 фр., а приходъ исчисленъ суммою 30.764 фр. Характеръ расходовъ опредѣляется слѣдующими цифрами: пенсіоны рабочимъ—2,497 ф., поддержка рабочихъ во время болѣзни—10.855 фр., экстренная помощь больнымъ рабочимъ сверхъ обычной нормы—521 фр., расходы на аптеку и аптекарскіе продукты—3.686 фр., акушерская помощь—360 фр., на экипажи для г.г. врачей *) 283 фр. и т. д. Нѣкоторыя цифры здѣсь поражаютъ русскій глазъ; такъ оплата услугъ врачей и ихъ разъѣздовъ (постоянной больницы нѣтъ на заводѣ), превышающая за три мѣсяца 3.050 фр. и составляющая, слѣдовательно, около 4.500 р. въ годъ, кажется намъ чрезмѣрной, но надо помнить, что трудъ врачей оплачивается во Франціи гораздо выше, чѣмъ напр. у насъ. Впрочемъ я далекъ отъ намѣренія рисовать дѣятельность упомянутой кассы въ слишкомъ розовыхъ краскахъ. Напротивъ, она имѣетъ не мало недостатковъ и быть можетъ крупнѣйшій изъ нихъ—странная система отчисленій членскихъ взносовъ. Такъ служащіе и конторщики, получающіе менѣе 150 фр. въ мѣсяцъ вносятъ въ кассу 1% съ содержанія, получающіе же болѣе 150 фр.—(1½%). Мотивируется подобная неравномѣрность взносовъ, какъ кажется тѣмъ, что высшіе служащіе рѣже обращаются къ помощи кассы. Взносы рабочихъ опредѣляются особымъ тарифомъ; такъ получающій отъ 2½ до 3½ фр. въ день вноситъ 40 сантимовъ въ недѣлю; отъ 3½ до 4½—50 сантимовъ и т. д. Взносы эти слегка колеблясь составляютъ около 1½% съ содержанія. Но какъ бы ни были велики недостатки этой кассы все же нужно признать, что расходы, которые она несетъ на помощь рабочимъ 90.000—100.000 ф. въ годъ, составляютъ свыше 35.000 р. т. е. въ среднемъ даютъ около 8 р. на рабочаго.

При слабой организованности французскихъ рабочихъ,

*) Районъ дѣйствій кассы опредѣляется кругомъ, радіусъ котораго равенъ 3-мъ километрамъ (почти 3 версты). Центръ круга—заводъ.

нуждающимся почти невозможно было бы получать такую помощь помимо кассы, и нѣтъ сомнѣнiя, что выгода состоитъ ея членомъ понимается всѣми, и заводъ правъ, разсчитывая, что устроивъ кассу, онъ можетъ удержать у себя многихъ хорошихъ рабочихъ. Очевидно, что прямо къ этой дѣли направленъ грозный пунктъ устава, который гласитъ, что каждый членъ, покидающій заводъ по какимъ бы то ни было причинамъ, перестаетъ быть участникомъ кассы; взносы же, которые имъ были сдѣланы ранѣе, равно какъ и тѣ, которые причитаются изъ его послѣдняго заработка, принадлежать кассѣ“.

Не послѣднимъ средствомъ привлеченiя рабочихъ, вѣроятно, служитъ также и быстрое и внимательное разслѣдованiе всѣхъ ихъ неудовольствiй; но я скажу объ этомъ нѣсколько словъ послѣ описанiя небезинтересныхъ подробностей сложнаго механизма расплаты.

Зная, какъ часто наши фабрики затрудняются быстрымъ расчетомъ сдѣльныхъ рабочихъ, требуя по нѣсколько дней, иногда 2—3 недѣли на то, чтобы подсчитать заработокъ 2—3-хъ тысячъ людей, я былъ въ высшей степени заинтересованъ, какъ поставлено это дѣло во Францiи, на механическомъ заводѣ, гдѣ расчетъ заработной платы рабочихъ всегда особенно сложенъ. Долженъ сказать, что то, что я увидѣлъ въ отношенiи быстроты, точности и полноты расчетовъ превзошло всѣ самыя смѣлыя мои ожиданiя. Порядокъ этотъ тѣсно связанъ со всей системой заводской отчетности и бухгалтерiи и стоитъ того, чтобы о немъ сказать нѣсколько словъ.

Ежедневно два раза, передъ обѣдомъ и вечеромъ, особые лица отмѣчаютъ на особыхъ для каждаго рабочаго дощечкахъ, подаваемыхъ въ контору, полный отчетъ о совершенныхъ за день работахъ по всѣмъ мастерскимъ; за каждый же день составляется и вѣдомость по постройкѣ каждаго судна и по выдачѣ материаловъ по всѣмъ кладовымъ и магазинамъ завода. Цифры эти разносятся на другой же день утромъ по конторскимъ книгамъ двухъ системъ: одинъ родъ книгъ ведется по дехамъ рабочихъ, другой по постройкѣ каждаго отдѣльнаго судна и по каждому запасному магазину. Установился такой обычай, что къ вечеру слѣ-

дующаго за отчетнымъ дня подсчетъ этихъ цифръ долженъ быть обязательно произведенъ, при чемъ суммы полученные въ обѣихъ системахъ книгъ, должны, взаимно проверяя другъ друга, совпадать; такъ напр. если въ понедѣльникъ всѣ слесаря выработали 3.000 фр., то слесарная работа, произведенная въ понедѣльникъ же для всѣхъ строящихся въ данную минуту судовъ и на увеличенія запаса частей, болтовъ и т. п. въ магазинахъ, конечно должна оцѣниваться тою же суммою 3.000 фр. *). Если эти суммы не сошлись, то очевидно гдѣ-нибудь произошла ошибка, и она отыскивается служащими до ихъ ухода изъ конторы, такимъ образомъ вечеромъ въ пятницу или самое позднее утромъ въ субботу директоръ завода до мелочей знаетъ то положеніе, въ которомъ находились заводскія работы въ четвергъ вечеромъ. Та же система применена ко всѣмъ магазинамъ. Только будучи хорошо знакомымъ со всею сложностію заводской отчетности, можно ясно представить себѣ, какую массу труда и энергии нужно положить для регулярнаго проведенія въ заводской жизни въ теченіе многихъ лѣтъ описаннаго порядка. 28 человекъ въ заводской конторѣ постоянно заняты этой работой. Зато и результаты, получаемые заводомъ блестящи. Полная и наглядная ежедневная отчетность даетъ возможность администраціи быстро и точно разцѣнивать и учитывать самыя сложныя заводскія работы. Заводъ до послѣдняго сантиметра знаетъ, во что обходится ему постройка, какъ океанскаго крейсера, такъ и маленькаго пароходика. Фактическая проверка любого магазина завода при такой системѣ—дѣло нѣсколькихъ часовъ. Подготовленіе разчета вѣсѣхъ 4.000 рабочихъ совершается въ одинъ день. Каждую субботу вечеромъ всѣ рабочіе до копѣчки получаютъ все то, что имъ слѣдуетъ по вечеру четверга. За заводомъ рабочіе оставляютъ лишь двухдневную плату. Самый моментъ разчета очень интересенъ. Для полученія денегъ всѣ рабочіе завода разбиваются по цѣхамъ на 17 группъ. къ полудню субботы главный кассиръ имѣетъ въ рукахъ полныя списки каждой группы; въ этомъ спискѣ указанъ номеръ

*) Случайныя работы по ремонту завода и проч. исключаются особо.

каждого рабочего и причитающаяся ему сумма! Выдача со-
обща нѣсколькимъ рабочимъ ихъ заработка для избѣжанія
недоразумѣній абсолютно не допускается. Чтобы устранить
затрудненія по размѣну денегъ, напередъ сосчитывается,
сколько монетъ того или другого достоинства нужно имѣть,
чтобы не встрѣтить препятствій при расплатѣ: такъ если одинъ
рабочій долженъ получить 30 фр. 15 сантимовъ, то для него
нужно 3 десятифранковика и 3 монеты по 1 су. Произведя
подсчетъ главный кассиръ опредѣляетъ для каждой изъ 17
группъ рабочихъ нужное количество тѣхъ или иныхъ мо-
нетъ и вмѣстѣ съ списками выдаетъ ихъ 17 раунгамъ
(плательщикамъ). Въ 6 часовъ вечера плательщики садятся
у 17 отдѣльныхъ окошекъ, и начинается раздача денегъ.
Эта видѣнная мною картина надолго осталась у меня въ
памяти.

Тихая, теплая осенняя ночь спустилась надъ заводомъ.
Въ мастерскихъ и на элингахъ все погашено. Еле выри-
совывается рядъ огромныхъ силуэтовъ строящихся судовъ;
и кажется, что всѣ эти мастерскія, машины, краны, еще
за 10 минутъ передъ тѣмъ полные движенія и жизни,
вмѣстѣ съ будущими морскими гигантами тихо погрузились
въ предпраздничный отдыхъ. Только между конторой и во-
ротами видѣются малочисленные огни, да 17 оконъ ярко
освѣщены. Около нихъ то столпились въ 17 кучкахъ свыше
4.000 человекъ рабочихъ. Если на заводѣ тихо, то въ
этой толпѣ напротивъ чувствуется оживленное настроеніе
и шумное нетерпѣніе. Ожидаемый воскресный отдыхъ и
близкая получка приводятъ огромное большинство въ благо-
душно-игривое настроеніе. Ежеминутно слышны шутки,
смѣхъ; кто-то, горя желаніемъ поскорѣе хоть заглянуть въ
завѣтное окошечко кассира, лѣзетъ на какіе-то ящики и
сваливается оттуда при дружномъ хохотѣ сосѣдей, но влѣ-
завъ снова и начинаетъ обстрѣивать медленностию раунга;
кое-кто ему вторитъ. Но тонъ шутки и смѣха строго дер-
жится въ предѣлахъ приличія. Воспитанность и выдержка
толпы чувствуется совершенно ясно. Между тѣмъ еже-
минутно изъ каждого окошечка выкрикивается номеръ и
сумма; та или иная рука протягивается за нея полученіемъ
и счастливцевъ, успѣвшихъ получить расчетъ раньше дру-

гихъ, направляется къ воротамъ; толпа таетъ не по часамъ, а по минутамъ, и въ одинъ часъ съ четвертью четыремъ тысячамъ рабочихъ роздано свыше 80.000 фр. Если рабочий считаетъ, что его рассчитали неправильно, онъ заявляетъ это *раугу*. Тотъ, не говоря ни слова, сейчасъ же выдаетъ ему листокъ бумаги, на которомъ вписывается номеръ рабочаго и уплаченная ему сумма. Никакихъ дальнѣйшихъ объясненій при окошкѣ кассы не допускается; но при выходѣ изъ завода стоитъ особый ревизоръ, который принимаетъ всѣ жалобы и заявления. Рабочій подаетъ ему листокъ, ревизоръ записываетъ его номеръ, имя, мастерскую, гдѣ онъ работаетъ, его претензію и всю полученную имъ сумму. Въ понедѣльникъ дѣло подробно и безпристрастно разслѣдуется, и справедливыя претензіи сейчасъ же удовлетворяются. Впрочемъ подобныхъ заявленій бываетъ очень мало. При мнѣ ихъ было только два, и въ рѣдкую субботу, по словамъ администраціи, насчитывается больше 5—6. Зная напередъ, что его дѣло будетъ безпристрастно разобрано, рабочий относится къ своей претензіи весьма спокойно, прекрасно понимая, что въ такомъ сложномъ дѣлѣ всегда возможна ошибка, и что всякую свою ошибку заводъ охотно исправитъ. Предположенія о преднамѣренномъ обсчитываніи здѣсь очевидно невозможны.

По окончаніи расчета я вышелъ на широкую площадь передъ заводскими воротами, которую 3—4 часа назадъ я видѣлъ пустынной и молчаливой. Теперь ее оживилъ цѣлый рядъ лотковъ и палатокъ, освѣщенныхъ фонарями и лампами, на нѣсколько часовъ. Здѣсь образовалась цѣлая ярмарка, и желающій могъ приобрести тутъ все нужное, начиная отъ пиджака и сапогъ и кончая колбасой и почтовой бумагой. Пройдя сотни три шаговъ я попалъ на довольно оживленную набережную того мѣстечка, около котораго расположенъ заводъ. Нѣсколько пивныхъ и ресторановъ, расположенныхъ здѣсь, веди бойкую торговлю. И въ залахъ, и по французскому обычаю, прямо на тротуарахъ десятки и сотни посѣдителей сидѣли за маленькими столиками и пили, кто пиво, кто сиропъ, аберентъ или дешевенькое мѣстное вино. Это сплошь были рабочіе завода; но только въ видѣ рѣд-

каго исключенія между ними мелькала блуза; почти всё уже успѣли смѣнить ее на обыкновенный костюмъ городскихъ жителей. Рядомъ съ рабочими кое-гдѣ видѣлись ихъ жены и дѣти. Масса сидѣла тихо и молчаливо и вела въ полголоса между собой какіе-то разговоры. Того нервнаго возбужденнаго настроенія, которое замѣчалось передъ окнами кассъ, уже не было и слѣда. Усталость послѣ недѣльной работы брала свое. Очевидно, что въ ресторанахъ на набережной рабочіе предавались только краткому отдыху передъ сладкимъ субботнимъ сномъ.

Тулонъ.—1897.

2. Лионъ и его шелковое производство.

Центръ французскаго шелковаго производства, крупный и богатый городъ Лионъ, изстари знаменитый своими бархатами и затканными шелковыми узорными матеріями, давно интересовалъ меня и, я воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы посѣтить „второй городъ Франціи“, какъ называютъ его коренные Лионцы. Я надѣялся, что полученныя мною рекомендаціи, удостоверяющія между прочимъ, что въ моей особѣ владѣльцы шелкоткацкихъ фабрикъ не могутъ видѣть специалиста — конкурента, доставятъ мнѣ доступъ на нѣсколько крупныхъ лионскихъ мануфактуръ. Долженъ сказать, что надежды мои оправдались лишь въ очень слабой степени. Нѣкоторые фабриканты выразили положительное нежеланіе пустить въ мастерскія посторонняго человека; сопроводивъ свой отказъ массой различныхъ договоровъ, которыя, несмотря на всю ихъ изысканность и любезность, по существу дѣла очень напоминали иногда мнѣ видъ господствующія на этотъ счетъ въ нашей родной Москвѣ. Одинъ господинъ увѣрялъ меня наиримѣрь, что „фабричная тайна“ вещь настолько щекотливая и деликатная, что даже его собственный тесть никогда не бывалъ у него на фабрикѣ; что, конечно, онъ не прочь сдѣлать для меня исключеніе, но что это поста-

вило бы его въ очень неловкое положеніе по отношенію ко многимъ лицамъ, которые весьма желали бы посѣтить его заведеніе“. Конечно, я успѣшилъ отказаться отъ предложенія, выраженнаго въ такой формѣ; но что именно можетъ по мнѣнію любезнаго фабриканта оказаться такимъ важнымъ секретомъ въ шелкоткацкомъ производствѣ, приемы и станки котораго всѣмъ извѣстны, конечно осталось для меня не яснымъ. По существу дѣла вѣдь только рисунки новой ткани, впервые выпускаемые съ фабрики, могутъ быть такъ ревностно охраняемы, хотя бы съ нѣкоторымъ подобіемъ серьезнаго основанія; но при бѣгломъ осмотрѣ разумѣется нѣтъ возможности скопировать рисунки, которыхъ, кстати сказать, обыкновенно на станахъ и не видно. Но, какъ бы то ни было, мнѣ не удалось осмотрѣть ни одной крупной фабрики ни въ самомъ городѣ, ни ближайшихъ окрестностяхъ Лиона. Владѣльцы болѣе удаленныхъ заведеній оказались свободными отъ такихъ рутинныхъ устарѣлыхъ взглядовъ; и я съ большимъ интересомъ посѣтилъ въ сосѣднемъ городкѣ—Бургоенѣ нѣсколько крупныхъ фабрикъ, въ числѣ которыхъ оказалась и одна значительная по производству красильнонабивная; а вѣдь именно красильныя фабрики чаще всего охраняютъ со всею возможною строгостію свои quasi—секреты.

Все сказанное однако не помѣшало мнѣ повидать во „второмъ городѣ Франціи“ и его окрестностяхъ не мало интереснаго и поучительнаго. Коренной житель Лиона весьма любезно и обязательно взявшійся исполнить роль моего чичероне, конечно, захотѣлъ прежде всего показать мнѣ такъ сказать казовую сторону дѣла. Для начала онъ повелъ меня въ музей ткачества, и я не пожалѣлъ о потраченныхъ на его осмотръ 2—3 часахъ. Цѣлый рядъ обширныхъ и прекрасныхъ залъ содержитъ огромную съ большимъ знаніемъ дѣла подобранную коллекцію образцовъ тканей; древнѣйшіе между ними насчитываютъ по двѣ тысячи лѣтъ существованія. Правда, съ начала ерединныхъ вѣковъ музей даетъ только образцы французскаго шелковаго производства, и первое мѣсто за послѣднія 4—5 столѣтій отведено самому Лиону; но и при этомъ условіи огромная масса образцовъ, подобранныхъ хронологически;

оказывается крайне интересной. Передь вашими глазами последовательно проходят въ полотнищах шелковых матерій какъ бы характеристики извѣстныхъ эпохъ. Здѣсь вы видите и время Людовика XIV съ его не жалѣвшею труда холодною роскошью, и неприятный, вычурный, но не лишенный извѣстной условной граціи періодъ Людовика XV съ его орнаментомъ рококо и буколическими сценами, изображенными шелками нѣжныхъ тоновъ на бѣломъ или нѣжно-розовомъ тонѣ. Сухой, жесткій, обильный золотомъ рисунокъ времени первой имперіи бросается въ глаза даже людямъ не имѣющимъ специальной подготовки: фантазія въ эту эпоху очевидно падаетъ, сочетанія красокъ дѣлаются рѣзче, грубѣе. Съ тридцатыхъ годовъ до ближайшаго періода постепенно возрастаетъ сложность и разнообразіе рисунка, доходящія до высокой степени изящества и роскоши, которыя, какъ бы достигнувъ кульминаціонной точки на посту семидесятыхъ годовъ, рѣзко понижаются за послѣдніе годы, подходя къ эпохѣ декаданса. По части иностранныхъ образцовъ послѣдняго времени, музей не блещетъ полнотою, но то, что въ немъ имѣется, превосходно. Прекрасные образцы индійскихъ и персидскихъ ковровыхъ тканей занимаютъ въ этой коллекціи по шелковому дѣлу гораздо больше мѣста, чѣмъ произведенія нашего отечества.

Ничтожное количество русскихъ образцовъ, конечно, не даетъ ни малѣйшаго понятія о постановкѣ шелковаго дѣла въ Московскомъ районѣ. Намъ, до послѣдней Парижской выставки, такъ часто приходилось встрѣчаться за границей съ полнымъ игнорированіемъ русской промышленности, что подобный пробѣлъ въ Лионскомъ музеѣ не могъ бы ни кого удивить. Но въ настоящемъ случаѣ плохо было то, что имѣющіеся на лицо образчики давали о русской работѣ совершенно ложное представленіе. Такъ, напримѣръ, мой проводникъ, очевидно предполагая польстить моему національному самолюбію, съ удовольствіемъ указалъ мнѣ какую то огромную бѣлую шелковую простыню, затканную по краямъ красными пѣтухами, вершковъ въ двѣнадцать высоты, и синими орнаментами. Рисунокъ напоминалъ: во много разъ увеличенную плохую вышивку такъ называемаго „русскаго костюма“, какой носили подмосковныя дачницы зѣтъ

пятнадцать назад. Ямахнулъ отъ изумленія передъ этой безвкусицей и спѣшно сталъ объяснять, что ничего подобнаго въ Россіи никогда не видывалъ. Удивленію моего собесѣдника не было предѣловъ. Онъ искренно считалъ этотъ рисунокъ чуть ли не совершеннѣйшимъ образцомъ русскаго шелковаго дѣла и рассказалъ мнѣ, что одна изъ нашихъ фирмъ—онъ назвалъ очень крупную шелковую мануфактуру—послѣ выставки въ Чикаго подарила Ліонскому музею это странное произведеніе, какъ образецъ русскаго стиля въ шелковомъ дѣлѣ. Мнѣ оставалось только высказать предположеніе, что въ Чикаго, вѣроятно, фабрика декорировала подобной драпировкой потолокъ или какую нибудь другую очень удаленную отъ зрителя часть своей витрины.

Но какъ уже сказано, бѣдность русскаго коллекціи не мѣшаетъ музею быть крайне интереснымъ.

Рядъ интереснѣйшихъ рисунковъ для ткачества хорошо дополняетъ въ немъ коллекцію тканей; здѣсь же можно видѣть еще интересное собраніе моделей ткацкихъ станковъ, употреблявшихся разными народами въ разные эпохи.

Но описывая этотъ чрезвычайно въ своемъ родѣ богатый музей, я бы затруднился сказать, насколько удобно и доступно для всѣхъ пользованіе его коллекціями. Хотя для публики онъ открытъ ежедневно, но толковаго каталога въ 1897 году еще не имѣлось; говорили, что онъ печатается. Специалистовъ, въ немъ занимающихся, я не замѣтилъ, а двѣ шелкоткацкихъ школы, о которыхъ рѣчь впереди, не имѣютъ съ нимъ непосредственной связи. О послѣднемъ надо особенно пожалѣть, такъ какъ для школъ конечно, подобный музей могъ бы дать богатѣйшій матеріалъ для занятій.

Названныя школы стоятъ того, чтобы о нихъ сказать нѣсколько словъ. Крупнѣйшая изъ нихъ, составляющая отдѣленіе ліонской *École de commerce* оказалась тоже однимъ изъ „казовыхъ концовъ“ города. Посѣщеніе ея классовъ, правда—за довольно высокую плату, доступно всякому. Мастера школы говорили мнѣ, что среди учениковъ есть даже одинъ русскій, ни слова не понимающій по французски; къ сожалѣнію мнѣ не удалось его видѣть. Поступаютъ въ школу ученики двухъ категорій, одни занима-

ются исключительно ткачеством и слушают только самый краткий курс предметов, въ число которыхъ входитъ шелководство, размотка коконовъ, разборъ рисунка тканей (анализъ узора) и описаніе разныхъ системъ станковъ. Другой разрядъ учениковъ школы слушаетъ полный курсъ école de commerce, который можно сопоставить (хотя они далеко не тождественны) приблизительно съ курсомъ шести классовъ нашихъ реальныхъ училищъ; занятія въ ткацкой являются для него лишь дополненіемъ. Однако и тѣ и другіе ученики работаютъ ежедневно определенное число часовъ въ прекрасной учебной мастерской школы. Здѣсь въ свѣтлой и просторной залѣ расположено свыше 50 шелкоткацкихъ станковъ различныхъ системъ. Половина изъ нихъ—станки ручные, и половина—механическіе. Они подобраны такъ, что бы имѣть образцы по возможности всѣхъ употребляемыхъ типовъ. Ученикъ сначала ткеть на ручныхъ станкахъ, переходя отъ простыхъ къ болѣе сложнымъ, а затѣмъ принимаются за механическое ткачество и къ концу курса знакомятся съ конструкціей всѣхъ употребительныхъ станковъ, съ приготовленіемъ ихъ къ работѣ и съ самой работой. Образцы, имъ выработанные, по выходѣ изъ школы ученикъ можетъ взять съ удостовѣреніемъ, что данный образецъ сработанъ именно имъ.

Школа располагаетъ прекраснымъ помещеніемъ, прекрасными пособиями, толковыми мастерами. Программа, какъ сказано, довольно обширна; поступать въ нее могутъ юноши уже съ солидной подготовкой и вполне грамотные, такъ какъ французскій языкъ въ школѣ уже не проходитъ, и ея курсъ состоитъ изъ ариѳметики, алгебры, геометріи, географіи, химіи, физики, исторіи Франціи и бухгалтеріи. Для лицъ, кончающихъ курсъ по отдѣленію красильно-химическому, существуетъ еще особый курсъ теоретическихъ и практическихъ занятій по прикладной химіи. Школа всегда переполнена учащимися и выпускаетъ людей, способныхъ занять мѣста мастеровъ и даже директоровъ фабрикъ, а также служащихъ въ конторахъ, ведущихъ дѣла по торговлѣ шелкомъ и бархатомъ. На содержаніе школы расходуются сотни тысячъ франковъ, и она производитъ впечатлѣніе учрежденія прочно и солидно поставленнаго. Въ этомъ

которыя получаютъ отъ страхового общества. Я получилъ подробный отчетъ кассы за 4-й кварталъ 1896 г. т. е. за періодъ съ 31-го Сентября по 31-е Декабря. За это время израсходовано кассой 23.843 фр., а приходъ исчисленъ суммою 30.764 фр. Характеръ расходовъ опредѣляется слѣдующими цифрами: пенсіоны рабочимъ—2,497 ф., поддержка рабочихъ во время болѣзни—10.855 фр., экстренная помощь больнымъ рабочимъ сверхъ обычной нормы—521 фр.; расходы на аптеку и аптекарскіе продукты—3,686 фр., акушерская помощь—360 фр., на экипажи для г.г. врачей *) 283 фр. и т. д. Нѣкоторыя цифры здѣсь поражаютъ русскій глазъ; такъ оплата услугъ врачей и ихъ разъѣздовъ (постоянной больницы нѣтъ на заводѣ), превышающая за три мѣсяца 3.050 фр. и составляющая, слѣдовательно, около 4.500 р. въ годъ, кажется намъ чрезмѣрной, но надо помнить, что трудъ врачей оплачивается во Франціи гораздо выше, чѣмъ напр. у насъ. Впрочемъ я далекъ отъ намѣренія рисовать дѣятельность упомянутой кассы въ слишкомъ розовыхъ краскахъ. Напротивъ, она имѣетъ не мало недостатковъ и быть можетъ крупнѣйшій изъ нихъ—странная система отчисленій членскихъ взносовъ. Такъ служащіе и конторщики, получающіе менѣе 150 фр. въ мѣсяцъ вносятъ въ кассу 1% съ содержанія, получающіе же болѣе 150 фр.—(1/2%). Мотивируется подобная неравномѣрность взносовъ, какъ кажется тѣмъ, что высшіе служащіе рѣже обращаются къ помощи кассы. Взносы рабочихъ опредѣляются особымъ тарифомъ; такъ получающій отъ 2 1/2 до 3 1/2 фр. въ день вноситъ 40 сантимовъ въ недѣлю; отъ 3 1/2 до 4 1/2—50 сантимовъ и т. д. Взносы эти слегка колеблясь составляютъ около 1 1/4% отъ содержанія. Но какъ бы ни были велики недостатки этой кассы все же нужно признать, что расходы, которые она несетъ на помощь рабочимъ 90.000—100.000 ф. въ годъ, составляютъ свыше 35.000 р. т. е. въ среднемъ даютъ около 8 р. на рабочаго.

При слабой организованности французскихъ рабочихъ,

*) Районъ дѣятельности кассы опредѣляется кругомъ, радиусъ котораго равенъ 3-мъ километрамъ (почти 3 версты). Центръ круга—заводъ.

нуждающемся почти невозможно было бы получить такую помощь помимо кассы, и нѣтъ сомнѣнія, что выгода состоитъ ея членомъ понимается всѣми, и заводъ правъ, рассчитывая, что устроивъ кассу, онъ можетъ удержать у себя многихъ хорошихъ рабочихъ. Очевидно, что прямо къ этой дѣли направленъ грозный пунктъ устава, который гласитъ, что, каждый членъ, покидающій заводъ по какимъ бы то ни было причинамъ, перестаетъ быть участникомъ кассы; взносы же, которые имъ были сдѣланы ранѣе, равно какъ и тѣ, которые причитаются изъ его послѣдняго заработка, принадлежать кассѣ“.

Не послѣднимъ средствомъ привлеченія рабочихъ, вѣроятно, служить также и быстрое и внимательное разслѣдованіе всѣхъ ихъ неудовольствій; но я скажу объ этомъ нѣсколько словъ послѣ описанія небезынтересныхъ подробностей сложнаго механизма расплаты.

Зная, какъ часто наши фабрики затрудняются быстрымъ расчетомъ сдѣльныхъ рабочихъ, требуя по нѣсколько дней, иногда 2—3 недѣли на то, чтобы подсчитать заработокъ 2—3-хъ тысячъ людей, я былъ въ высшей степени заинтересованъ, какъ поставлено это дѣло во Франціи, на механическомъ заводѣ, гдѣ расчетъ заработной платы рабочихъ всегда особенно сложенъ. Долженъ сказать, что то, что я увидѣлъ въ отношеніи быстроты, точности и полноты расчетовъ превзошло всѣ самыя смѣлыя мои ожиданія. Порядокъ этотъ тѣсно связанъ со всей системой заводской отчетности и бухгалтеріи и стоитъ того, чтобы о немъ сказать нѣсколько словъ.

Ежедневно два раза, передъ обѣдомъ и вечеромъ, особые лица отмѣчаютъ на особыхъ для каждаго рабочаго досчетахъ, подаваемыхъ въ контору, полный отчетъ о совершенныхъ за день работахъ по всѣмъ мастерскимъ; за каждый же день составляется и вѣдомость по постройкѣ каждаго судна и по выдачѣ матеріаловъ по всѣмъ кладовымъ и магазинамъ завода. Цифры эти разносятся на другой же день утромъ по конторскимъ книгамъ двухъ системъ; одинъ родъ книгъ ведется по цехамъ рабочихъ, другой по постройкѣ каждаго отдѣльнаго судна и по каждому запасному магазину. Установился такой обычай, что къ вечеру слѣ-

дующаго за отчетнымъ дня подсчетъ этихъ цифръ долженъ быть обязательно произведенъ, при чемъ суммы полученные въ обѣихъ системахъ книгъ, должны, взаимно прѣвѣряя другъ друга, совпадать; такъ напр. если въ понедѣльникъ всѣ слесаря выработали 3.000 фр., то слесарная работа, произведенная въ понедѣльникъ же для всѣхъ строящихся въ данную минуту судовъ и на увеличенія запаса частей, болтовъ и т. п. въ магазинахъ, конечно должна оцѣниваться тою же суммою 3.000 фр. *). Если эти суммы не сошлись, то очевидно гдѣ-нибудь произошла ошибка, и она отыскивается служащими до ихъ ухода изъ конторы, такимъ образомъ вечеромъ въ пятницу или самое позднее утромъ въ субботу директоръ завода до мелочей знаетъ то положеніе, въ которомъ находились заводскія работы въ четвергъ вечеромъ. Та же система применена ко всѣмъ магазинамъ. Только будучи хорошо знакомымъ со всею сложностію заводской отчетности, можно ясно представить себѣ, какую массу труда и энергии нужно положить для регулярнаго проведенія въ заводской жизни въ теченіе многихъ лѣтъ описаннаго порядка. 28 человекъ въ заводской конторѣ постоянно заняты этой работой. Зато и результаты, получаемые заводомъ блестящи. Полная и наглядная ежедневная отчетность даетъ администраціи быстро и точно разцѣнивать и учитывать самыя сложныя заводскія работы. Заводъ до послѣдняго сантима знаетъ, во что обходится ему постройка, какъ океанскаго крейсера, такъ и маленькаго пароходика. Фактическая прѣвѣрка любого магазина завода при такой системѣ—дѣло нѣсколькихъ часовъ. Подготовленіе расчета всѣхъ 4.000 рабочихъ совершается въ одинъ день. Каждую субботу вечеромъ всѣ рабочіе до копѣечки получаютъ все то, что имъ слѣдуетъ по вечеру четверга. За заводомъ рабочіе оставляютъ лишь двухдневную плату. Самый моментъ расчета очень интересенъ. Для полученія денегъ всѣ рабочіе завода разбиваются по цѣхамъ на 17 группъ. Къ полудню субботы главный кассиръ имѣетъ въ рукахъ полныя списки каждой группы; въ этихъ спискахъ указаны номеръ

*) Случайныя работы по ремонту завода и проч. исключаются обособ.

каждаго рабочаго и причитающаяся ему сумма! Выдача со-обща вскрѣлькимъ рабочимъ ихъ заработка для избежанія недоразумѣній абсолютно не допускается. Чтобы устранить затрудненія по размѣну денегъ, напередъ сосчитывается, сколько монеть того или другого достоинства нужно имѣть, чтобы не встрѣтить препятствій при расплатѣ: такъ если одинъ рабочій долженъ получать 30 фр. 15 сантимовъ, то для него нужно 3 десятифранковика и 3 монеты по 1 су. Произведя подсчетъ главный кассиръ опредѣляетъ для каждой изъ 17 группъ рабочихъ нужное количество тѣхъ или иныхъ монеть и вмѣстѣ съ списками выдаетъ ихъ 17 рауеигамъ (плательщикамъ). Въ 6 часовъ вечера плательщики садятся у 17 отдѣльныхъ окошекъ, и начинается раздача денегъ. Эта видѣнная мною картина надолго осталась у меня въ памяти.

Тихая, теплая осенняя ночь спустилась надъ заводомъ. Въ мастерскихъ и на элингахъ все погашено. Еле вырисовывается рядъ огромныхъ силуэтовъ строящихся судовъ, и кажется, что всѣ эти мастерскія, машины, краны, еще за 10 минутъ передъ тѣмъ полные движенія и жизни, вмѣстѣ съ будущими морскими гигантами тихо погрузились въ предпраздничный отдыхъ. Только между конторой и воротами видѣются малочисленные огни, да 17 оконъ ярко освѣщены. Около нихъ то столпились въ 17 кучкахъ свыше 4.000 человекъ рабочихъ. Если на заводѣ тихо, то въ этой толпѣ напротивъ чувствуется оживленное настроеніе и шумное нетерпѣніе. Ожидаемый воскресный отдыхъ и близкая получка приводятъ огромное большинство въ благодушно-игривое настроеніе. Ежеминутно слышны шутки, смѣхъ; кто-то, горя желаніемъ поскорѣе хоть заглянуть въ завѣтное окошечко кассира, лезетъ на какое-то ящички и сваливается оттуда при дружномъ хохотѣ сосѣдей, но влѣзаетъ снова и начинаетъ острить надъ медленностію рауеига; кое-кто ему вторитъ. Не тонъ шутки и смѣха строго держится въ предѣлахъ приличія. Воспитанность и выдержка толпы чувствуется совершенно ясно. Между тѣмъ ежеминутно изъ каждая окошечка выкрикивается номеръ и сумма; та или иная рука протягивается за ея полученіемъ и счастливцевъ, успѣвшихъ получить расчетъ раньше дру-

гихъ, направляется къ воротамъ; толпа таетъ не по часамъ, а по минутамъ, и въ одинъ часъ съ четвертью четырьмя тысячамъ рабочихъ рождено свыше 80.000 фр. Если рабочий считаетъ, что его рассчитали неправильно, онъ заявляетъ это рауеиг'у. Тотъ, не говоря ни слова, сейчасъ же выдаетъ ему листокъ бумаги, на которомъ вписывается номеръ рабочаго и уплаченная ему сумма. Никакихъ дальнѣйшихъ объясненій при окошкѣ кассы не допускается; но при выходѣ изъ завода стоитъ особый ревизоръ, который принимаетъ всѣ жалобы и заявления. Рабочій подаетъ ему листокъ, ревизоръ записываетъ его номеръ, имя, мастерскую, гдѣ онъ работаетъ, его претензію и всю полученную имъ сумму. Въ понедѣльникъ дѣло подробно и безпристрастно разслѣдуется, и справедливыя претензіи сейчасъ же удовлетворяются. Впрочемъ подобныхъ заявленій бываетъ очень мало. При мѣѣ ихъ было только два, и въ рѣдкую субботу, по словамъ администраціи, насчитывается больше 5—6. Зная напередъ, что его дѣло будетъ безпристрастно разобрано, рабочий относится къ своей претензіи весьма спокойно, прекрасно понимая, что въ такомъ сложномъ дѣлѣ всегда возможна ошибка, и что всякую свою ошибку заводъ охотнѣе исправитъ. Предположенія о преднамѣренномъ обсчитываніи здѣсь очевидно невозможны.

По окончаніи расчета я вышелъ на широкую площадь передъ заводскими воротами, которую 3—4 часа назадъ я видѣлъ пустынной и молчаливой. Теперь ее оживилъ цѣлый рядъ лотковъ и палатокъ, освѣщенныхъ фонарями и лампами, на нѣсколько часовъ. Здѣсь образовалась цѣлая ярмарка, и желающій могъ приобрести тутъ все нужное, начиная отъ пиджака и сапогъ и кончая колбасой и почтовой бумагой. Пройдя сотню три шаговъ я подалъ на довольно оживленную набережную того мѣстечка, около котораго расположенъ заводъ. Нѣсколько пивныхъ и ресторановъ, расположенныхъ здѣсь, веди бойкую торговлю. И въ залахъ, и по французскому обычаю, прямо на тротуарахъ десятки и сотни посѣдителей сидѣли за маленькими столиками и пили; кто пиво, кто сиропъ, абсентъ или дешевенькое мѣстное вино. Это сплошь были рабочіе завода; но только въ видѣ рѣд-

наго исключенія между ними мелькала блуза; почти всё уже успѣли смѣнить ее на обыкновенный костюмъ городскихъ жителей. Рядомъ съ рабочими кое-гдѣ видѣлись ихъ жены и дѣти. Масса сидѣла тихо и чинно и вела въ полголоса между собой какіе-то разговоры. Того нервнаго, возбужденнаго настроенія, которое замѣчалось передъ окнами кассъ, уже не было и слѣда. Усталость послѣ недѣльной работы брала свое. Очевидно, что въ ресторанахъ на набережной рабочіе предавались только краткому отдыху передъ сладкимъ субботнимъ сномъ.

Тулонь.—1897.

2. Лионъ и его шелковое производство.

Центръ французскаго шелковаго производства, крупный и богатый городъ Лионъ, изстари знаменитый своими бархатами и затканными шелковыми узорными матеріями, давно интересовалъ меня и, я воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы посѣтить „второй городъ Франціи“, какъ называютъ его коренные Лионцы. Я надѣялся, что полученныя мною рекомендаціи, удостовѣряющія между прочимъ, что въ моей особѣ владѣльцы шелкоткацкихъ фабрикъ не могутъ видѣть специалиста — конкурента, доставятъ мнѣ доступъ на нѣсколько крупныхъ лионскихъ мануфактуръ. Долженъ сказать, что надежды мои оправдались лишь въ очень слабой степени. Нѣкоторые фабриканты выразили положительное нежеланіе пустить въ мастерскія посторонняго человѣка; сопровождая свой отказъ массою различныхъ оговорокъ, которыя, несмотря на всю ихъ изысканность и любезность, по существу дѣла очень напоминали иногда мнѣнія, господствующія на этотъ счетъ въ нашей родной Москвѣ. Одинъ господинъ увѣрялъ меня напрямѣрь, что „фабричная тайна“ вещь настолько щекотливая и деликатная, что даже его собственный тесть никогда не бывалъ у него на фабрикѣ; что, конечно, онъ не прочь сдѣлать для меня исключеніе; но что это поста-

вило бы его въ очень неловкое положеніе по отношенію ко многимъ лицамъ, которые весьма желали бы посѣтить его заведеніе". Конечно, я поспѣшилъ отказаться отъ предложенія, выраженнаго въ такой формѣ; но что именно можетъ по мнѣнію любезнаго фабриканта оказаться такимъ важнымъ секретомъ въ шелкоткацкомъ производствѣ, приемы и станки котораго всѣмъ извѣстны, конечно осталось для меня не яснымъ. По существу дѣла вѣдь только рисунки новой ткани, впервые выпускаемые съ фабрики, могутъ быть такъ ревностно охраняемы, хотя бы съ нѣкоторымъ подобіемъ серьезнаго основанія; но при бѣгломъ осмотрѣ разумѣется нѣтъ возможности скопировать рисунки, которыхъ, кстати сказать, обыкновенно на станахъ и не видно. Но, какъ бы то ни было, мнѣ не удалось осмотрѣть ни одной крупной фабрики ни въ самомъ городѣ, ни ближайшихъ окрестностяхъ Лиона. Владѣльцы болѣе удаленныхъ заведеній оказались свободными отъ такихъ рутинныхъ устарѣлыхъ взглядовъ; и я съ большимъ интересомъ посѣтилъ въ сосѣднемъ городкѣ—Бургоенѣ нѣсколько крупныхъ фабрикъ, въ числѣ которыхъ оказалась и одна значительная по производству красильнонабивная; а вѣдь именно красильныя фабрики чаще всего охраняютъ со всею возможною строгостію свои quasi—секреты.

Все сказанное однако не помѣшало мнѣ повидать во „второмъ городѣ Франціи“ и его окрестностяхъ не мало интереснаго и поучительнаго. Коренной житель Лиона весьма любезно и обязательно взявшійся исполнить роль моего чичероне, конечно, захотѣлъ прежде всего показать мнѣ такъ сказать казовую сторону дѣла. Для начала онъ повелъ меня въ музей ткачества; и я не пожалѣлъ о потраченныяхъ на его осмотръ 2—3 часахъ. Цѣлый рядъ обширныхъ и прекрасныхъ залъ содержитъ огромную съ большимъ знаніемъ дѣла подобранную коллекцію образцовъ тканей; древнѣйшіе (между прочимъ) насчитываютъ по двѣ тысячи лѣтъ существованія. Правда, съ начала ереднихъ вѣковъ музей даетъ только образцы французскаго шелковаго производства, и первое мѣсто за послѣднія 4—5 столѣтій отведено самому Лиону; но и при этомъ условіи огромная масса образцовъ, подобранныхъ хронологически;

оказывается крайне интересной. Передъ вашими глазами последовательно проходятъ въ полотнищахъ шелковыхъ матерій какъ бы характеристики извѣстныхъ эпохъ. Здѣсь вы видите и время Людовика XIV съ его не жалѣвшею труда холодною роскошью, и неприятный, вычурный, но не лишенный извѣстной условной граціи періодъ Людовика XV съ его орнаментомъ рококо и буколическими сценами, изображенными шелками нѣжныхъ тоновъ на бѣломъ или нѣжно-розовомъ тонѣ. Сухой, жесткій, обильный золотомъ рисунокъ времени первой имперіи бросается въ глаза даже людямъ не имѣющимъ специальной подготовки: фантазія въ эту эпоху очевидно падаетъ, сочетанія красокъ дѣлаются рѣзче, грубѣе. Съ тридцатыхъ годовъ до ближайшаго періода постепенно возрастаетъ сложность и разнообразіе рисунка, доходящія до высокой степени изящества и роскоши, которыя, какъ бы достигнувъ кульминаціонной точки на посту семидесятыхъ годовъ, рѣзко понижаются за послѣдніе годы, подходя къ эпохѣ декаданса. По части иностранныхъ образцовъ послѣдняго времени, музей не блещетъ полнотою, но то, что въ немъ имѣется, превосходно. Прекрасные образцы индѣйскихъ и персидскихъ ковровыхъ тканей занимаютъ въ этой коллекціи по шелковому дѣлу гораздо больше мѣста, чѣмъ произведенія нашего отечества.

Ничтожное количество русскихъ образцовъ, конечно, не даетъ ни малѣйшаго понятія о постановкѣ шелковаго дѣла въ Московскомъ районѣ. Намъ, до послѣдней Парижской выставки, такъ часто приходилось встрѣчаться за границей съ полнымъ игнорированіемъ русской промышленности, что подобный пробѣлъ въ Лионскомъ музеѣ не могъ бы ни кого удивить. Но въ настоящемъ случаѣ плохо было то, что имѣющіеся на лицо образчики давали о русской работѣ совершенно ложное представленіе. Такъ напримѣръ мой проводникъ, очевидно предполагая польстить моему національному самолюбію, съ удовольствіемъ указалъ мнѣ какую то огромную бѣлую шелковую простыню, затканную по краямъ красными пѣтухами, вершковъ въ двѣнадцать высоты, и синими орнаментами. Рисунокъ напоминалъ во много разъ увеличенную плохую вышивку такъ называемаго „русскаго костюма“, какой носили подмосковныя дачницы. Тутъ

пятнадцать назад. Я ахнул от изумленія передъ этой безвкусицей и спѣшно сталъ объяснять, что ничего подобнаго въ Россіи никогда не видывалъ. Удивленію моего собесѣдника не было предѣловъ. Онъ искренно считалъ этотъ рисунокъ чуть ли не совершеннѣйшимъ образцомъ русскаго шелковаго дѣла и разсказалъ мнѣ, что одна изъ нашихъ фирмъ — онъ назвалъ очень крупную шелковую мануфактуру — послѣ выставки въ Чикаго подарила Лѳонскому музею это странное произведеніе, какъ образецъ русскаго стиля въ шелковомъ дѣлѣ. Мнѣ оставалось только высказать предположеніе, что въ Чикаго, вѣроятно, фабрика декорировала подобной драпировкой потолокъ или какую нибудь другую очень удаленную отъ зрителя часть своей витрины.

Но какъ уже сказано, бѣдность русскаго коллекціи не мѣшаетъ музею быть крайне интереснымъ.

Рядъ интереснѣйшихъ рисунковъ для ткачества хорошо дополняетъ въ немъ коллекцію тканей; здѣсь же можно видѣть еще интересное собраніе моделей ткацкихъ станковъ, употреблявшихся разными народами въ разные эпохи.

Но описывая этотъ чрезвычайно въ своемъ родѣ богатый музей, я бы затруднился сказать, насколько удобно и доступно для всѣхъ пользованіе его коллекціями. Хотя для публики онъ открытъ ежедневно, но толковаго каталога въ 1897 году еще не имѣлось; говорили, что онъ печатается. Специалистовъ, въ немъ занимающихся, я не замѣтилъ, а двѣ шелкоткацкихъ школы, о которыхъ рѣчь впереди, не имѣютъ съ нимъ непосредственной связи. О послѣднемъ надо особенно пожалѣть, такъ какъ для школъ конечно, подобный музей могъ бы дать богатѣйшій матеріалъ для занятій.

Названныя школы стоятъ того, чтобы о нихъ сказать нѣсколько словъ. Крупнѣйшая изъ нихъ, составляющая отдѣленіе лѳонской *école de commerce* оказалась тоже однимъ изъ „казовыхъ концовъ“ города. Посвѣщеніе ея классовъ, правда — за довольно высокую плату, доступно всякому. Мастера школы говорили мнѣ, что среди учениковъ есть даже одинъ русскій, ни слова не понимающій по французски; къ сожалѣнію мнѣ не удалось его видѣть. Поступаютъ въ школу ученики двухъ категорій, одни занима-

ются исключительно ткачеством и слушают только самый краткий курс предметов, въ число которыхъ входитъ шелководство, разматка коконовъ, разборъ рисунка тканей (анализъ узора) и описаніе разныхъ системъ станковъ. Другой разрядъ учениковъ школы слушаетъ полный курсъ école de commerce, который можно сопоставить (хотя они далеко не тождественны) приблизительно съ курсомъ шести классовъ нашихъ реальныхъ училищъ; занятія въ ткацкой являются для него лишь дополненіемъ. Однако и тѣ и другіе ученики работаютъ ежедневно опредѣленное число часовъ въ прекрасной учебной мастерской школы. Здѣсь въ свѣтлой и просторной залѣ расположено свыше 50 шелкоткацкихъ станковъ различныхъ системъ. Половина изъ нихъ—станки ручные, и половина—механическіе. Они подобраны такъ, что бы имѣть образцы по возможности всѣхъ употребляемыхъ типовъ. Ученикъ сначала ткеть на ручныхъ станкахъ, переходя отъ простыхъ къ болѣе сложнымъ, а затѣмъ принимаются за механическое ткачество и къ концу курса знакомятся съ конструкціей всѣхъ употребительныхъ станковъ, съ приготовленіемъ ихъ къ работѣ и съ самой работой. Образцы, имъ выработанные, по выходѣ изъ школы ученикъ можетъ взять съ удостовѣреніемъ, что данный образецикъ сработанъ именно имъ.

Школа располагаетъ прекраснымъ помѣщеніемъ, прекрасными пособиями, толковыми мастерами. Программа, какъ сказано, довольно обширна; поступать въ нее могутъ юноши уже съ солидной подготовкой и вполне грамотные, такъ какъ французскій языкъ въ школѣ уже не проходитъ, и ея курсъ состоитъ изъ ариметики, алгебры, геометріи, географіи, химіи, физики, исторіи Франціи и бухгалтеріи. Для лицъ, кончающихъ курсъ по отдѣленію красильно-химическому, существуетъ еще особый курсъ теоретическихъ и практическихъ занятій по прикладной химіи. Школа всегда переполнена учащимися и выпускаетъ людей, способныхъ занять мѣста мастеровъ и даже директоровъ фабрикъ, а также служащихъ въ конторахъ, ведущихъ дѣла по торговлѣ шелкомъ и бархатомъ. На содержаніе школы расходуются сотни тысячъ франковъ, и она производитъ впечатлѣніе учреждения прочно и солидно поставленнаго. Въ этомъ

отношеніи она представляет довольно рѣзкій контрастъ съ другой мужской школой ткачества, предназначенной по мысли основателей специально для рабочихъ.

Эта вторая школа занимаетъ лишь небольшую квартиру, состоящую изъ четырехъ небольшихъ, расположенныхъ въ двухъ этажахъ здѣй. Обстановка ея поражаетъ простотою, если хотите бѣдностію, хотя мѣсто ея выбрано на нашъ взглядъ, крайне удачно, въ самомъ центрѣ того предмѣстья Ліона—Croix-Rousse, гдѣ ютится множество ткачей—особняковъ. Но даже и въ этомъ бѣдномъ кварталѣ домъ, въ которомъ помѣщается школа, обращаетъ вниманіе нечистотой двора, грязью лѣстницъ и неприглядностію всего внѣшняго вида. Школа имѣетъ около пятнадцати ручныхъ и столько же механическихъ станковъ разныхъ системъ; послѣдніе приводятся въ движеніе газомоторомъ. Курсы для учениковъ двоякаго рода. Съ одной стороны поступаютъ мужчины (не моложе 14 лѣтъ) учиться ткать. Они подъ руководствомъ мастера и преподавателя проходятъ всѣ работы по ткачеству, начиная съ приготовленія основы, уборки простого стана и кончая собственно тканьемъ на самыхъ сложныхъ станкахъ. Время, употребляемое ученикомъ на прохожденіе такого рода курса, очень разнообразно и зависитъ какъ отъ способностей и усердія ученика, такъ и отъ очень многихъ условій, на примѣръ отъ количества учениковъ, находящихся въ данный моментъ въ школѣ, такъ какъ на всѣхъ учениковъ нерѣдко не хватаетъ нужныхъ по ходу преподаванія станковъ. Другой родъ курсовъ теоретическій; читаются кромѣ шелководства и теоріи ткачества, краткіе курсы бухгалтеріи и другихъ предметовъ, знаніе которыхъ можетъ быть полезно въ жизненной практикѣ рабочего или мастера. Эти курсы, продолжающіеся въ видѣ вечернихъ лекцій по нѣкоторымъ предметамъ круглый годъ, по нѣкоторымъ лишь 6—12 недѣль, привлекаютъ кромѣ постоянныхъ учениковъ, массу постороннихъ слушателей, такъ что въ послѣднее время черезъ школу нерѣдко проходило свыше 300 слушателей въ годъ; число же постоянныхъ учениковъ—ткачей, по недостатку мѣста и станковъ, должно быть ограничено 30 человѣками. Вообще недостатокъ средствъ замѣтенъ даже при самомъ бѣдномъ знакомствѣ съ дѣломъ; на него

прямо жаловался директоръ школы, дававшій намъ очень любезно многія объясненія. Съ его то словъ познакомились мы съ краткой, но не безынтересной исторіей дѣла. Лѣтъ десять назадъ нѣсколько крупныхъ ліонскихъ фирмъ пришли къ благой мысли учредить школу ткачества для рабочихъ. Онѣ основали ее и продержали нѣсколько лѣтъ на собственные средства, но, когда миновалъ первый періодъ увлеченія этимъ общепользнымъ дѣломъ, экономные люди захотѣли по возможности уменьшить на нее свои личные расходы; начались взаимныя несогласія, сокращенія бюджета и въ концѣ концовъ порѣшили передать школу городу. Городъ, принявъ школу въ свои руки, не проявилъ особенной щедрости, и въ настоящее время весь бюджетъ учебнаго заведенія, содержащаго трехъ преподавателей, мастера, 30 ткацкихъ станковъ и пропускающаго черезъ свои стѣны свыше 300 человекъ въ годъ, опредѣляется въ 33.000 фр. т. е. въ 12000 руб. приблизительно въ годъ. При такихъ условіяхъ, конечно, трудно думать о развитіи дѣла. Плата, взимаемая съ учениковъ, не играетъ въ бюджетѣ школы большой роли, такъ какъ каждый ученикъ уплачиваетъ лишь 3 ф. въ годъ; но принимаются въ число учениковъ исключительно лица, родившіяся въ Ліонѣ. На мой вопросъ о томъ, что же дѣлаютъ ученики школы по окончаніи курса, директоръ съ грустію замѣтилъ, что лишь самая ничтожная часть остается ткачами; большинство же старается получить должности, которыя теперь лучше оплачиваются, чѣмъ самостоятельное мастерство. Они дѣлаются мастерами или служащими на фабрикахъ и въ конторахъ торговыхъ домовъ. Когда я сказалъ, что это вполне естественно, что подобное же явленіе замѣчается, насколько я знаю вездѣ, то онъ возразилъ, что прежде въ Ліонѣ это было иначе, что ліонскій ткачъ еще недавно имѣлъ такой высокій заработокъ, что для него подобная перемѣна занятій не была особенно соблазнительна, но что теперь рабочій вынужденъ искать новыхъ болѣе прибыльныхъ родовъ работы. Все то, что я видѣлъ въ Ліонѣ, заставило меня признать большую долю справедливости въ этихъ словахъ.

И стоишь въ дѣлѣ, объясняешь, объясняешь, что такое, а все равно не можешь объяснить, почему такъ, а не иначе.

II.

Высоко надъ Лиономъ поднимается его своеобразнѣйшій кварталъ, — скорѣе предмѣстье, — *Stoix Rousse*. Если вы не воспользуетесь канатной желѣзной дорогой, поднимающей желающихъ въ 6—7 минутъ времени, то вамъ придется даже на хорошемъ извозчикѣ добрыхъ полчаса потратить на то, чтобы длинной, непрерывно зигзагами поднимающейся улицей добраться отъ оживленнаго центра этого богатаго города въ ту отдаленную его часть гдѣ сосредоточено значительнѣйшее количество ткацкихъ мастерскихъ. А между тѣмъ именно здѣсь, въ этомъ тихомъ однообразномъ, далеко непривлекательномъ на видъ кварталѣ, помѣщаются тѣ тысячи ткацкихъ станковъ, которые до недавняго времени вырабатывали все то, что составляло силу, богатство и славу города Лиона. Дѣло въ томъ, что шелковое ткачество долѣе всѣхъ другихъ видовъ ткацкаго дѣла держалось за ручной станокъ. Тонкость матерьяла, сложность рисунка, необходимость высокой степени тщательности въ работѣ, большая цѣнность приготавлиаемаго товара—все это вмѣстѣ съ одной стороны требовало для перехода къ механической работѣ усовершенствованныхъ и сложныхъ ткацкихъ станковъ, а съ другой — долго давало предпринимателямъ возможность выносить сравнительно довольно высокiе расходы на заработную плату. Вотъ почему еще полтора десятка лѣтъ назадъ вся постановка шелкоткацкаго дѣла была совершенно иная, чѣмъ въ другихъ отрасляхъ ткачества. Господствовало ручное производство. Нѣкоторыя фирмы, торговавшiя шелковыми матерьялами, имѣли мануфактуры съ большимъ или меньшимъ количествомъ ручныхъ станковъ, громадное же большинство ихъ занималось тѣмъ же, чѣмъ и до сихъ поръ занимаются наши московскiя раздаточныя конторы: они раздавали матерьялъ, т. е. шелковыя основы и утокъ на руки ткачамъ и принимая отъ нихъ ткань, отдавали ее отдѣлывать на красильныя, набивныя и апретурныя фабрики. Но въ отличiе отъ ручного бумаго-ткацкаго дѣла подь Москвой, лионскiй ткачъ не былъ крестьяниномъ-земледѣльцемъ, а

напротивъ былъ постояннымъ городскимъ жителемъ. Городъ, конечно, приспособился къ условіямъ, поставленнымъ промышленностью. Цѣлые дома, улицы, даже кварталы сплошь устроили квартиры для ткачей, и квартиры, надо сказать, очень однообразныя: одна большая, чистая, свѣтлая комната для одного или двухъ ткацкихъ станковъ съ мотальной машиной, и рядомъ маленькая комната, гдѣ помѣщается крошечная плита или очагъ для приготовленія пищи и постель; иногда, въ болѣе роскошныхъ квартирахъ, спальня помѣщается въ особой комнаткѣ. Крутая лѣстница, по устройству и чистотѣ напоминающая черныя лѣстницы петербургскихъ домовъ средней руки, поднимается подъ самую крышу 5 — 6 этажнаго дома, и на каждой площадкѣ лѣстницы 2 или 4 двери ведутъ въ подобныя квартиры-мастерскія. Станки и вся обстановка, конечно, принадлежать ткачу. Чаще всего онъ работаетъ одинъ, а жена ему помогаетъ; разматывая шелкъ и смѣняя его за станкомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ уходитъ или отдыхаетъ. Впрочемъ есть сорта матерій, работа которыхъ признается слишкомъ трудной для женщинъ, и въ такихъ случаяхъ, само собой понятно, жена ужъ не работаетъ въ качествѣ ткачихи. За-то можно найти мастерскія съ двумя станами; тогда обыкновенно на одномъ изъ нихъ работаютъ уже специально женскими руками болѣе простыя и легкія въ работѣ ткани. Разъ, въ особенно большой мастерской, я видѣлъ трехъ сестеръ за тремя станами. Старушка мать, живущая здѣсь же, стряпала и помогала дочерямъ въ работѣ. Во всѣхъ мастерскихъ чувствовалось необыкновенно ясно, что здѣсь все устроено для станка. Онъ занимаетъ лучшую часть комнаты, онъ отнимаетъ большую часть свѣта, около него — наивысшая чистота и опрятность. Сами хозяева станковъ ютятся гдѣ то сзади, гдѣ и потемнѣе и погрязнѣе, и только въ тотъ моментъ, когда за работой они сидятъ на скамьѣ у стана, они пользуются дѣйствительно прекраснымъ помѣщеніемъ. Просто и любезно встрѣтилъ цѣлую компанію изъ 4-хъ лицъ первый ткачъ, къ которому мы зашли. Если вообще, какъ я сказала, около шелко-ткацкихъ станковъ соблюдаютъ чистоту, то чистота именно этой свѣтлой просторной, въ два большихъ окна комнаты поражала особенно. И немую-

дрено: на станкѣ работался бѣлый бархатъ, т. е. одинъ изъ тѣхъ сортовъ товара, которые и дороги и очень марки. Въ мастерской былъ только одинъ станъ и машина для размотки. Жена ткача совершаетъ только эту послѣднюю работу, но не ткеть бархата. Собственно жилое помѣщеніе находилось за стеклянной перегородкой въ глубинѣ комнаты. Привѣтливость хозяевъ, ихъ простая и ясная рѣчь сразу расположили всѣхъ посѣтителей въ ихъ пользу. Послѣ нѣсколькихъ первыхъ фразъ я поинтересовался узнать, что получаетъ ткачъ за работу подобнаго бархата, который по словамъ людей знающихъ продается 11—12 франковъ за метръ оптомъ и 13—14 въ розницу. Оказалось, что цѣна за работу метра составляетъ 1 фр. 90 центимовъ.

— „А сколько Вы можете сработать“?

— „2—2½ метра, а если особенно постараться то и до 3-хъ“.

— „А что значитъ по Вашему особенно постараться?“.

— „Проработать часовъ до 13 въ день; только такъ нельзя постоянно работать, а при обыкновенной работѣ нельзя выработать больше 2½ метровъ, и это много“. Такимъ образомъ заработокъ этого рабочаго, очевидно очень хорошаго ткача, опредѣляется въ 4½ фр. 4¾ фр. въ рабочій день, но при оцѣнкѣ этой цифры надо имѣть въ виду, что работа на ручныхъ ткацкихъ станкахъ по самому существу своему — не можетъ быть постоянной. Получая заказъ на ткань новаго образца, рабочій долженъ приготовить станъ для этой работы, на что требуется нѣсколькихъ дней, иногда даже до 1½-хъ—2-хъ недѣль. Эта предварительная работа не оплачивается, и рабочій живетъ во время нея такъ сказать на счетъ будущаго; поэтому въ дѣйствительности средняя плата за рабочій день въ нашемъ примѣрѣ не можетъ быть принята выше 4-хъ фр. въ день:

— „О, мы могли бы быть довольны и этимъ заработкомъ, говорили ткачи; но мы часто не имѣемъ вовсе работы. Такъ много шелковыхъ тканей теперь уже можно работать на механическихъ станкахъ! Они работаютъ дешевле нашего“. И дѣйствительно, какъ мы уже сказали, механическія фабрики съ каждымъ днемъ отвоевываютъ себѣ болѣе и

болѣе широкое поле, такъ что нужно думать, что дни ручныхъ станковъ, съ ихъ домашней работой и съ нѣкоторой, хотя конечно и незначительной, долей самостоятельности рабочаго уже сочтены. Но старая, вѣками выработанная, привычная форма труда дорога рабочему. Онъ употребляетъ возможныя старанія, чтобы остаться въ собственной мастерской, вмѣсто того, чтобы съ правильностію машины отъ звонка до звонка работать на механической фабрикѣ.

Мы видимъ, что очень хорошій ткачъ зарабатываетъ въ 1897 г. въ Лионѣ въ среднемъ около 4 фр., т. е. около 1 р. 50 к. въ день; по общимъ отзывамъ для средняго рабочаго, въ особенности для женщины, эта цифра должна была быть значительно понижена. Она колеблется между 3 и 3½ фр. для ткачей и 2—2½ франковъ для ткачихъ. А вѣдь еще совсѣмъ недавно, въ концѣ семидесятыхъ годовъ, заработокъ въ 6 франковъ для мужчинъ и въ 4¾ для женщинъ считался обыкновеннымъ. Хорошіе рабочіе выработывали и по 7 фр. Такимъ образомъ заработокъ упалъ процентовъ на 40 и, конечно, сообразно этому пришлось рабочему сокращать свои расходы.

— „Что подѣлаешь?“ свободно и какъ будто даже весело говорила намъ ткачиха, женщина лѣтъ 35-ти, занимающая вмѣстѣ съ двумя сестрами и матерью одну обширную мастерскую, надо какъ нибудь жить! Мы работаемъ тафту и другія легкія матеріи; получаемъ по 60.—70 сентимовъ за метръ; правда франка 2½ — 3 больше не выработаешь, но зато безъ работы мы рѣдко остаемся, — и живемъ, какъ видите!“ Если считать 300 рабочихъ дней въ году, то хорошій заработокъ лионскаго ткача въ настоящее время можно опредѣлить приблизительно въ 900—1100 фр., а ткачихи, въ 750, 900 фр. въ годъ. Чтобы выяснитъ истинное значеніе этой цифры, нужно припомнить, что ткачи сами нанимаютъ для себя, вѣрнѣе сказать для своего станка, квартиру, съ годовой платой въ 240—280 фр. въ годъ; затѣмъ содержаніе въ порядкѣ принадлежащаго имъ стана и освѣщеніе тоже требуетъ нѣкоторыхъ издержекъ; изъ остающейся суммы 600—800 фр. нужно нѣкоторую часть отсчитать на долю жены или члена семьи, занятаго раз-

моткою шелка въ качествѣ подручнаго помощника *), на долю самого ткача очевидно придется много меньше указанной суммы и, переводя на русскія деньги, можно думать что ткачъ зарабатываетъ въ томъ случаѣ, если имѣеть постоянную работу 200—280 р. въ годъ. Прекрасный заработокъ! — воскликнетъ быть можетъ кто нибудь изъ нашихъ читателей.

Печальный, чуть не нищенскій заработокъ, говорятъ на это французы. Въ самомъ дѣлѣ, тамъ, гдѣ поколѣнія рабочихъ привыкли получать 2—2½ руб. **) въ рабочий день тамъ, гдѣ подобный заработокъ обыченъ и въ настоящее время для рабочихъ другихъ специальностей, пониженіе получки до 75—95 к. въ день должно быть признано тяжелымъ. Это несомнѣнно, какъ несомнѣнно и общепризнано во Франціи критическое положеніе всего ручнаго ткачества по шелку. Конечно я долженъ сказать, что посѣщая эти свѣтлыя прекрасныя мастерскія, ведя бесѣду съ лионскими ткачами, присматриваясь къ ихъ одеждѣ, ихъ обстановкѣ я поневолѣ припоминалъ цѣлыя вереницы мастерскихъ, фабрикъ, свѣтелокъ, наконецъ ткачей и ткачихъ, знакомыхъ мнѣ въ Московскои, Рязанскои, Владимірскои губерніяхъ, и мнѣ минутами казалось, что здѣсь, въ Лионѣ, я вижу передъ собою благополучно живущихъ, хорошо зарабатывающихъ и счастливо обставленныхъ людей: я думаю что подобное впечатлѣніе испыталъ бы и каждый русскій наблюдатель фабричной жизни, если бы, закрывши глаза, онъ могъ нечувствительно для себя перенестись откуда нибудь изъ Богородскаго уѣзда въ Лионъ; но полное несоотвѣтствіе этой мысли съ дѣйствительностію лучше, чѣмъ что либо другое доказываетъ невозможность высказывать въ такихъ сложныхъ вопросахъ какія бы то ни было сраженія и сужденія, основанныя лишь на непосредственномъ впечатлѣніи наблюдателя.

Когда я уже заканчивалъ рядъ осмотровъ ткацкихъ мастерскихъ, мнѣ предложили посмотреть производство тюля,

*) На русскихъ ручныхъ фабрикахъ за размотку ткачи платятъ 6—8 коп. съ рубля.

**) Переводя для удобства русскаго читателя франки на рубли я считаю 2,50 фр. = 1 рублю.

предупреждая заранѣе, что для меня это будетъ крайне интересно. Мой любезный проводникъ почему то думалъ, что въ Россіи неизвѣстны машины для выработки тюля и потому сразу пустился объяснять мнѣ всѣ тонкости этого сложнаго механизма. Мнѣ насилу удалось убѣдить его, что я уже видѣлъ эти машины, и что если эта мастерская дѣйствительно крайне интересна для меня, то совсѣмъ по другой причинѣ. Владѣлецъ мастерской, онъ же и рабочій, плотный живой французъ уже съ просьбою, но еще съ крайне живымъ взглядомъ и живой рѣчью, рассказалъ мнѣ слѣдующее: машина, которая случайно ему досталась за 3000 фр., на самомъ дѣлѣ стоитъ новая 10000—11000 и не рѣдко мастера покупаютъ ее за такую цѣну съ машиностроительнаго завода. Кромѣ того для приведенія ея въ движеніе употребляется небольшой газовый моторъ, и мастера теперь радуются тому, что благодаря усовершенствованію въ постройкѣ двигателей этого рода они очень подешевѣли; нѣсколько лѣтъ назадъ, устраивая свою мастерскую мастеръ долженъ былъ затратить на моторъ 550 фр. а теперь такой же можно купить за 160 фр. *). Получаетъ онъ матерьялъ отъ одной крупной фирмы, на которую уже работаетъ два года. Заработокъ порядочный—10, 11 даже 12 фр. въ день, но изъ этой суммы надо вычесть 2 фр. на газъ для мотора, такъ что остается 8—10 фр. въ день. Конечно, тяжело приходится въ тѣхъ случаяхъ, когда остаешься безъ работы, но это еще рѣдко случается, такъ какъ сравнительно такихъ мастерскихъ не очень много — обзаведеніе стоитъ все-же сравнительно дорого.

Эта маленькая мастерская, пользующаяся всѣми выгодами механическаго двигателя и снабженная усовершенствованнымъ крайне сложнымъ станкомъ, была послѣднимъ мѣстомъ, посѣщеннымъ мною на Croix Rousse. Впечатлѣніе произведенное ею и, въ особенности, ея хозяиномъ—рабочимъ, во многихъ отношеніяхъ было противоположно не веселымъ мыслямъ вызваннымъ осмотромъ ручныхъ ткацкихъ.

*) Послѣдняя парижская выставка наглядно показала, до какого совершенства и дешевизны дошло производство маленькихъ газовыхъ и керосиновыхъ моторовъ.

III.

Какъ я уже сказалъ, мнѣ не удалось осмотрѣть крупный шелкоткацкія фабрики въ самомъ Лионѣ и въ его ближайшихъ окрестностяхъ. Правда, за нѣсколько часовъ до отъѣзда, котораго я уже не могъ отложить, я получилъ приглашеніе на одну очень крупную мануфактуру; но я не поручусь, что самое это приглашеніе было сдѣлано именно потому, что, какъ то было извѣстно моимъ добрымъ знакомымъ, я долженъ былъ уѣхать; но за то владельцы загородныхъ фабрикъ были по отношенію ко мнѣ крайне любезны.

— О, вы можете не особенно жалѣть о томъ, что не видали фабрикъ собственно въ самомъ Лионѣ; это фабрики сравнительно старыя. Всѣ новыя крупныя дѣла возникаютъ и будутъ возникать внѣ города, въ 20—30 и 40 верстахъ отъ него, утѣшалъ меня въ моихъ неудачахъ мой чичероне.

— Почему высказываете вы такую странную и печальную для вашего родного города мысль? спросилъ я крайне заинтересованный.

— Причина очень простая—отвѣчалъ онъ мнѣ, вдали отъ Лиона все дешевле, а прежде всего—рабочія руки. На механическихъ станкахъ выучиться работать не трудно; въ особенности скоро научаются ткать простыя матеріи. Сельскія работницы, жительницы маленькихъ городковъ и мѣстечекъ съ охотой идутъ на эту работу; да и мужскія руки тамъ находятся легче. И всѣ они соглашаются работать за меньшую плату, чѣмъ наши городскіе ткачи. Эти помнятъ лучшія времена, да и жизнь имъ обходится дороже, одна квартира чего стоитъ *).

Я не успѣлъ изучить положеніе ткачества въ окрестностяхъ Лиона настолько основательно, чтобы дать полную и серьезную оцѣнку такъ категорически высказанному сужденію, но доля правды, и значительная, въ немъ несомнѣнно есть. Съ введеніемъ механическаго станка съ каждымъ днемъ

*) При фабрикахъ Западной Европы почти никогда не бываетъ квартиръ для рабочихъ.

больше и больше теряет значеніе то искусство рабочаго, которое пріобрѣталось прежде лишь долгими годами выучки и нерѣдко даже по семейнымъ традиціямъ переходило отъ отца къ сыну. Механическая шелкоткацкая фабрика широко растворила двери для всѣхъ ищущихъ заработокъ, и эта конкуренція труда сбиваетъ заработную плату до возможнаго минимума, заканчивая ту работу разрушенія старой самостоятельной мастерской, которая, съ другого конца, была начата техническими усовершенствованіями механической ткацкой машины, давшей возможность съ успѣхомъ и выгодой примѣнять ее и въ шелковомъ дѣлѣ. Теперь въ видахъ удешевленія производства шелковое дѣло переселяется изъ стараго крупнаго центра—Лиона—въ деревню и мелкіе городки. Одинъ изъ такихъ городковъ мнѣ и удалось посѣтить.

Пріютившійся среди живописныхъ холмовъ на пути между Лиономъ и Греноблемъ еще весьма недавно Бургоэнъ былъ совсѣмъ крошечнымъ городкомъ. Основаніе за послѣдніе годы нѣсколькихъ новыхъ фабрикъ весьма значительно увеличило число его жителей и сдѣлало изъ него на нашъ русскій масштабъ довольно крупный центрикъ съ десяткомъ тысячъ обитателей; но несмотря на то, этотъ маленькій хорошо вымощенный, снабженный водой и газомъ городокъ, сохранилъ сильный отпечатокъ провинціальной патриархальности, бросающей въ глаза пріѣзжему въ первую же минуту. Изучая распisanіе обратныхъ поѣздовъ, я замѣшкался на нѣсколько минутъ на станціи и выйдя на маленькую площадь передъ вокзаломъ, уже не нашелъ здѣсь ни одного человѣка. Не зная дороги, я обратился къ первой встрѣтившейся мнѣ особѣ, которая, какъ впоследствии оказалось, была содержательницей крошечнаго ресторана, и просилъ указать мнѣ, гдѣ я могу найти извозчика.

— Извозчика? съ преувеличенною южно-французскою жестикюляціей воскликнула дама, — но въ Бургоэнѣ нѣтъ извозчиковъ, monsieur! конечно, вы можете пойти къ... (она назвала какое-то имя), и попросить его запретъ лошадь, но это будетъ очень долго. Куда вы желаете ѣхать?

Я назвалъ на нѣмецкій ладъ нѣмецкую фамилію фабриканта.

— Но у насъ въ Бургоэнѣ нѣтъ такой фабрики.

III.

Какъ я уже сказалъ, мнѣ не удалось осмотрѣть крупныя шелкоткацкія фабрики въ самомъ Лионѣ и въ его ближайшихъ окрестностяхъ. Правда, за нѣсколько часовъ до отъѣзда, котораго я уже не могъ отложить, я получилъ приглашеніе на одну очень крупную мануфактуру; но я не поручусь, что самое это приглашеніе было сдѣлано именно потому, что, какъ то было извѣстно моимъ добрымъ знакомымъ, я долженъ былъ уѣхать; но за то владѣльцы загородныхъ фабрикъ были по отношенію ко мнѣ крайне любезны.

— О, вы можете не особенно жалѣть о томъ, что не видали фабрикъ собственно въ самомъ Лионѣ; это фабрики сравнительно старыя. Всѣ новыя крупныя дѣла возникаютъ и будутъ возникать внѣ города, въ 20—30 и 40 верстахъ отъ него, утѣшалъ меня въ моихъ неудачахъ мой чичероне.

— Почему высказываете вы такую странную и печальную для вашего родного города мысль? спросилъ я крайне заинтересованный.

— Причина очень простая—отвѣчалъ онъ мнѣ, вдали отъ Лиона все дешевле, а прежде всего—рабочія руки. На механическихъ станкахъ выучиться работать не трудно; въ особенности скоро научаются ткать простыя матеріи. Сельскія работницы, жительницы маленькихъ городковъ и мѣстечекъ съ охотой идутъ на эту работу; да и мужскія руки тамъ находятся легче. И всѣ они соглашаются работать за меньшую плату, чѣмъ наши городскіе ткачи. Эти помнятъ лучшія времена, да и жизнь имъ обходится дороже, одна квартира чего стоитъ *).

Я не успѣлъ изучить положеніе ткачества въ окрестностяхъ Лиона настолько основательно, чтобы дать полную и серьезную оцѣнку такъ категорически высказанному сужденію, но доля правды, и значительная, въ немъ несомнѣнно есть. Съ введеніемъ механическаго станка съ каждымъ днемъ

*) При фабрикахъ Западной Европы почти никогда не бываетъ тифа для рабочихъ.

Больше и больше теряет значеніе то искусство рабочаго, которое пріобрѣталось прежде лишь долгими годами выучки и нерѣдко даже по семейнымъ традиціямъ переходило отъ отца къ сыну. Механическая шелкоткацкая фабрика широко растворила двери для всѣхъ ищущихъ заработокъ, и эта конкуренція труда сбиваетъ заработную плату до возможнаго минимума, заканчивая ту работу разрушенія старой самостоятельной мастерской, которая, съ другого конца, была начата техническими усовершенствованіями механической ткацкой машины, давшей возможность съ успѣхомъ и выгодой примѣнять ее и въ шелковомъ дѣлѣ. Теперь въ видахъ удешевленія производства шелковое дѣло переселяется изъ стараго крупнаго центра—Лиона—въ деревню и мелкіе городки. Одинъ изъ такихъ городковъ мнѣ и удалось посѣтить.

Пріютившійся среди живописныхъ холмовъ на пути между Лиономъ и Греноблемъ еще весьма недавно Бургоэнь былъ совсемъ крошечнымъ городкомъ. Основаніе за послѣдніе годы нѣсколькихъ новыхъ фабрикъ весьма значительно увеличило число его жителей и сдѣлало изъ него на нашъ русскій масштаб довольно крупный центрикъ съ десяткомъ тысячъ обитателей; но несмотря на то, этотъ маленькій хорошо вымощенный, снабженный водой и газомъ городокъ, сохранилъ сильный отпечатокъ провинціальной патриархальности, бросающейся въ глаза пріѣзжему въ первую же минуту. Изучая росписаніе обратныхъ поѣздовъ, я замѣшкался на нѣсколько минутъ на станціи и выйдя на маленькую площадь передъ вокзаломъ, уже не нашелъ здѣсь ни одного человѣка. Не зная дороги, я обратился къ первой встрѣтившейся мнѣ особѣ, которая, какъ впоследствии оказалось, была содержательницей крошечнаго ресторана, и просилъ указать мнѣ, гдѣ я могу найти извозчика.

— Извозчика? съ преувеличенною южно-французской жестикуляціей воскликнула дама, — но въ Бургоэнь нѣтъ извозчиковъ, monsieur! конечно, вы можете пойти къ... (она назвала какое-то имя и попросить его запретъ лошадей, но это будетъ очень дорого. Куда вы желаете ѣхать?) Я назвалъ на нѣмецкѣи нѣмецкую фамилію фабриканта.

гдѣ находится такая фабрика.

Я былъ удивленъ и сталъ увѣрять, что не можетъ быть, чтобы надо мной подшутили.

— Дайте мнѣ, пожалуйста, ваше письмо... Ну, вотъ видите, вы не такъ прочитали! сказала она до неузнаваемости исковеркавъ нѣмецкую фамилію на французскій манеръ. Эту фабрику вы найдете очень скоро! и она пространно начала описывать предстоящій мнѣ путь.

Я думалъ, что мнѣ придется пройти 3—4 версты, но къ удивленію своему, сдѣлавъ 300—400 шаговъ, за первымъ поворотомъ уже совсѣмъ близко передъ собою увидалъ фабричныя трубы, которыя являлись для глаза какимъ-то диссонансомъ среди мирнаго и наряднаго осенняго пейзажа, окружавшаго и меня и маленькій городокъ. Черезъ нѣсколько минутъ я входилъ въ обширную, совершенно новую по конструкціи, одноэтажную съ верхнимъ свѣтомъ ткацкую мастерскую, гдѣ много сотенъ становъ, работающих въ одной залѣ, сразу оглушили меня своимъ неумолчнымъ однообразнымъ лязгомъ. Первое, что бросилось мнѣ въ глаза, это былъ исключительно женскій персоналъ ткачей: кромѣ подмастерьевъ въ огромной мастерской не было ни одного мужчины. Положимъ, я не видалъ здѣсь на станахъ тѣхъ сложныхъ по рисунку плотныхъ шелковыхъ матерій, выработка которыхъ признается специально мужскою работою, но все таки здѣсь встрѣчалось не мало тканей, которыя въ Лионѣ на ручныхъ станкахъ работаютъ ткачами. Возможность замѣны мужского труда женскимъ, понятно представляетъ серьезную коммерческую выгоду. Ткачиха въ Бургоннѣ получаетъ отъ 2 фр. 40 сантимовъ до 3-хъ въ день и лишь въ исключительныхъ случаяхъ ей удается заработать 3 фр. 20 сант., на своей, конечно, квартирѣ; но она не считаетъ этого заработка плохимъ. Когда я полюбопытствовалъ узнать размѣры тѣхъ вычетовъ, которые могутъ быть сдѣланы конторой, то мнѣ указали только на штрафы, но они немногочисленны. Такъ штрафы за прогулъ на этой фабрикѣ не практикуются, что касается взысканій за плохую работу, то они тоже налагаются сравнительно рѣдко, и высшій предѣлъ ихъ мнѣ опредѣлили въ 1 фр. за плохую

сработанный кусокъ товара, на производство котораго ткачиха употребляетъ 4—8 дней.

Особое отдѣленіе фабрики, вѣрнѣе сказать—особая фабрика, соединенная съ только что упомянутой лишь общимъ фабричнымъ дворомъ и общимъ двигателемъ, работаетъ специально механическіе шелкоткацкіе станки, и слесаря, токаря, столяры, литейщикъ, составляющіе главный контингентъ рабочихъ этой фабрики, оказывается, работаютъ здѣсь, также за болѣе дешевую плату, чѣмъ ихъ товарищи въ Лионѣ или Тулонѣ; ихъ заработокъ составляетъ 4—5 фр. рѣдко поднимаясь до 6. Проходя по мастерскимъ этой машиностроительной фабрики, насчитывающей свыше 400 рабочихъ, я не могъ не обратить вниманія на сравнительно просторное размѣщеніе въ ней всѣхъ станковъ и машинъ. Было замѣтно, что владѣльцы, разумно утилизируя каждый квадратный метръ, вовсе не стремятся втиснуть во что бы то ни стало въ извѣстное пространство все то, что только возможно тамъ помѣстить, какъ это нерѣдко видимъ на нашихъ заводахъ; напротивъ станки стоятъ свободно и просторно, что, конечно, повышаетъ удобство работы и улучшаетъ гигиеническую обстановку труда. Эта сравнительная просторность мастерскихъ, встрѣченная мною не только здѣсь, но и на другихъ французскихъ фабрикахъ и заводахъ, находится какъ бы въ видимомъ противорѣчій со всѣмъ извѣстнымъ стремленіемъ французовъ использовать до послѣдней степени каждый земельный участокъ, вызваннымъ дороговизной земли. Надо думать, что сравнительная дешевизна капитала даетъ возможность предпринимателю не задумываться при устройствѣ какого-нибудь дѣла передъ нѣкоторымъ увеличеніемъ первоначальныхъ затратъ, разъ удобства, достигаемая этими затратами ясно сознаны и вошли такъ сказать въ привычку. Именно привычный взглядъ на дѣло, если хотите извѣстная рутинная игра на французскихъ фабрикахъ, какъ мнѣ кажется, не послѣднюю роль. По крайней мѣрѣ признаки такого взгляда я подмѣтилъ еще на одномъ вопросѣ, а именно на вопросѣ объ огражденіи опасныхъ частей машинъ. Говоря по правдѣ, я не видѣлъ среди владѣльцевъ и служащихъ французскихъ фабрикъ особой заботливости въ этомъ отношеніи; но тѣмъ

не менѣе нѣкоторыя опасныя части машинъ; напр. имѣющія быстрое движеніе или зубчатая зацѣпленія и т. п. ограждены почти всегда недурно; но въ то же время огражденія шкивовъ, ремней, вообще приспособленія для предупрежденія опасностей трансмиссій почти не примѣняются. Обращая вниманіе на такую странность, а я почти всегда получалъ одинъ отвѣтъ: „Знаете, у насъ обыкновенно такъ дѣлается“, хотя говорившій тутъ же соглашался, что указываемыя ему части представляютъ очевидную опасность. Но, несмотря на это, надо сказать, что благодаря отсутствію тѣсноты, хорошему освѣщенію и существующимъ огражденіямъ видѣнныя мною фабрики въ этомъ отношеніи производятъ довольно благоприятное впечатлѣніе.

Ознакомившись съ шелкоткацкой, я отправился на рядомъ стоящую шелкокраильную и набивную фабрику. Идя туда я сильно опасался, что владѣлецъ постарается отклонить мое посѣщеніе, такъ какъ краильныя фабрики обыкновенно тщательнѣе, чѣмъ какія либо другія охраняютъ свои мнимыя секреты. Вышло однако какъ разъ на оборотъ. Не знаю, было ли особенно удачно въ данномъ случаѣ написано мое рекомендательное письмо, или просто владѣлецъ фабрики оказался болѣе просвѣщеннымъ и чуждымъ рутины человѣкомъ, но приѣмъ былъ оказанъ мнѣ очень любезный, и я получилъ обстоятельныя объясненія по всѣмъ заинтересовавшимъ меня вопросамъ. Фабрика эта занята окраской, механической и ручной набивкой и отдѣлкой тканей, отдаваемая ей заказчиками,—крупными шелкоткацкими фабриками и торговыми фирмами. Обыкновенно рисунокъ, какъ и ткань, дается заказчикомъ. Формы, которыя сдѣлаетъ краильня для набивки рисунка въ ручную и тѣ мѣдныя валы, которыя она выгравировуетъ для работы набивными машинами, считается собственностью кліента. Рецепты же для полученія извѣстныхъ тоновъ разцвѣтки, напротивъ, составляютъ, если хотите, секретъ набивной фабрики.

Я попалъ въ Бургоэнъ въ тихое время—позднюю осень. Работы къ зимнему сезону уже окончены, а къ весеннему еще только что начинаются. По этому на фабрикахъ рабочихъ было немного, и ея мастерскія вслѣдствіе того каза-

лись по количеству народа особенно просторными и светлыми. На окраскѣ шелковыхъ тканей и на набивкѣ по шелку прежде всего сказывается вліяніе моды, и я очень жалѣлъ, что при посѣщеніи этихъ мастерскихъ со мной не было дамъ, особенно, какъ извѣстно, интересующихся модами. Любознательная посѣтельница могла бы здѣсь увидѣть дѣйствительно любопытныя вещи. То паденіе простоты и изящества рисунка, то стремленіе во что бы то ни стало, хотя бы цѣною безобразія, получить что нибудь новое и небывалое, словомъ тотъ декадансъ, который былъ замѣченъ мною при посѣщеніи Ліонскаго музея, сказывался здѣсь, среди образчиковъ модъ ближайшаго сезона, съ необычайной рельефностью. Цвѣты, гирлянды, симметрическія фигуры, нѣжные тоны—все это въ 1897 году было безпощадно изгнано. По дорогимъ шелковымъ матеріямъ набивались такіе рисунки, которые 10 лѣтъ назадъ были бы безусловно забракованы даже для дешеваго ситца. Чисто бѣлое, въ крупныхъ пятнахъ, по темно-зеленому или лиловому; ярко желтое съ чернымъ по кроваво-красному, все это въ видѣ большихъ, бессмысленныхъ, но рѣзко очерченныхъ фигуръ—вотъ что могъ я найти на фабрикѣ.

Когда у меня вырывались восклицанія удивленія, то хозяинъ только пожималъ плечами: „Что дѣлать! это идетъ, это требуется? Мы вѣдь только исполнители заказовъ и сами удивляемся, какъ это грубо, вульгарно. Посмотрите, что я покажу вамъ!—и онъ развернулъ передо мною огромный рядъ альбомовъ съ образцами, изготовленными фабрикой за послѣдніе три десятка лѣтъ. Для каждого заказчика имѣлся здѣсь свой особенный альбомъ.—„Посмотрите, что эта же фирма заказывала намъ 10,—5 лѣтъ назадъ, даже за 2—3 года. Вы видите, какъ это изящно, какъ это тонко, горячился хозяинъ, очевидно любитель дѣла,—и вотъ что мы должны теперь для нихъ же дѣлать!“ И дѣйствительно, стоило только перекинуть 3—4 страницы назадъ, чтобы придти въ совершенное изумленіе отъ безвкусья новыхъ рисунковъ.

Черезъ два часа я сидѣлъ въ ожиданіи поѣзда въ крошечномъ ресторанчикѣ, хозяйка котораго оказалась той са-

мой дамой, которая указала мнѣ дорогу на фабрики при моемъ прїѣздѣ въ Бургонъ я попросилъ сыру и красного вина.

— „Ну, ужъ извините! Вы прїѣзжайте, а вино у насъ только мѣстное прошлаго урожая, а оно неудачно. Что? не нравится? да оно было плохо“, такъ и сыпала отдѣльными фразами словоохотливая дама. „Но что же дѣлать—здѣсь не для кого держать большой запасъ разнообразныхъ винъ. Городъ маленький, посѣтителей мало. Вѣдь эти фабрики у насъ только недавно выросли. Прежде была одна красивая. Конечно, съ фабриками теперь населеніе увеличивается?“

— „А охотно у Васъ идутъ на фабрику работать?“

— Конечно, охотно! Въ последнее время только туда трудненько попасть, такъ какъ фабрики не увеличиваютъ числа станковъ; а кто попалъ, тотъ радъ. Еще бы—такой заработокъ! Каждая дѣвушка можетъ 2—3 фр. заработать. Бургоизцы должны быть очень довольны, что въ ихъ городѣ такъ растутъ фабрики“.

Мнѣ вспомнился Лионъ и тѣ ткачи, мастерскія которыхъ я осматривалъ наканунѣ. Что сказали бы они, слыша подобныя сужденія? 30—40 километровъ разстоянія оказались, очевидно, достаточны для того, чтобы медаль повернулась обратною стороною:

Москва,

Декабрь, 1897 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отъ Автора.

Въ центральномъ районѣ.

	<i>Стр.</i>
I. Заработка.	1
II. Директоръ	10
III. Въ свободное время.	17
IV. Несчастіе.	30
V. Въ лѣсу	39
VI. По кубу на человѣка.	51
VII. Въ больницѣ	61
VIII. Фабричная скука.	73
IX. Коневская гута	85
X. Инспекторская ревизія.	98
1) По фабрику	98
2) Въ директорскомъ кабинетѣ.	110
XI. Ткачи пошумѣли	123

Изъ заграничныхъ впечатлѣній.

I. На французскомъ судостроительномъ заводѣ.	142
II. Лионъ и его шелковое производство.	155

Важнѣйшія изъ замѣченныхъ опечатокъ.

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ читать:</i>
5	13 сверху	перерывность	непрерывность
55	11 „	слова „и многое другое“	слѣдуетъ вычеркнуть.
76	2 снизу	нисхожу	прихожу
77	18 сверху	работаго	рабочаго
92	5 „	отъ доктора	со словъ доктора
95	17 снизу	слова „и сарайчика“	слѣдуетъ вычеркнуть.
118	2 сверху	изъяснить	разъяснить
—	— „	сейчасъ же	сейчасъ
122	14 „	всю строку	слѣдуетъ вычеркнуть.
130	11 „	группъ	группъ;
131	7 „	говорите	говори
133	29 „	безпрестанно	безостановочно
140	2 „	десяти-пятнадцати	десять-пятнадцать.
142	10 снизу	Новыя	Не только новыя
—	9 „	слова „не только“	слѣдуетъ вычеркнуть.
143	17 „	подходимъ	подходили
145	17 сверху	переходахъ	періодахъ
—	19 „	обозначается	обозначался
—	4 снизу	даетъ	давалъ
146	13 сверху	населеніе	поселеніе
149	12 снизу	представляетъ	предоставляетъ
—	1 „	нужно	нужно,
157	17 сверху	на посту	къ концу
172	13 снизу	отдаваемая	отдаваемыхъ
174	2 сверху	я	. Я